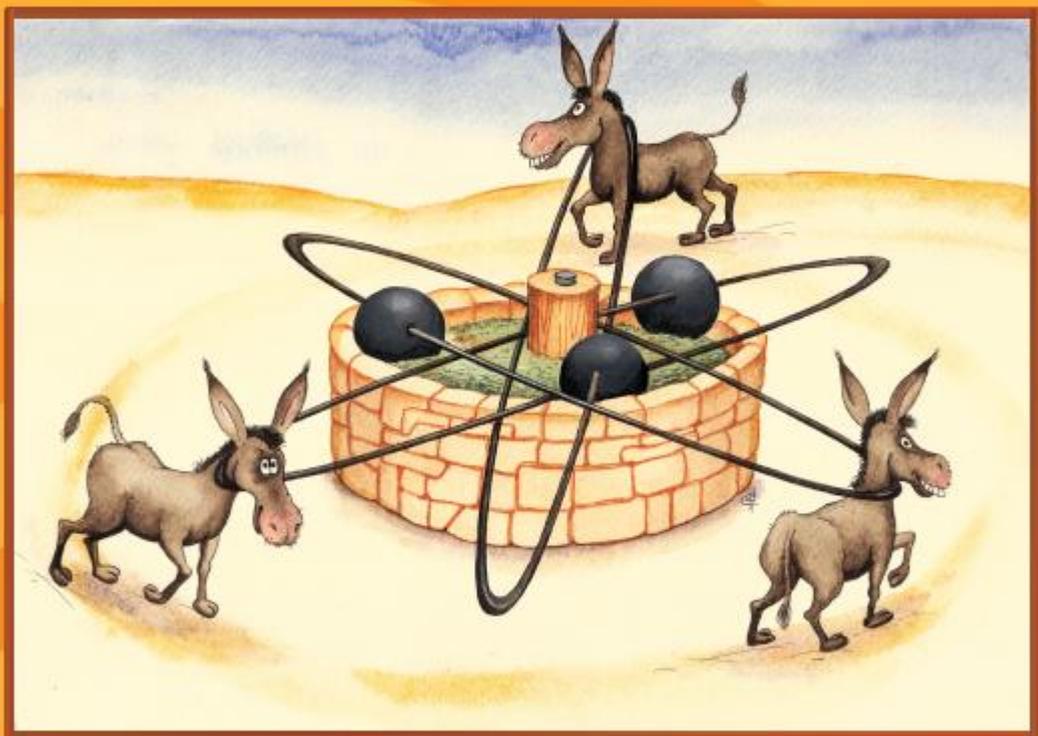

(((СОНАР)))

№ 18, 2025 г.

Хайфа, Израиль

Редколлегия журнала (((СОНАР)))

Марина
Симкина

Анжела
Беленко

Ирина
Лир-Лави

Анатолий
Анимица

Ольга
Логош

Леонид
Штернберг

Электронная почта редакции: rougelangue@gmail.com

Номера журнала: <https://sonar.ecoimper.net> <http://geotar.com/sonar>

Сонар медиа все выпуски: [Сонар аудио и видео](#)

Все права на публикуемые в журнале произведения принадлежат их авторам.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

В оформлении номера журнала использованы рисунки художника Сергея Сыченко: 1 стр. обложки – «Мирный атом», 4 стр. обложки – «Флейтист».

Выпускающий редактор – Марина Симкина.

Оглавление

ЮЛИЯ МОГИЛЕВЕР	3
Я уйду в стихи насовсем	3
БОРИС ПОЛИЩУК	10
Последняя четверть Повесть	10
ГРИГОРИЙ ПЕВЗНЕР	65
Слова любви и ярости. Любовь... Стихи	65
ИРИНА ЛИР-ЛАВИ	77
Пурим с автоматом Рассказ	77
ГЕЛЕНА СТЕПУРА	87
Рассказы	87
Искусство валяться	87
Мишка	89
Мужской разговор	90
Венгерский эпизод	94
Молитва	101
Сообщение	102
АНЖЕЛА БЕЛЕНКО	104
Верлибры	104
ТАТЬЯНА БЕЛОБОРОДЬКО	107
Рассказы	107
В поисках прошлого	107
Кого она ждала?	110
Два берега	112
Любитель птиц	113
За океан	115

Февральская сирень.....	117
ФРИДА ШУТМАН.....	120
Дети войны. Рассказы	120
Поцелуй.....	120
Тёмная ночь.....	123
Два стихотворения на английском языке	125
All We Want.....	125
One Hot Summer Day	125
ПАУЛИНА ЧЕЧЕЛЬНИЦКАЯ.....	127
Главы из романа «Дети Сиона»	127
Милий Гетман.....	127
Владимир Луцкер.....	132
ТАТЬЯНА КОРЕНЕВА.....	136
Антоновка Рассказ.....	136
АННА РЕМЕЗ.....	141
Кто я теперь? Рассказ	141
ЕФИМ ЗАЙДМАН, АНЖЕЛА БЕЛЕНКО	143
В тени Рауля Валленберга	143
ЮРИЙ РОЗИН, ЛЕОНИД ШТЕРНБЕРГ	151
Как сионисты Палестину спасли, или с чего начинается Родина ..	151
ДОДО ЧИКВАШВИЛИ.....	164
Взаимодействие лекарственных средств.....	164
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	178
КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ.....	184

ЮЛИЯ МОГИЛЕВЕР

Я уйду в стихи насовсем¹

* * *

Звуки обозначаются на письме буквами.

Из грамматики

Слова, как и мир, непрочны,
буквы дергаются в стремленье
перетасоваться, в клочья
разорвав звучанье и звенья,
перетечь, переплавить слепок,
их ловить на слове нелепо.
Утекает в марево время,
календарь лихорадит кадрилью,
в смеси месяцев смысл бессильно
затемняясь, меняет тему:
вон январь – фонари и варенье,
февраля рельефы форельи,
марта драмы, травмы, смятенье,
акварель на пленэре апреля,
май мой мается, в яму манит,
и июнь – юный нюня с няней,
и с юлой июль или с лютней,
ну а август густой и грустный.
Нес сентябрь серебро браслета,
тек октябрь – акробат с кокардой,
а ноябрь не броней, но брэнной
плотью платит. И вот последний
добредаёт в кордебалете
дат декабрь на дебаркадер,
он сойдет в ритуальном танце,
и придет пора расставаться,
слова завершают круг свой,
и звуки растащат буквы
в иллюзии аллитераций.

¹ Авторское чтение: <https://www.youtube.com/watch?v=yUWHYj6xfUw>

Разнообразии форм

Приклад ружья,
рукоять ножа,
древко стрелы,
пушек стволы,
мины, гранаты,
топоры, автоматы,
крейсера, истребители,
пистолеты с глушителем,
гаубицы, ракеты,
мечи, арбалеты,
кастет, базуки,
и просто руки.

Теория «Уйди-уйди» (теория о сжимающейся и расширяющейся вселенной)

Когда погаснет свет, и опустеет сцена,
мир съжится, забьется в безжалостной руке –
от вечной, бесконечной, блистающей вселенной
останется спрессованный, фасованный брикет.
Давление растет – все выжато и сжато,
все планы и планеты, все атомы, тома,
кометы и комедии, орбиты и арбаты,
казармы и квазары, все темы, тьмы и тьма.
И больше нет пустот, лишь сгусток квинтэссенций,
где в стронций вдавлен страх, кровь втиснута в Коран,
там правда вбита в прах, крик в крест, свинец в Освенцим,
агония в огонь, и воронье в уран.
Пространства больше нет, а времени – навалом,
все без разбору жрет пасть черная дыры,
и не было еще, еще не начиналось
нигде и никогда. Но вот мгновенье – взрыв!

* * *

Видно мы – герои второго сорта.
Мертвая вода помогает мертвым.
Это справедливо – они же люди,
и имеют право мечтать о чуде,
верить, что спасенье вполне возможно:
ведь вода живая для мертвых тоже,
чтоб вернуть назад из загробных странствий.
Только для живых не нашлось лекарства –
мед, что по усам, да мороз по коже,
молоко сбежавшее, век, что прожит
без черновиков, лишь бы как, не в ногу,
нам, живым, и сказки помочь не могут,
узелок с тряпьем нам, да ломтик черствый,
видно мы – герои второго сорта.

Памяти Евгения Клячкина

Наша юность стала седой, сутулой, но не исчезла,
это так банально, что бьет иногда под дых:
старенькие тетеньки плачут на могиле Элвиса Пресли,
рок-н-ролл и твист – музыка седых.
Лысые дяденьки с призрачным взбитым коком,
узкие брючки мысленно обтягивают отвислый зад,
солнышки лесные в морщинах напевают про гостиницу и со вздохом
не глядят назад. Давно не глядят назад.
«Тянешь еще, старик?» – можно понять буквально,
после «живем, ребята» лучше поставить вопрос,
но проступает что-то живописью на скальной –
бледный, нелепый контур, прощальный апофеоз.
Саксы, барды, гитара, воля, злая насмешка жаргона,
эти мини и патлы, бесившие граждан и власть, –
поколение привидений вымирает поодиночке согласно закону
природы, несовместимое со старостью,
умудрившееся постареть и пропасть.

* * *

Ни страны, ни погоста...
И. Бродский

Человеку бывает свойственно предполагать,
располагая потом, между прочим, совсем иначе,
и слова «нельзя вступить в ту же воду» значат,
что не столько вода не та – безнадежно не та нога.
А не той щекой не прижаться к чужой отчизне,
между прежних линий другое тело не втиснешь,
нет причины у этих глаз тот фасад искать,
и туда, где все та же цинковая река
из-под лап грифона смывает вечную пряжу,
никому не прийти. Просто некому. И неважно.

* * *

Мне приснился телефонный звонок.
Просыпаюсь – всюду тихо, ни звука,
дом спокойно спит, и только одно
как будильник сердце ухаёт глухо.
Я глаза закрою – снова звенит,
открываю – темнота и дыханье,
да погасшие повисли огни,
а за окнами теней шебуршанье.
То ли это забавляется ночь,
в свисте скаля почерневшие зубы,
то ли кто-то умоляет помочь,
но никак не поднимается трубка.
Подожди меня, звонок, не буди,
дай ответить в том же сне, где звенишь ты.
Но опять меня толкает: уйди,
срок не вышел, погоди, срок не вышел.

* * *

Когда я умру...

Федерико Гарсия Лорка

Когда я умру, от меня останутся фотографии,
неразобранные бумаги, ненужный хлам,
в отделе кадров – краткая автобиография, –
а все остальное – ко всем чертям.
Память ненадежна: она выдает желаемое за действительное,
или нежелаемое за недействительное,
или то, и другое, и третье, что так же сомнительно.
Но главное, в ней никогда не останется то,
чего никогда и не было, и ничто,
что всегда было, и нечто, о чем никто не знал, и что, на самом деле,
не менее реально, чем быт и плоть,
и исчезнет еще до того, как она окоченела, –
уйдет...
Впрочем, куда может уйти то, чего нет в помине?
То, чего никогда не было, навсегда сгинет,
а останется все, в чем не будет меня – фотографии,
тряпки, клочки ощущений, бумажный хлам,
с бору по сосенке вех моей биографии,
расплывающийся отпечаток на чьей-то сетчатке,
дыра в пространстве, расползающемся по швам...

Памяти Булата Окуджавы

Год шестьдесят неучтенный, июнь девяносто седьмого,
день, когда отрубил трубач, и надежда нашла другого –
ведь не все ли равно надежде, над кем простирая руки,
наиграет ее оркестрик веселый мотив разлуки.
Не грустит, не печалится, в общем-то, что ей за дело? –
это как повезет – на войне, на дуэли, в постели,
он не то чтобы жил, он дышал и летал там, где ходят,
путешествие кончилось, фраеры вышли из моды.
И тогда на гитарных аккордах последнего вздоха
отыграла, отпела и отговорила эпоха,
не смогла приспособиться к новым крутым заморочкам.
Кто-то должен был взять и поставить последнюю точку.

* * *

*И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука...*

А. Блок «Незнакомка»

Десятки тысяч лет
она живет на свете.
Точеный силуэт
несется по планете.
Летит, на чем смогла –
на чем там мчат сегодня,
когда уже метла
и ступа непригодны?
Вновь – узкая рука
и древние поверья...
не в моде пусть шелка
и траурные перья.
Но жгучий глаз косит,
и брагой бродит зелье,
и, как дурман, кружит
бесовское веселье.
Что ночь наворожит –
не расколдует утро:
молитвенник открыт
на строчках Кама-Сутры.
Дымится четкий след,
озоном пахнет ветер...
Десятки тысяч лет
она живет на свете.

* * *

Наковаленка моя,
в центре – маленькая я,
молоточек тюк да жак –
ручки дернулись, дрожа,
то ли «больно», то ль «сдаюсь» –
молоточек хрясь да хрусть,
наковаленка моя –
плачет маленькая я:
ой за что? да как же так?
молоточек вжик да шмяк –
из судьбы моей земной
лепит крылья за спиной.

* * *

Я уйду в стихи насовсем,
стану буквой Т или М,
и сорвавшись выдохом с губ,
строчкой по строфе побегу.
Незаметно в точку сожмусь,
точка не читается – пусть,
ритм, рванув с разбега вперед,
о меня споткнувшись, замрет.
Только жить-то как – душит жгут! –
разорву размер, не могу,
трель аллитераций кляня,
вам шепчу: услышьте меня!
Без регалий, званий, заслуг,
как стихам пробиться сквозь мглу?!
Всхлипнув, стихнут их голоса –
некому теперь дописать.

БОРИС ПОЛИЩУК

Последняя четверть

Повесть

Автор хотел бы пояснить, как возникла эта повесть. Дело в том, что он живет в одной семье с четырнадцатилетним подростком, склонным к дурным поступкам, не будем уточнять каким. Противостояние дошло до вражды. Автор обратился за советом к своему двоюродному брату Виктору Евгеньевичу Быстрову, который многие годы преподавал в школе. Виктор совета не дал, но вспомнил одну историю. Эта давняя история оказалась для автора злободневной. С разрешения Быстрова, автор воспроизвел ее – для себя и для своего воспитанника, с надеждой, что она еще кому-то поможет задуматься о детях переходного возраста.

1

Створки металлических дверей глухо стукнули за спиной Быстрова, электричка свистнула и унеслась. Быстров, чуть согнув ноги в коленях, ловко и пружинисто прыгнул с платформы, с удовольствием ощутив надежность своего спортивного тела. Он пошел широким шагом, наушники пыжиковой шапки отлетали, но ветер прижимал их к ушам, отчего возникали короткие паузы тишины, как в далеком детстве, когда прижимаешь и отнимаешь ладони от ушей.

Было начало марта, выпал снег, весна отступила, хотя и недалеко и ненадолго. Дорога слаломным зигзагом петляла между холмами. Склон, покрытый потемневшей прошлогодней травой, стал белоснежным, и Быстров, со свойственным ему оптимизмом, принял это за добрый знак: темная полоса жизни неизбежно сменяется светлой, так будет и на этот раз.

Пятиэтажная поселковая школа была, пожалуй, самым высоким зданием в поселке. Силикатный кирпич и огромные окна выглядели внушительно по соседству с деревянными домиками. В вестибюле Быстров тщательно вытер ноги, поглядывая на бюст Макаренко, который стоял на кумачовом возвышении, окруженный горшками с цветами.

– Вам кого? – строго и подозрительно спросила уборщица, привыкшая воевать с ребятами и в любой момент готовая прикрикнуть.

– К директору. Насчет работы.

– Насчет работы? Ну, идите, если насчет работы.

«Молодо выгляжу», – подумал Быстров, но тут же успокоил себя: – «Тем лучше, тем ближе к подросткам, и тем легче расположить их к себе».

Он снял шапку, пригладил перед зеркалом свой каштановый ежик и, подталкиваемый недоверчивыми глазами уборщицы, пошел по коридору. Зажатая в руке пыжиковая шапка ему мешала, он себя просителем чувствовал, но освободиться от шапки и куртки в гардеробе значило намекнуть директору, что надолго пришел, хотя разговор может быть коротким, в открытке, полученной Быстровым, ничего, кроме приглашения зайти, не было.

С директором школы он виделся всего один раз, еще летом, но тот узнал его и обрадовался, однако, попросив подождать, уткнулся лохматыми бровями в бумаги. Быстров сел в кресло напротив и стал наблюдать за большой, седоватой директорской головой, которая двигалась возвратно-поступательно по строчкам какого-то документа. «Историк, наверно, – думает Быстров. – *Тычер*». Он частенько метил этим словом коллег, английское teacher в его транскрипции приобретало вполне определенный смысл. Как правило, тычеры становились завучами и директорами школ.

Директор наконец оторвал брови от бумаги.

– Срочная сводка, – сказал он, давая понять, что занят важным делом, от которого не может надолго оторваться. – Где работаете?

– В вечерней школе, – ответил Быстров.

– В город электричкой ездите? Часа два на дорогу?

– Полтора, – уточнил Быстров.

– Я вас хотел взять еще при нашей первой встрече, но, увы и ах, мест не было.

«Это «увы и ах» в прошлом осталось или перешло в настоящее? Опять будет кормить обещаниями? – подумал Быстров. – Зачем он разглядывает меня так, словно я пришел просить руки его дочери?»

– У нас физичка рожает, – директор вздохнул, ожидая от Быстрова сочувствия. – Маргарита Петровна, наша вторая физичка, взяла старшие классы, а шестым и седьмым выставила оценки, третью четверть закончили, а дальше – увы и ах (приклеились к нему эти дурацкие ахи!), неизвестность. Не могли бы вы повести шестые и седьмые классы?

– Вы меня берете временно, на последнюю четверть?

– А там посмотрим, посмотрим! – Директор смущенно замолчал, видимо, испугавшись, как бы у посетителя не возникла мысль, что он допускает фатальный исход родов.

– Я живу в соседнем поселке, мне удобно, – сказал Быстров, улыбкой давая понять, что вошел в положение директора, который берет кота в мешке и должен определить, ловит ли этот кот мышей.

– Ну и прекрасно! К нашему завучу, Анне Юрьевне, идите. Успехов, удач!

Пожав Быстрову руку, директор возобновил возвратно-поступательное движение своих бровей по строчкам сводки. «Тычер», – решил Быстров.

Кабинет завуча был на втором этаже. Классных комнат здесь мало, из одной доносился женский голос: «Не выскакивай, подними руку!» В учительскую дверь приоткрыта, Быстров увидел длинный стол под зеленым сукном и стенку в полочках с цветами. В следующую дверь, с табличкой «Завуч», он постучал.

Женщина в длинном синем платье курила возле окна, лоб ее был наморщен, она думала о чем-то и не успела приготовить лицо для вошедшего.

– Меня директор к вам направил, я учитель физики, – сказал Быстров.
– Виктор Евгеньевич меня зовут.

– Анна Юрьевна. – Она кивнула, однако руки не подала. – Садитесь.

Повернулась к Быстрову спиной и выпустила в форточку струю дыма. Ее светлые волосы были стянуты на затылке в узел величиной с кулак ребенка, спина прямая, синее платье почти до самых щиколоток, чуть видны синие носки. «Таких дам в старину называли «синими чулками», – подумал Быстров.

– Расскажите о себе, – попросила завуч, усаживаясь за стол.

Отвечая на ее вопросы, Виктор Евгеньевич старался смотреть завучу в глаза. Да, стаж работы у него небольшой, но помогает жизненный опыт, работа на заводе, служба в армии, взрослые люди в вечерней школе внимательно слушают, когда он объясняет им законы мироздания.

– Но с детьми хочется работать? – спросила Анна Юрьевна.

– Очень хочется, – признался Быстров.

«Хорошо бы ей понравиться, – думает он. – Но для этого она должна понравиться мне, иначе будет мстить: такие женщины не прощают антипатии к себе. Синим Чулком не стоит ее называть, хотя бы даже и мысленно. Завуч будет Железной Леди». Растерев папиросу горсткой худых, желтых пальцев, она еще раз взглянула на чисто выбритые щеки Быстрова, на его широкий подбородок с трещиной посередине, на крепкую шею и сухо сказала:

– Не думайте, что у нас вам будет легко. Ладно, посмотрим, время покажет. Я вас представлю Маргарите Петровне.

Со звонком школьные коридоры оживают. Дежурный преподаватель разбирает свалку малышей, кто там на кого напал, неясно, у всех обиженные лица. К двери химического кабинета летят портфели. Худая и

длинная пионервожатая с галстуком на шее и копной рыжих волос на голове, возвышаясь над питомцами, как подсолнух в огороде, что-то пытается им внушить, но они не слушают, галдят. Многие ребята, едва очутившись в коридоре, припали к окнам, радостно переговариваются и комментируют то, что видят. Весна на улице!

– Здравсьте, Аньюревна! – выкрикивают малыши. Девочки-старшеклассницы с достоинством кивают.

«Будете меня слушать? – думает Быстров. – Весной – будете?» В его воображении возникла неприятная сцена: Маргариту Петровну обступили ученики, и какая-то девчужка виснет на учительнице и щебечет: «Он объясняет, а я не понимаю! У вас, Маргарита Петровна, я всё понимала! Всё-всё!..» Сцена тем более неприятная, что Маргарита Петровна для Быстрова была Ритой, он однажды целовался с ней. Да, было такое.

Она писала в конспекте. Увидев Быстрова и завуча, поднялась со стула и слегка, медленно кивнула, как бы спрашивая: «Зачем ты здесь?..»

– Маргарита Петровна, познакомьтесь с Виктором Ефимовичем, нашим новым физиком.

– Виктор Евгеньевич, – с некоторым раздражением поправил Быстров. Он мог бы сказать: «Мы знакомы», но считал, что это должна сделать Рита.

Она растерялась, не догадывается сойти с учительского помоста, смотрит смущенно сверху вниз.

– Будете в одной упряжке. Перепоручаю вам Виктора Евгеньевича. – сказала завуч, сделав ударение на отчестве Быстрова. – Значит, до встречи первого апреля.

Быстров проводил глазами синее платье с кулачком волос над воротником.

– Первого апреля эта Железная Леди отправит меня домой, объявив, что приглашение на работу было шуткой.

– Что ты! – воскликнула Рита. – Она очень ответственный педагог! Школа ей многим обязана!..

Окна в кабинете были занавешены гардинами, на стенах висели портреты великих: Ньютон в парике, круглый, в круглых же очках Якоби, гордо вскинувший голову Ломоносов, еще кто-то незнакомый, но тоже гордый и старый. Помост учителя был окружен широким барьером.

– Ты рядом, в четырнадцатом кабинете будешь работать, – сообщила Рита. – Лаборантскую хочешь посмотреть?

Она держалась так, словно Быстров пришел в школу с инспекцией. А может, наоборот, ее смущало, что он стал ее подопечным. Следом за

Ритой он вошел в комнату, где стояли шкафы с учебными пособиями, изготовленными на фабрике по заказу министерства Образования, поверх шкафов и на полу лежали рулоны типографских рисунков. Руками учеников ничего не было сделано. На верхней полке шкафа валялся моток провода и несколько реле, а на нижней полке скучали ржавые пассатижи.

– Лаборантке ты делай заказы накануне, – сказала Рита. – Она исключительно обязательный человек, всё приготовит.

Быстров с усмешкой посмотрел на Риту, никогда в жизни не державшую в руках пассатижи, и подумал: «Где она, и где физика?» В кабинете тем временем рассаживались ребята.

– Не буду мешать. Загляну к тебе домой, если ты не против, – шепнул Быстров.

– Пожалуйста, Витя! Буду рада! – отозвалась Рита.

Длинный коридор затих и опустел, возле окон валялись скомканные бумажки, напоминая о недавней перемене. Спустившись вниз, Виктор достал из кармана шапку.

– Что вам директор сказал? – спросила любопытная уборщица.

– Работать буду у вас, – весело сказал Быстров.

От школьного крыльца начиналась аллея молодых берез. Снег лежал по краям аллеи, а посередине синело весеннее небо; лужу не так-то просто обойти, к березкам надо прижиматься. Быстров оглянулся на силикатное здание, освещенное солнцем, и представил, как первого апреля выйдет из-за барьера, отделяющего учителя от ребят. В вечерней школе на вступительной лекции он говорил: «Мир не враждебен нам – тем, кто знают законы физики. А вот невежды живут в вечном страхе перед явлениями природы и различной техникой, которая их окружает...» Но это он говорил взрослым людям, для ребят надо доступней, проще.

2

Сосед по столику сказал Быстрову:

– Ты мне знакомый. На Ремонтном заводе работаешь?

– В школе преподаю, – ответил Быстров.

Сосед стал расспрашивать, как Быстров с учениками ладит.

– Можно вас пивком угостить? – осведомился он.

Быстров от угощения отказался.

– Извините, конечно, – сказал сосед и поднялся.

Кружка с остатками пива и солонка стоят перед Быстровым, он поглядывает в окно. Стук колес и свистки электричек, приглушенные разговоры в вокзальном буфете заменяют музыку. Быстрову нравится

сидеть здесь и наблюдать за приезжающими – в окне, потом переводить взгляд на посетителей буфета. Правда, пьяный старик с красными, слезящимися глазами, сидящий за соседним столиком, начал что-то бормотать и хватать Быстрова за плечо, чем слегка испортил настроение.

Когда в буфет вошел сержант милиции, звяканье кружек и разговоры стихли. Осторожно сдвинув фуражку двумя пальцами на затылок, сержант дотронулся до спины старика:

– Пора на воздух, папаша.

Старик наклонился и стал шарить руками, ища шапку, которая лежала на полу.

– Набрался, стыдно, – сказал Быстров. – Люди смотрят.

– Идем. – Сержант нагнулся и подал шапку старику.

Теперь Быстрову никто не мешает. Он взял у буфетчицы еще одну кружку пива.

Свежее пиво – мм! – в меру пенистое, холодное. Не полагается учителю торчать в злачном месте, но не такое уж оно злачное, да и разве учитель не мужик? До встречи с Ритой целых полчаса, можно не торопиться.

В буфете он впервые увидел Туманова. Разумеется, он тогда не знал этого мальчишки в лицо, но почему-то подумал: «Мой ученик». Вдоль стены стояли две пивные бочки, голова нового посетителя едва поднималась над ними. Он был в кургузом пальтеце и заляпанных грязью ботинках – хилый, с маленькими, настороженно бегающими глазками заморыш. Он прикрыл за собой дверь, остановился и разжал ладонь с мелочью. Пересчитав ее, исподлобья глянул на сидящих и стоящих взрослых и подошел к буфетной стойке.

– Две кружки. – Настороженные глаза его предугадывали отказ.

– Иди отсюда! Сержант сейчас был, смотри, сдам! – злобно сказала буфетчица и отвернулась.

– Меня брат послал. Он ждет на улице.

– Пускай сам придет.

– Он меня послал!

– Нет у тебя брата! – заорала буфетчица. – Твоя мать – пьяница подзаборная, все ее знают!

Мелочь в раскрытой ладони Заморыша звякнула.

– Я плачú, вы должны налить! – сквозь зубы процедил он.

– Мамаше на опохмел пиво поднесешь? Ну и дурак! Пускай помучается, меньше бухать будет!

– Заткнись, сука! – выпалил Заморыш и побежал к двери.

Буфетчица опешила.

– Ах ты, гаденыш! Еще обзывает! Будет мне указывать, что я должна!..

Заморыш шел со своим приятелем по платформе – Быстров увидел их в окне. Приятеля он окрестил Красавчиком: тот выглядел гораздо респектабельней Заморыша – в импортной плащевой куртке с «молниями» (такую куртку Быстров мечтал купить у спекулянтов, в магазинах она не продавалась), шея обмотана мохеровым шарфом, джинсы вдеты в замшевые сапожки, на голове кепочка с помпоном. По-видимому, Заморыш хотел угостить Красавчика пивом, но тогда ему следовало пересыпать монеты в ладонь Красавчика, к нему буфетчица была бы милостивей. Быстров заметил в руке Заморыша неизвестно откуда взявшийся алюминиевый бидон и подумал: а не выйти ли к ним и так по-дружески спросить, отчего Заморыш не вошел с бидоном в буфет и не попросил буфетчицу налить в бидон пиво? Но пацаны, в свою очередь, спросят Быстрова: «А вы кто такой?» Пришлось бы признаться, что он учитель. Разговор мог получить нежелательное продолжение: пацаны, видать, бедовые, за словом в карман не лезут.

Тем временем к платформе подошла электричка, Красавчик впрыгнул в вагон, а Заморыш двинулся по платформе, размахивая пустым бидоном, спустился по ступенькам и исчез.

В пасмурные дни поселок выглядит уныло: в огородах хлам, остатки подмороженного зернистого снега, на тротуарах грязь, кое-где лужи. И куда ни глянь – заборы. Быстров вышел на шоссе. Возле первого из трех одинаковых домов с плоскими крышами, похожих на расцепленные вагоны, он остановился. В каком из этих домов живет Рита? Уславливаясь о визите, Виктор не спросил, а Рита не сказала адреса. Он сомневался, пока не заглянул на лестницу. Увидев деревянные ступеньки, выкрашенные мастикой, и выломленную балясину, он вспомнил, что здесь обнимал Риту два года назад.

Номера квартиры он не знал, позвонил наугад, но открыла ему Рита – в халате и в тапках, руки красные, распаренные.

– Соседи в городе, – объяснила она. – На кухне никого, я затеяла постирушку. Извини, думала, ты позднее придешь.

Виктор предпочел бы увидеть Риту в прическе, принаряженной, сидящей на диване, рядом журнал, который она бросила, когда услышала звонок. Стирает. Почему-то усомнилась в его пунктуальности.

– Сейчас закончу, – пообещала она. – Посмотри пока книги.

Комната была аккуратной, но когда знаешь, что обитает здесь одинокая женщина, которой хорошо за тридцать, то кажется, что печалью и скукой

окрашено ее жилье. Даже запах Виктор почуял какой-то горьковатый. На этажерке учебники школьные и вузовские, пособия для учителей, собрания сочинений классиков, детективы, фантастика – вкусов хозяйки этажерка не раскрыла. Виктор взял роман, написанный мужиком от лица женщины, полистал и отложил, подумав: «Что-то нездоровое...» Для чтения он выбрал журнал «Наука и жизнь».

С журналом на коленях сидел и ждал он, а не Рита. Впрочем, это и хорошо, не надо Быстрову ни ее прически, ни наряда. Незамужней Рите больше, чем обремененной семьей учительнице, необходимы дети, чтобы любить их и чтобы они отвечали ей любовью. Отвечают ли? Это Быстров хотел уяснить. Воспоминания о том, что было два года назад, он старался убрать из своей памяти, но никак не получалось.

Было вот что. Студентом-вечерником он попал в компанию молодых учителей. Ему было внове, что люди его возраста обращаются друг к другу по имени-отчеству. Быстров натужно улыбался толстяку-географу, который острил весь вечер, по-видимому, считая себя остроумным, хотя никто, кроме него, не смеялся. Сидевшая рядом с Быстровым Маргарита Петровна пыталась развлечь его разговором об институтской профессуре. Он оценил ее внимание и поехал провожать, благо по дороге было: он жил в соседнем с Лопухово поселке. Полчаса простояли они на лестнице ее дома. Рита поняла Виктора как робкого, неуверенного в себе парня, и таким он ей понравился. Она смотрела на него с жалостью и нежностью, шептала: «У тебя сильные руки, но я чувствую, ты человек без кожи, совсем незащищенный!» Домой к себе не пригласила, сославшись на вредных соседей, но целовалась страстно. Договорились встретиться на следующий день в кафе. На свидание Виктор явился в единственном своем темно-синем костюме, в белой рубашке с галстуком, прокомментировал вчерашнюю вечеринку и качество остроумия географа, рассказал о своей армейской службе и удивил Риту научными познаниями. Теперь она смущалась, выглядела неуверенной, жеманной, говорила штампами, новой встречи Быстров не назначил. От вчерашних поцелуев на лестнице остались досада и стыд за себя.

И вот он в новой роли – в роли коллеги Маргариты Петровны – сидит в ее комнате. Из окна видна дорога, по краю которой устало шагают, слегка наклоняясь вперед, деревянные столбы. Начинало смеркаться, в некоторых домах уже горели окна – там шла какая-то жизнь, а на тихой улице ее совсем не было заметно. В комнату вошла Рита.

– Еще минуту, – сказала она, роясь в шкафу.

Быстров спросил, можно ли курить, она обрадовалась:

– Кури, конечно! – Прикрыв глаза, она потянула ноздрями дым. – Какие у тебя папиросы?

– А ты куришь? – удивился он, протягивая пачку «Беломора».

– Что ты, что ты! – Она замахала на него руками.

– А то угощайся.

– Я просто люблю табачный дым, – сказала Рита. – Пепельницы у меня нет, вот тебе чашка.

Часам к восьми она принарядилась, подвела веки и ресницы карандашом, отчего большие серые глаза стали еще больше, надела костюм кофейного цвета, волосы зачесала наверх, оголив выпуклый лоб,

– Ну, как ты? – спросил он.

– Хорошо, – ответила Рита, глядя в окно, видимо, считая, что в профиль она выглядит лучше, чем анфас. – У нас по вечерам никого на улице, тихо-тихо – ни машин, ни людей. Хочу обменяться на город. Но моей комнатухой кто прельстится?

– В школе как? – приступил Быстров к интересующей его теме:

– Мы заняли второе место в районе, – сказала Рита. – Коллектив дружный, Новый год все вместе справляли... Хотя было не слишком весело... Классы неплохие. Седьмой «Б» только... Ужасный класс!..

– Об этом классе и расскажи, – попросил Быстров, растирая папиросу в чайной чашке с цветочками и думая о том, что Рита явно не дружит с логикой. Наслаждается спокойной загородной жизнью, но тишина угнетает; коллектив учителей дружный, но встречать с ними Новый год скучно. Классы неплохие, но она не может справиться с одним из них.

– Анна Юрьевна говорит, нет плохих учеников, есть плохие учителя, – сказала Рита. – Я у нее на хорошем счету, но... Сама я не очень довольна своими уроками. Когда вижу глаза Туманова, мне становится страшно! Любовь Васильевна, культурный человек, незаурядный педагог, не выдержала, ударила его по щеке. У меня бы рука не поднялась, а она не утерпела. Туманов обругал ее матом, представляешь? Туманов ненавидит учителей, как будто мы виноваты, что у него мать – пьяница, что он живет в ужасных условиях! Я была у него дома. С матерью говорить бесполезно – синяя, опухшая. На ее примере Туманов мог бы понять, к чему приводит антисоциальный образ жизни. Но нет, он винит всех, кроме матери!

– Я сегодня видел этого пацана в вокзальном буфете, – сказал Быстров. – Заморыш такой. А дружок у него – Красавчик. Я подойти к ним хотел.

– Дружок Туманова Ключевский – то еще сокровище! – подхватила Рита – Туманов ненавидит мир, а Ключевский этот мир презирает! Он самый красивый и самый умный, поэтому имеет право делать всё, что хочет! Он подговорил Туманова, тот незаметно спрятал мой конспект. Урок прошел ужасно, я путалась, Ключевский во весь голос меня поправлял. Он хуже Туманова, потому что более развит! Ключевский подговаривает Туманова делать учителям изощренные пакости!..

– Ключевский из хорошей семьи?– спросил Быстров.

– Папа – директор Ремонтного завода! Большая шишка в нашем поселке! В доме ковры и хрусталь! У папы молодая жена! Со мной пан директор говорил через губу, спешил на охоту! Он считает, что в детстве многие замечательные люди были непослушными, хулиганистыми. Зато потом!.. Туманов и Ключевский испортили 7 «Б». Анна Юрьевна, и та ничего не может сделать. Как эти ребята друг к другу относятся! Ужас! Радуются чужим ошибкам, шутки у них оскорбительные, вечные потасовки! Это не детский коллектив, а гадюшник!.. Витя, я знаю, что не имею права так говорить, поверь, я стараюсь их любить, но... Это трудно.

«7-й «Б» – вот где можно показать себя!» – подумал Быстров.

– В других классах обычные ребята, – продолжала Рита. – Есть крепкие ученики, есть послабей, но это дети, обычные дети. А вот 7 «Б».... – Она виновато улыбнулась.

Признанием своей беспомощности Рита расположила к себе Быстрова.

– Как твои друзья? – спросил он, меняя тему.

– Я теперь их редко вижу, – ответила Рита. – Толю, правда, недавно встретила, географа. У него все получается, как-то легко живет!

– Не думаю, – сказал Быстров. – Этот Толя острить не умеет, но острит. Никто не смеется его шуткам, но он этого не замечает. Вряд ли у него в школе легкая жизнь, дети таких шутников не любят. Да что там, легкой жизни вообще не существует. У тебя какие планы на сегодня?..

В его планы не входило весь вечер провести с Маргаритой Петровной, но возникшее вдруг расположение к ней планы изменило. Он взглянул на Риту другими глазами: прическу следует изменить, лоб прикрыть челкой, костюм неплохо бы ушить, а то вид сзади двумерный, но глаза у Риты красивые, и что-то в ней есть мягкое, влекущее. Папиросный дым она с удовольствием вдыхала, потому что соскучилась по молодому мужику.

– Сто лет не был в вашем клубе. Что идет в кино? – спросил он.

– «Пираты двадцатого века», – отозвалась Рита.

Радости в ее серых глазах Виктор не заметил. «С виду аморфная, – подумал он. – Но такие женщины бывают – ого-го!..»

На улице стемнело. Электричка с желтыми окнами медленно подходила к станции – казалось, кто-то тащит по темному небу застуженную молнию. Прохожие редко попадались навстречу. Сзади загрохотало, Рита ухватилась за локоть Быстрова – пронесся парень на мотоцикле без глушителя.

– Хулиганов в Лопухово много, – вздохнула Рита.

– В детстве я и сам был хулиганом, – сказал Быстров.

– Ну, неправда! – возразила Рита и прижалась к нему.

Возле клуба на освещенном пяточке никого не было. До начала сеанса оставалось полчаса.

– Может, вернемся ко мне, кино по телевизору посмотрим? – предложила Рита.

«Хорошо, я маму предупредил, что переночую в городе, у друзей», – подумал Виктор.

– Как скажешь, – ответил он.

Она кивнула и взяла его под руку.

3

Он поднялся из-за стола со словами:

– Ну что, ребята, начнем?

– Здравствуйте, – недружно, вразнобой приветствовал его 7 «А», по словам Риты, лучший класс. И сразу заскрипели стулья.

– Я не разрешил садиться.

Ребята уже видели Быстрова. Во время перемены они приоткрывали дверь: «Можно положить сумку?» Быстров отвечал: «Можно». Не зная, чем заняться, он листал журнал. Со звоном поднялся.

– Урок еще не начался.

Он выглянул в коридор, убедился, что там никого нет, громко захлопнул дверь.

– Ребята, здравствуйте!

Ответное «здрав-ствуй-те!» его удовлетворило.

– Теперь можете сесть. Меня зовут Виктор Евгеньевич. С вами я познакомлюсь следующим образом. Тот, кого вызову, не дожидаясь моего вопроса, назовет свое имя. Аристов!..

Поднялся ученик.

– Аристов Женя.

Это была домашняя заготовка: Быстров сделал чертеж, вид сверху кабинета – четыре ряда, в каждом восемь прямоугольников–столов,

внутри которых две окружности – головы учеников. При знакомстве ученик называет свое имя, Быстров вписывает его в окружность.

– Ануфриева.

– Ануфриева Люда, – представилась девчушка. – А спрашивать сегодня будете?

– Оценки сегодня не ставлю, – сказал Быстров, вздох облегчения прошел по кабинету. – Верней, не ставлю плохие оценки, «пятерку», если кто заслужит, поставлю.

Внутренним зрением он видел себя: колючий ежик на голове, массивный подбородок, разделенный надвое трещиной, темный костюм, клетчатая рубашка с расстегнутым воротом – особых примет Виктор Евгеньевич не имеет, если ему дадут прозвище, то не сразу.

Окружности на чертеже, отгороженном от глаз учеников журналом, были заполнены, теперь Быстров сможет называть каждого ученика по имени. Он вышел из-за барьера и зашагал по кабинету.

– Прежде, чем мы займемся повторением, я хочу сказать несколько слов о самом предмете. О том, что такое физика...

Он почувствовал себя актером, который не может отступить от текста пьесы, хотя ясно сознает, что то, что он сейчас скажет, никому в зале не интересно. Нужна ли эта беседа в начале четвертой четверти?

– Вы получаете по физике домашние задания. Как вы с ними справляетесь, я пока не знаю...

– А вы строго оценки ставите? – пискнула девочка за первым столом.

– Увидишь, – сказал Быстров. – Но, ребята, я хочу, чтобы вы не забывали: дело не в оценках. Когда вы ночью идете по лесу, бывает страшно? Бывает, потому что вы не знаете, что вокруг. Во время грозы, когда молния сверкает и грохочет гром, тоже бывает жутковато. Вот люди и придумали Бога. Гром грянет – человек вспоминает грехи, за которые Бог его наказывает. А на самом-то деле Бога не существует. Чтобы не бояться природы, надо знать ее законы. Физику надо знать!..

Его голос звучал четко и уверенно. Даже в обычном бытовом разговоре Виктор следил, чтобы не было никаких «эээ» и «так сказать». Когда прокатился шумок, он закрутился и объявил:

– А теперь перейдем к повторению. Кто скажет, в каких состояниях может находиться вещество?

Ребята оживились, зашелестели учебники.

– Отвечай, Люда.

– Петренко Люда, у нас в классе две Люды, еще есть Ануфриева. Вещество может находиться в трех состояниях, – затараторила Люда Петренко. – В жидком, твердом, газообразном... – Она проскочила точку.

– И всё, да?

– Да. А твердое вещество бывает кристаллическим и аморфным.

– Садись. Что такое аморфное тело?

Шелест учебников и шепот: «Да не здесь! Клей, да?..» Поднялся толстый, рыжеватый парнишка, боком, неуклюже вышел в проход, за столом ему тесно было.

– Аморфное – вроде клея, – бодро сказал он, ожидая, что этой фразы будет достаточно. – Ну, такое – не твердое и не жидкое. – Он как бы в руках держал нечто аморфное, желая показать, что понимает на практике. – Короче, ни то ни сё!

Класс засмеялся.

– Сейчас я объясню, в чем отличие кристаллического тела от аморфного.

Быстров нарисовал на доске куб, с силой вдавив мел, обозначил вершины жирными точками, и начал рассказывать о кристаллической решетке. Только он закончил, Люда Петренко подняла руку:

– Я повторить могу.

Звонок прозвенел немного не вовремя, еще бы минут пять. Виктора Евгеньевича обступили, стали спрашивать, надолго ли он пришел, строго ли ставит оценки, когда будет контрольная. В это время 7 «Б» рассаживался.

Быстров заметил Ключевского в голубом, с белыми полосами свитере, слишком нарядном для школы, и Туманова в сером форменном костюме. Ключевский прицелился и ловко бросил портфель на стол. Как только его руки освободились, он сунул кулак под лопатку впереди стоящего мальчика. «Кончай, Ключ», – сказал тот, повернувшись, и тут же получил бумажный комок в глаз от Туманова. Быстров решил немедленно одернуть злонамеренную, по словам Риты, парочку:

– Туманов и Ключевский, я ваш новый учитель физики. Послушайте, что я скажу. Ключевский, ты только что, пользуясь правом сильного, ударил слабого. Если ты признаешь такое право, то я тоже могу им воспользоваться. Логично?

– А вам нельзя! – сказал Ключевский.

– Любу... – начал Туманов, но Ключевский поправил его:

– Любовь Васильевну.

– Любовь Васильевну чуть из школы не поперли за то, что она мне по морде дала! – сказал Туманов.

– Парни, я хочу, чтобы вы поняли. Не за тем я в школу пришел, чтобы воевать с вами. Я пришел, чтобы учить физике. Если у тебя, Ключевский, есть желание узнать новое, слушай на моих уроках. Нет желания – не слушай. Но не мешай мне. Договорились?

– Попрошу договорчик, – капризно выпятив губы, протянул Ключевский.
– Я договорчик рассмотрю.

Быстров принужденно засмеялся.

– Ты папу своего копируешь? Он ведь у тебя директор завода. Ограничимся устным договором. Садитесь оба. Начинаю урок!

Не надо было так начинать, Ключевский и Туманов, озадаченные осведомленностью нового учителя, смотрели на него с подозрением. Да и другие ребята переглядывались и шушукались. Во время переключки, когда Быстров вписывал в свой чертеж имена учеников, кто-то одним прыжком перескочил на свободное место, кто-то через весь кабинет швырнул книгу в спину сидящей за первым столом девочки.

– Вы всегда себя так ведете? – глуповато спросил Быстров.

– Всегда! – ответил класс.

Продолжая переключку, Виктор Евгеньевич почувствовал, что класс что-то замышляет. Через минуту он услышал ровный гул. Он поднял голову – ничего, кроме смирения, на лицах учеников не увидел, невинными глазами они смотрели на учителя, но словно рой пчел кружил в кабинете.

– Нет, так не пойдет! – с некоторой угрозой сказал Быстров.

Гул стал громче.

– Я не привык в такой обстановке работать! – Быстров поднял голос.

– Привыкайте! – посоветовал Ключевский.

Гул перешел в смех.

– В вашем кабинете пчелы устроили гнездо! – выкрикнул Туманов. – Куда только завхоз смотрит!..

Быстров положил мел, вытер тряпкой руки и подошел к барьеру.

– Володя Туманов, встань!

– А че?.. Че я сделал? – с тайной радостью спросил Туманов.

В кабинете он кажется Быстрову еще меньше, чем возле буфетной стойки и еще тщедушней. Но смотрит этот Заморыш независимо. Наклонился, что-то шепнул Красавчику, тот кивнул.

– Разве я говорю, что ты что-то сделал? Я хочу спросить. Ты в физике силен, тебе скучно меня слушать?

Туманов шмыгнул носом.

– Вы кубики рисуете. А мы из кубиков выросли.

– Кому не интересно, я разрешаю выйти. К завучу посылать не буду, этого можете не опасаться. Но если кто-то из вас будет мне мешать, выставлю за дверь и не впущу до конца года!..

Он не знал, может ли позволить себе такую угрозу, осуществить ее не сможет – это знал.

– При нагревании от внешнего источника тело получает энергию. Что при этом происходит с кристаллической решеткой?

– В учебнике никаких решеток нет! – заявил Ключевский.

– В следующий раз я буду спрашивать то, что сейчас объясняю. Твоему другу, Володе Туманову, кристаллическая решетка напомнила кубик...

– Туман соврал, что не играет в кубики – играет! Ключ – другое дело! – сказал сидящий за вторым столом паренек, которого звали Валентин Фокин. – Ключ с девочками играет в игры поинтересней!

– В папу и маму! – выкрикнул Туманов.

Класс захохотал. Смеялись не только мальчики, но и девочки – их не смутила реплика Туманова. Смеялись не над Ключевским – над новым учителем. Только он успокоил класс, как широкоплечий увалень Игорь Савченко, растянув до ушей рот, не то замычал, не то загоготал: «Муу-га-га-га!» И началось что-то невообразимое: топот, крики, смех.

– Игорь, прекрати!

– У меня смех такой, – ответил Савченко. – Дома тоже ругают.

Быстров уже кипит, но не показывает этого.

– Олег Ключевский, ты техникой интересуешься?

– Допустим, – отвечает Красавчик.

– На следующем уроке я перейду к устройству двигателя. Гарантирую, узнаешь много нового.

– Я двигатели и без вас знаю, – заявил Ключевский и кивнул Туманову, явно подавая знак. – У отца на заводе я такие движки видел, каких вы никогда не увидите!

– Между прочим, на заводе работяги нужны, – сказал Заморыш.

– Какие? – спросил Красавчик.

– Токари и фрезеровщики.

– Ты-то откуда знаешь?

– Объявление видел. На заводе хорошо *плотют*. Лучше, чем учителям в школе!

Эти двое бросили в лицо учителю оскорбление: его место не в школе, а за станком. У них парный конферанс, придуманный Красавчиком. Как их поставить на место? Ничего остроумного в голову не пришло.

– Я на заводе три года отработал! – сказал Быстров. – Полезный опыт. Чтоб вы знали, я им горжусь!

Кое-как он закончил урок. Было ясно, что 7 «Б» его не принял. На вопросы ребята не отвечали. Если он спрашивал: «Кто знает?» , рук не поднимали. Вываливаясь из кабинета, толпясь в дверях, они не смотрели на учителя. К нему подошли две девочки. Одна, коротко стриженная, кокетливая, сделала глазки и спросила:

– Вы действительно будете спрашивать то, чего нет в учебнике?

– А ты думала, я пошутил?

– Я ничего не думала! – Девочка подняла глазки к потолку, как бы давая понять, что с глупым учителем ей не о чем говорить.

Быстров перевел взгляд на вторую.

– Виктов Евгенич, – сказала та, – вы не отметили, кого нет.

Это была больная девочка – с непомерно большой, словно с чужого плеча, головой, с косыми глазами и ртом, полным слюны. На уроке ее без конца задевали, девочка то поворачивалась, чтобы ответить, то ложилась на стол, обхватывала голову руками, может быть, плакала.

– Отсутствующих я отметил, Зина, когда делал переключку, – сказал Быстров.

Она удивилась:

– Откуда вы знаете, что я Зина?

– Ты на переключке мне сообщила.

Зина неподвижно смотрела косыми глазами – то ли на учителя, то ли в сторону.

– Я буду вам помогать! – Зина шарахнулась и – головой вперед – нырнула в дверь.

Тотчас в кабинет просунулась другая голова – ученицы 7 «В»:

– Можно положить сумку?

– Нельзя! Со звонком войдешь!

Окна вымыли в каникулы, кажется, что стекла вовсе нет – крыши домов видны, шоссейная дорога. Почему подошла эта больная девочка? Она в учителе заступника увидела? Или нашла в нем товарища по несчастью, которому надо помочь? Мысль эта ужаснула Быстрова: он вспомнил, как ученики откровенно смеялись над ним. Может быть, следовало им рассказать о том, как в детстве он не слушал учителей, а потом жалел об этом?.. Он повернулся спиной к окну. Лицо его теперь было видно тем, кто приоткрывал дверь. Никто не решился войти в кабинет.

Урок в 7 «В» прошел гладко, как и предсказывала Маргарита Петровна. Из трех классов только 7 «Б» отверг Быстрова. Закрывая кабинет, он

думал: «Битва за этот класс решит, останусь ли я в школе. Но не только это. Битва решит, учитель я или тычер».

В учительской Быстров поискал глазами Риту и не нашел. За ним наблюдали две молодые учительницы, сидевшие на диване. Миловидная, в очках, что-то говорила, вздергивая тонкие брови, пухленькой коллеге.

– Вы наш новый физик? – спросила она. – Я – Любовь Васильевна, классный руководитель 7 «Б». Печально знаменитого, – прибавила она.

Пухленькая учительница оказалась догадливой, ни слова не сказав, встала с дивана и отошла, освободив Быстрову место.

– Испугались и ужаснулись? – спрашивает Любовь Васильевна.

– Ужасаться, тем более пугаться не в моих правилах, – сказал Быстров.
– Если есть проблема, ее нужно решать.

– Я предлагала завучу разбавить 7«Б» воспитанными ребятами. Туманова и Ключевского перевести, одного – в 7 «А», другого – в 7 «В». Анна Юрьевна меня не поддержала. Наш завуч не любит, когда учитель проявляет инициативу, – доверительно сообщила Любовь Васильевна.

Оправдывая доверие новой знакомой, Быстров сказал:

– Властная дама. На Железную Леди смахивает.

– Некое карикатурное сходство с Тэтчер есть, – согласилась Любовь Васильевна. – У нас в школе существуют два мнения, – продолжала она. – Одно завуча, второе – неправильное. У нее в любимцах те, кто своих мнений не имеют. Маргарита Петровна в их числе.

Быстров насторожился. «Похоже, она знает про меня и Риту, – подумал он. – Этакая Змея Очковая»

Разговор с Любовью Васильевной оказался полезным, Быстров узнал, что физический кабинет в запустении, потому что только мужчина может с помощью ребят преобразовать его, у Виктора Евгеньевича хорошие шансы закрепиться в школе. Жаль, завуч прервала их беседу. Войдя в учительскую, она сказала:

– Классные руководители седьмых классов, прошу ко мне.

– Нас недавно собирали, – сказала Любовь Васильевна.

– Я не задержу. – Завуч заметила Быстрова. – Как у вас?

– Нормально, – ответил он, поднявшись.

– Осваивайтесь. К вам на урок я загляну в конце месяца.

Когда завуч вышла, Люба подала Виктору знак нагнуться.

– Я теперь спокойна за уроки физики, – шепнула она. – Вы не Маргарита Петровна, не прогнетесь перед моим классом.

В коридоре Быстров наткнулся на стайку девочек из 7 «А».

– Здравсьте, Виктор Евгеньевич, – сказала Люда Петренко.

– Мы разве не виделись?

– Ой, правда! – засмеялась девочка. – Виктор Евгеньевич, Любовь Васильевна в учительской? Мне надо с ней поговорить. Завуч поручила мне шефство над Тумановым из 7 «Б».

– Желаю успеха, – сказал Быстров и зашагал по коридору.

4

Спустя неделю в свободный час он гулял по школьному двору. Было солнечно, свежо и как-то обновленно после таяния снега. Скворец раскачивался на ветке, словно разминался перед пением, на березах появились первые почки, лужи исчезли – земля благодарно впитала недавний дождь. От дерева к дереву переходила группа ребят под водительством учителя биологии. Биолог успел загореть, его седые усики и борода белели на коричневой коже, руки ласково и бережно двигались – он показывал ребятам почки. «Возьми стеклышко, – предлагал он. – Видишь, видишь?..» Так заразительно он это делал, что Виктору Евгеньевичу захотелось посмотреть на почки через лупу. Он себе этого не позволил, отошел, отметив, что биолог на тычера не похож, надо с ним познакомиться.

Старшеклассники бегали стометровку по гаревой дорожке. Быстров постоял среди болельщиков, послушал подбадривающие возгласы и слова утешения проигравшим. «Что ж, для этого школа и нужна, – подумал он. – Учитесь выигрывать без ликования, не задирая нос, и проигрывать, не делая из этого трагедии». Благодушный и умиротворенный, он вернулся в школу. В учительской взял журнал 7«Б».

Возле кабинета его ждали ученики.

– Что, не терпится? – спросил Виктор Евгеньевич.

– Ниче, потерпим, – сказал Туманов.

Быстров сунул ключ в скважину – не лезет. Что за черт? Наклонился – в скважине бумага, свернутая плотным комком. «Так тебе и надо! Расслабился! – ругает себя Быстров. – Красавчик с Заморышем удружили!..»

Виктор Евгеньевич ковыряет ключом, ученики с притворным сочувствием наблюдают за его безуспешными действиями, нагибаются, заглядывают в скважину. Заморыш в стороне стоит с подчеркнuto безразличным видом.

– Постарался кто-то! – говорит Игорь Савченко. – Давайте я попробую.

Быстров его оттолкнул:

– Не надо!

– Тут работы на час, если не больше! – сказал Ключевский, окончательно уверив Быстрова, что по наущению Красавчика бумагу засунул в скважину Заморыш.

Наконец Быстров открыл дверь. Дознания не устроил: в памяти крепко засело воспоминание о том, как директор школы, в которой он учился, устроил допрос: «Кто разбил светильники в коридоре? Не ты? Кто? О нашем разговоре ребята не узнают, говори, кто принес государству убытки?» Ни единым словом Виктор Евгеньевич не обмолвился о злополучном комке.

Урок не задался, все сорок пять минут Быстров был в напряжении: трудно разговаривать с теми, кто не хочет тебя слушать. 7 «Б» пришел в физический кабинет не для того, чтобы черпать знания, а чтобы развлекаться. То Ключевский стянет у кого-нибудь портфель, а содержимое пустит по рядам, то Заморыш проделает этот номер с Зиной Тихомировой, той больной девочкой, что подошла к Быстрову в первый день. Она жалуется, бросается прыгающей походкой в другой конец кабинета, а по дороге Заморыш и Красавчик награждают ее тумаками. Крупные слезы текут из глаз девочки, она размазывает их по щекам, отчего лицо становится еще безобразней. По-видимому, обидчики находят себе оправдание в том, что она не такая как они, ее бить можно. Быстров жалеет Зину, но ему неприятна ее пришепетывающая речь. Еще неприятней чувствовать себя обязанным этой несчастной девочке за мелкие услуги, которые она оказывает: то сбегает за мелом, то тряпку смочит и вытрет доску. Он всегда старался обходить стороной ущербных людей, но уж раз они существуют, то должны смотреть на него как на заступника, другой роли для себя он не представлял. Зина жалеет учителя, потому что Заморыш берет верх над ним. А ведь на стороне учителя знания, опыт, в конце концов, физическая сила, но с плюгавым мальчишкой ничего не может поделать. То этот школьник подложит кнопки под задницу Фокина, то через трубочку плюнет в глаз Савченко. В марочки играет с Красавчиком, не маскируясь. Игра нехитрая: марки кладут на стол лицевой стороной вниз и ударом по столу стараются перевернуть. Заморыш всегда выигрывает, Красавчик силой возвращает себе свои марки.

– Туманов, подойди ко мне и выложи марки! – приказывает Быстров.

Штук пять Заморыш бросает на учительский стол и растопыривает руки:

– Шмонайте! Больше нет!

Мелькнула мысль: откуда у него эта готовность к обыску? Грязная шея Заморыша, серый костюм в пятнах вызывают брезгливость у аккуратиста Быстрова. Он наспех ощупывает карманы ученика, марок не находит.

– Скажи маме, чтобы она постирала твою рубашу.

– Ей некогда, – насупился Заморыш.

– Она так сильно занята?

– Не ваше дело!

– Постирай сам. Или ты тоже сильно занят? Слышал, что я сейчас объяснял?

– Не глухой.

– Повтори... Не можешь?.. Еще раз не сможешь ответить, поставлю двойку в журнал.

– Ну и ставьте!

Но только Быстров исполнил угрозу, как началось представление.

– За что? – хнычет Туманов. – За что два балла? – Он ложится на стол.

– За что-о?..

– Выйди из кабинета.

Минуты не проходит, как Заморыш скребется в дверь, приоткрывает ее, просовывает голову.

– Ни за что двойки ставите, да?..

Красавчик подначивает Быстрова:

– Туман пьет вашу кровь! Чего вы терпите?

– Тихо! – кричит Быстров, рискуя сорвать голос, и выходит в коридор.

А в кабинете – улюлюканье, свист, Красавичк обхватил голову Тихомировой – голова визжит, вскрикивает: «Не трогай меня, не трогай!..»

– Контрольную не напишешь, ставлю двойку в четверти! – говорит Быстров Туманову. – Пошел от двери!..

Но контрольную работу Туманов написал без ошибок. Раздавая на перемене листки, Быстров взял его за плечо:

– Списал? Если сознаешься, двойку не поставлю.

Лицо Туманова сделалось лукавым.

– А вы докажите!..

– Будет еще одна контрольная – не спишешь!

– Спорим! – Туманов выставил ладошку. – Спорим, спишу!

– Он спишет! Не у меня, так у Светки! – смеется Ключевский. – От него не закроешься! Туман будет жуликом, причем крупного масштаба!

– Из мелких шкодников крупные жулики не вырастают! – отрезал Быстров.

– Вырастают! Туман министром станет, увидите!

– Если доживете! – буркнул Туманов.

– Он так шутит! – поспешно вступился за дружка Красавчик.– Будь аккуратней, Туман, а то Виктор Евгеньевич донесет, и ты сядешь!

– Не *посодют*, – усмехнулся Туманов. – Я – малолетка.

– Говорить научись! – не удержался Быстров. – «Не посодют!» Ребята, как правильно сказать?

– Посадят! – несколько голосов ответило.

И в этот момент Виктора осенило: он понял, как выстроить отношения с этой парочкой – Заморышем и Красавчиком. Они хотят унижить учителя, но мотивы у пацанов разные. Красавчик пытается доказать, что по уровню развития он выше Виктора Евгеньевича, а по социальному статусу сын директора завода возвышается над учителем седьмых классов и подавно. Наверно, от своего папы Олег Ключевский слышал, что в учителя нормальные мужики не идут. Но Олег способный, его можно перетянуть на свою сторону, если сделать помощником учителя на уроках физики. Туманова физикой не заинтересуешь. Он унижен мамой-пьяницей, зол на весь мир. Отыгрывается на Зине Тихомировой, унижает ее. Плевать ему на оценки, он ищет славы шута и шкодника, которого ученики и учителя опасаются. Надо выставить его смешным. Это не педагогично? Но иначе Заморыша не образумить.

На первых двух уроках Ключевский демонстративно следил по учебнику за каждым словом учителя и возмущался. «Я извиняюсь, – говорил он, – но вы отсебятину порете!» Скоро, однако, Олег убрал учебник и снисходительно начал слушать. Быстров то и дело к нему обращался: «А ты как думаешь?» И уже на четвертом уроке Быстров увидел, как Красавчик отмахнулся от Заморыша: «Отстань!..» Настала пора их рассадить.

– Олег, садись за первый стол.

– А мне и на своем месте неплохо.

– Поближе садись, будешь мне помогать. Если не сумеешь, кого-нибудь другого попрошу.

В голубом свитере, в вельветовых брюках Красавчик идет вразвалку, портфель держит двумя пальцами и поглядывает на ребят так, будто ему неохота пересаживаться, но этот самолюбивый мальчишка доволен своей новой ролью.

Ассистент из него получился. Он понимал Быстрова, два раза не надо было повторять.

– Олег, возьми макет, проверь, все ли лампочки горят. Если нет, замени. Подумай, как мне макет поставить, чтобы всем было видно. И не отвлекайся на Зину Тихомирову. Зачем тебе иметь с ней дело?

– Я защищаю Тумана, он с ней не справится один на один! У Зинки голова как у лошади! Она и сама как лошадь – дурная, но сильная!

– Лошади совсем не дурные, – возразил Быстров. – Они умней иных людей. Мне легче обучить физике лошадь, чем Туманова.

– Вы мне трудные вопросы задаете, а другим легкие! – заныл Туманов.
– У вас справедливости – ни в одном глазу!

– Ребята, – обратился Быстров к 7«Б», – я думаю, Туманов часто слышит эту фразу: «У меня ни в одном глазу!»

– Слышит! От близкой родственницы! – Фокин скорчил рожу, руками затряс. – Каждый день слышит!

Ребята засмеялись. Виктор Евгеньевич смеялся с ними. Это ли не первый его успех?

5

С Маргаритой Петровной Быстров сталкивался в коридоре, в учительской. Рита спрашивала, как принял его 7 «Б», он отвечал: «Работаю». «Ко мне почему не заходишь?» – спросила она однажды в лаборантской, где Виктор ремонтировал испорченный макет. «Времени нет», – ответил он. Последовали уж совсем нелепые вопросы: «Зачем ты ковыряешься в макете, это работа лаборантки». Видимо, не знает учитель физики старших классов, что лаборантка – родственница директора, руками ничего не умеет делать, Быстров ее часто отпускает домой, чему она только рада. «Где ты взял этот прибор?» – Рита указала на тестер. Быстров ответил через плечо: «Из дома принес». Досада была вызвана не только тем, что Маргарита Петровна задавала наивные вопросы, послевкусие осталось после ночлега у нее. Излишне стыдливая, неумелая Рита какие-то романтические слова произносила, намекая недвусмысленно на то, что их союз должен стать не только служебным.

Но вот с Любовью Васильевной, классным руководителем 7 «Б», Быстров охотно беседовал. Люба мало о ком из коллег хорошо отзывалась, но она понимала психологию детей, трезво смотрела на них. Прозвище Змея Очковая Быстров за Любой сохранил, но придал ему иной смысл – в наблюдательности и остроумии ей не откажешь. Он откровенно рассказал Любе о своем сражении с 7 «Б».

– Кто усадил Туманова и Ключевского за один стол? – поинтересовался он во время чаепития в школьном буфете.

– Я, – призналась Люба. – Мне казалось, отличник Ключевский благотворно повлияет на двоечника Туманова. Оказалось – наоборот. Ключевский паинькой не был, но под воздействием Туманова стал кукловодом хулигана.

– Кукла злит учителей и унижает их. Кукловоду это нравится, – заметил Быстров.

– Сейчас оба у меня на прицеле. Когда они рядом, легче пресекать их выходы. Меня они побаиваются.

– Завуч поручила девочкам из 7«А» взять шефство над Ключевским и Тумановым, – усмехнулся Быстров.

Люба, усмехнувшись, сказала:

– Я думаю, это идея Маргариты Петровны. Она надеется, что злые мальчики влюбятся в добрых девочек и станут мягче и добрей!

– На уроках физики Ключевский сидит за первым столом, – сказал Быстров. – Я постарался физикой заинтересовать его, и, похоже, мне это удалось.

– Неужели? – удивилась, но и огорчилась Очковая.

Быстров утешил ее:

– Ключевский по складу технарь. Вашей литературой его не заинтересуешь.

– Да, – тотчас согласилась она. – Мне и мама его говорила, он технарь. Характер у него отвратительный – гипертрофированное самолюбие! Но надо признать, ему есть, за что себя любить.

– Это очень важно – за что себя любишь, – сказал Быстров. – Бескорыстная любовь хороша по отношению к другим людям. Себя любить надо за вполне определенные вещи: за умение работать, за талант, если он есть, за пользу, которую приносишь... Расскажите о родителях Ключевского и Туманова, – попросил он.

Из рассказа Любы следовало, что папа Ключевского – бонвиван, сыном не занимается, считая это излишним: Олег отлично учится, а что еще нужно? Досуг папа отводит охоте на уток и лосей, сына с собой не берет. Шалости Олега объясняет переходным возрастом. Мама работала секретаршей папы, родив сына, посвятила себя семье. Олег к ней относится свысока, говорит колкости. Проницательный глаз Любы отметил, что в семье не все ладно: то ли папа изменяет маме, то ли мама неверна мужу, который старше ее на двадцать лет, какая-то напряженность заметна в их отношениях. Возможно, именно это сделало Олега циничным. Что же касается Туманова и условий, в которых он растет, то хуже придумать трудно: мать не просыхает, отца нет.

– Помните у Достоевского? – Люба поправила очки. – По памяти цитирую: «Бедность не порок, это истина... Нищета, милостивый государь, – порок!» У Туманова дома именно нищета! Мать всё пропивает. Она считает, что воспитывать ее сына должна я, поскольку у меня высшее образование, а у нее семь классов, уборщицей работает. Но язык у нее бойкий, доносы строчить умеет. Что интересно, Туманов всегда нервничает, когда знает, что я собираюсь к нему домой.

– Стыдится матери?

– Он боится, что мать, не сходя с места, накажет его. Мне соседи доложили, что она лупит Вовку, подозревает в воровстве, обыскивает, гоняет за водкой и пивом. – Люба вздохнула. – Сколько раз я с Тумановым по-хорошему пробовала! И так и сяк! Он не понимает!.. Что вы хотите – дурная наследственность! – Сидящие неподалеку от их столика учителя оглянулись на Любу, она понизила голос. – Вы посмотрите на его физиономию! Бегающие глазки, узенький, скошенный лобик, маленькая головка! Криминальная внешность! Он опасен уже сейчас, в свои неполные четырнадцать лет!

– Пока серьезных правонарушений нет, в колонию не отправят, – заметил Быстров.

– Соседи в опеку обратились, чтобы лишить мать родительских прав, – продолжала Люба. – Что вы думаете? Туманов устроил целое представление! Плакал, обнимал мамочку, якобы она хорошая, в дом никого не водит, изредка выпивает, но ему даже понюхать не дает! Курить, и то запрещает! Это такой артист, каких поискать! Опека ушла ни с чем.

Быстров вспомнил вокзальный буфет, Заморыша возле буфетной стойки, как тот вздрогнул, услышав оскорбительные слова о матери, и как потом шел по платформе, размахивая пустым бидоном. Видимо, этот алюминиевый бидон мать сыну вручила, но он решил не показывать его буфетчице. Придумал, что приехавший из Пскова брат заказал две кружки пива. Не такой уж он мастер врать, буфетчица не поверила ему.

– Анна Юрьевна настаивает, чтобы я посещала Туманова на дому. Но мама Туманова знает, что я не оставила безнаказанным оскорбление, нанесенное мне ее сыночком. Бить Вовку имеет право только она – это ее убеждение! Как она меня встретит, не знаю. Женщины-пьяницы еще опасней, чем пьяницы-мужчины!

Быстров подумал: 7 «Б» не любит уроки литературы, но ведет себя на них более-менее прилично, потому что побаивается классного руководителя. Люба отвечает ребятам взаимностью: побаивается их и не любит.

– То, что вы рассказали об отношениях Туманова с мамой, мне представляется важным, – сказал он. – Туманов в классе воссоздает домашнюю обстановку. Это обстановка недоверия и вражды. Если мне предложат постоянную работу в школе, я пойду с вами в гости к Туманову.

Он любил свою мать, ценил сыновние чувства в других людях. То, что Туманов маму защищает, удивило его: неужели Заморыш ее жалеет? Нищета, в которой он живет, многочисленные обиды выдавили из его хилого тельца доброту, но осталась привязанность к маме?..

– А с Зиной Тихомировой у вас как? – поинтересовалась Люба.

– Ее надо перевести в специальную школу, – сказал Быстров.

– Зину – в спецшколу, а Туманова – в колонию! – Люба вздохнула. – Доколе нам мучиться с ними?

«А ты чего хотела? – подумал Виктор. – Ты как тот милиционер – не из анекдота, из реальной жизни».

Мент не вмешался в драку, заявив Виктору, разнимавшему дерущихся: «Меня ваши разборки не касаются!..»

Виктор допил чай и поднялся.

– Благодарю за информацию.

– Всегда охотно поделюсь. Будем работать тандемом, – пообещала Люба.

Он велел Туманову остаться после уроков. Сюсюкать не собирался, решил поговорить сурово, но спокойно, по-мужски. Может быть, Туманов не совсем конченный, если защищает мать.

Сели рядом за стол – учитель и ученик. Вот что видит учитель: угрюмые, настороженные глаза пацана высверливают в поверхности стола отверстия, а маленькие пальцы с грязными ногтями пробуют, глубоко ли просверлил. В серой форме, наголо стриженный, с торчащими ушами, Заморыш был похож на зверька, готового к обороне наилучшим способом – нападением.

– Как считаешь, Вова? – Быстров сделал усилие, чтобы назвать Туманова по имени. – Школа для чего нужна?

Вова пожал плечами.

– Где ты научился читать и писать? – подсказал Быстров.

– В школе, где.

– Если ты согласен до старости подметать улицы, то этого достаточно.

– Водилой буду, – буркнул Туманов.

Виктор Евгеньевич уцепился за эти слова:

– Если твоя машина сломается, как починишь? Ключевский, твой друган, меня слушает, а ты на уроках физики валяешь дурака!

– Вы подлизываетесь к нему. *Хочете*, чтоб его папа подкинул бабла на физический кабинет.

Быстров опешил, но не выказал этого, потому что именно такой реакции Туманов от него ждал.

– Идея! – воскликнул он. – Будет здорово, если директор Ремонтного завода поможет школе! Мало у нас наглядных пособий! Сделанных ребятами макетов вовсе нет! Не из чего делать! Даже инструмента нет, я паяльник и тестер из дома принес!

Туманов молчал. Быстров подыскивал нужные слова, пауза затягивалась.

– В школе *хочете* остаться? – вдруг спросил Туманов.

– Хочу, – признался Быстров. – А ты намерен мне помешать?.. Видишь, я с тобой откровенно говорю. Давай и ты откровенно. Тебе не нравится, как я объясняю?

– Еще *хужей*, чем Петровна!

Риту Заморыш называет Петровной – довольно метко. Быстров улыбнулся, но улыбка получилась несколько обиженной, потому что Туманов и его задел.

– Дома подготовься по учебнику, я тебя спрошу. У тебя есть возможность заниматься дома?

– Есть. Чего?

– А я слышал, у тебя дома не всё ладно.

Туманов подался вперед, пальцы растопырил, словно собирался вцепиться в горло учителя.

– Это ни ее, ни вас не касается!

– Кого «ее»?

– Любки!

– Любовь Васильевна – твой классный руководитель. Она обязана быть в курсе домашних дел своих учеников. А я хочу предупредить: последняя четверть, оценки у тебя по физике, сам знаешь.

– Если вы ни за что двойки ставите!

– Ну как ни за что! – не выдержал Быстров. – Ты не слушаешь на уроках и дома не готовишься! Возьмись, а то будет двойка за год!

Быстров видел, что Вова Туманов хочет одного – уйти поскорей, своими настороженными глазками он уже намечал кратчайший путь к двери.

– Давай так, – сказал Быстров. – Приходи ко мне домой, позанимаемся, на уроке я тебя спрошу, исправишь свои двойки.

– Я у себя дома могу заниматься!

– Ладно, подготовься у себя дома.

– Я пойду?

– Ну что ж, иди.

В двери Заморыш задержался.

– У меня дома порядок, понятно?– закричал он, не глядя на Быстрова.

– Понятно вам?!..

Дверь в кабинете физики громко хлопнула.

6

За окном электрички дачные домики, озеро, освободившееся ото льда; промелькнула сосна, отбившаяся от леса, но домашней не ставшая; пространство поля, окаймленное лесом. Быстрова потеснили картежники – галдят, смеются, с помощью немой азбуки сигнализируют друг другу о картах. Он сидит возле окна, усталый, на коленях новый, купленный в городе портфель, и думает: «Эти мужики свое отработали у станка, вышли из проходной – свободны, настроение прекрасное, а я никак не могу выбросить Туманова из головы». Показалась силикатная коробка Лопуховской школы, все окна были темны, но физический кабинет, как бы выхваченный прожектором, возник перед глазами Виктора Евгеньевича, он увидел стол, за которым, пряча глаза, сидел Туманов.

Быстров вынул из кармана пачку «Беломора», привстал, картежники сдвинулись, убрали ноги, и он вышел в тамбур, где курил пожилой и рыхлый ухажер его мамы Иван Павлович.

– Откуда, Виктор? – спросил тот.

– В вечерней школе преподаю. Днем здесь, в Лопуховской, вечером – в городе.

Было в закупоренном тамбуре душно, Иван Павлович вытирал платком лицо, похожее на маску, вдавленную в тесто.

– У тебя мой племяш учится, Игорь Савченко.

– Не блещет, но голова на плечах есть, – сказал Быстров.

– Серьезный ты стал. А был-то... Но я твоей маме говорил: «Витька в люди выйдет!». Она у тебя не простая, строгая, с норовом! – Иван Павлович смотрел на дверь, ожидая, когда она откроется.

Вдвоем они вышли из электрички.

– Ты молодец, матери во всем помогаешь. Хороший сын, молодец, – повторял Иван Павлович, еле поспевая за Виктором. – На рыбалку нам с тобой надо сходить...

Это сейчас они дружбаны, а когда-то у них были примерно такие отношения, как у Туманова с Виктором Евгеньевичем. Витька ненавидел Ивана Павловича за намеки, которые тот делал матери, что, мол, у нее

участок большой, сад, огород, трудно с таким хозяйством управляться без мужика. У него, мол, тоже жизнь не сахар, померла хозяйка. Витька маму спрашивал: «Почему это у тебя нет мужика? А я кто?» Мать говорила: «Никого мне, кроме тебя, не надо!», но не прогоняла Ивана Павловича. Он приходил с бутылкой, садился за стол, жаловался, что порядка нет в поселке, да и во всей стране, иногда брал мамину руку и гладил. Витьку он звал на рыбалку, из кожи лез, чтобы убедить пацана в своей ловкости и удачливости. Витька предпочитал на рыбалку ходить с пацанами, но, по настоянию мамы, однажды принял приглашение Ивана Павловича. Сидели с удочками на травянистом склоне, клева не было. Иван Павлович пообещал, что в следующий раз покажет замечательное место, где рыба на голый крючок берет. Но следующего раза не случилось, потому что поздним вечером Витька запустил камнем в окно Ивана Павловича. Доказательств у соседа не было, но, по-видимому, он догадался, кто выбил стекло.

– Вы у меня леску спрашивали, немецкую – 0,2. Заходите, поделюсь.

– Спасибо, Витя. У меня скоро день рождения, у вас дома отметим, если твоя мама согласится.

Иван Павлович зашагал налево, Быстров свернул направо.

Луна с отколотым краем стояла высоко в небе, горели лампочки, подвешенные к столбам. Два освещения и – две тени, короткая лунная и длинная баскетбольная тень скользили по дороге, угол между ними менялся, под фонарем обе тени исчезали и появлялись вновь. Впереди вспыхнул свет, вначале пятнышко, потом шире – товарняк идет, наклонный луч бьет по рельсам, грохочут колеса. Дым проплыл над насыпью, над дорогой и цветущими садами и исчез.

Дорогу сменяет тропинка, разлинованная теньями от изгороди, как тетрадь в косую линейку. На веранде дома трое мужиков курят, их папиросы обозначили красное многоточие в темноте.

– Кто идет?

– Быстров. Что, мужики, кайфуете?

– Так точно, товарищ учитель, – ответили с веранды. – Комаров нет, можно покайфовать.

Быстров прошел по деревянному мостку через канаву и нажал на кнопку, щеколда в заборе поднялась. Он предлагал маме еще и фотозлемент вмонтировать, чтобы щеколда отлетала по мановению руки, но мама почему-то воспротивилась. Шлак заскрипел под ногами Виктора, заспанная лайка Вьюн, гремя цепью, вылезла из конуры.

– Встречаешь хозяина? – Быстров нагнулся и погладил пса, тот задрал морду. – Чего смотришь? Мог бы на задние лапы встать, хозяина поприветствовать. Ладно, Вьун, отдыхай.

По ступенькам он поднялся на крыльцо, над которым возвышался маленький балкон с дверью. На втором этаже был чердак, преобразованный Виктором в кабинет. Водопровод к кабинету не был подведен, Виктор соорудил подъемник с крюком, к которому цеплялась бадья, с помощью троса ее можно было втянуть на балкон. Конечно, Виктор мог подняться в кабинет с бадьей воды в руке по лестнице, но маме это приспособление облегчило уборку кабинета и поливку цветов на втором этаже.

Входная дверь не закрывается на ключ, Быстров потянул ее и попал в коридорчик, зажег свет, достал ключ из кармана куртки и вспомнил, как, согнувшись перед дверью физического кабинета, выковыривал бумагу из замочной скважины, а Туманов смотрел на него. «Что за черт? – подумал он. – Этот парень из головы не выходит!..»

– Витя, там котлета и макароны в холодильнике, – послышался голос мамы.

Утром они не виделись, мама рано ушла в свою контору. Весь день провели порознь, и теперь оба радовались встрече. Мама платок сняла, которым утепляла поясницу, причесалась – не хотела выглядеть старухой. Как говорил Виктор, она вошла в пенсионную гавань, но простаивать там не собиралась, нашла работу на полставки бухгалтером в небольшой конторе, кроме того, выкладывалась в огороде и саду, Виктор ей помогал, но хозяйкой на земле была она.

Постарела мама, словно кто-то набросил сетку морщин на ее лицо, руки огрубели, однако больную спину она держит прямо. Мама отогнала Витю от газовой плиты, подала ему котлету с макаронами, села рядом. Виктор лицом похож на нее: у обоих карие глаза и подбородки массивные, у мамы, правда, подбородок без трещины, и кожа у нее светлей, Виктор смуглый, говорят, в отца, которого он совсем не помнит.

– Ну, как 7 «Б»? – Мама была в курсе всех Витиных дел.

– Я оставил после уроков Туманова, – сказал Виктор, жуя котлету. – Представь, он отворачивался, даже не смотрел на меня.

– Куда смотрел? – строго спросила мама.

– В стол. Говорит, что я непонятно объясняю.

– Вот балбес! – воскликнула мама. – Ты объясняешь так, что я и то физику понимаю!

– У него цели нет – понять. Он приходит на урок, чтобы мешать мне. Классный руководитель 7 «Б», я тебе о ней рассказывал...

– Очки носит, ты ее Очковой прозвал.

– Люба была у него дома. Ты знаешь, Туманов противился ее визиту изо всех сил. Как думаешь, почему?

– У него мать – пьяница, синюха! Наказывает сына!

Маме приходилось видеть женщин-пьяниц, которых она называла *синюхами*. Она не представляла, что такую мать может любить мальчик – свидетель ее безобразий.

– Ты с ней сталкивалась?

– Возле магазина лопуховского она часто ошивается, рубль просит! Нинка Туманова – ее все знают! Сыночка надо оторвать от мамы! Чтобы она на него влияния не имела! Чтобы влиял на сына учитель!

– Как оторвать? Я об этом думаю.

– Это трудно, Витя! Люба не смогла, завуч не смогла! Но ты сможешь! Директора ты называешь тычером, а он специально тебя взял в школу! Почувствовал в тебе талант! Если ты покажешь себя, он со спокойной душой на пенсию уйдет!

– Размечталась! – усмехнулся Виктор.

– Кто нужней школе – старый гипертоник или образованный, молодой учитель? – риторически спросила мама, ответ ей был ясен.

– Я думаю, Туманов скрывает свои отношения с матерью, потому что если всплывет, что она его лупит и обыскивает, он может стать объектом насмешек. Он хочет унижать других, но боится выглядеть униженным.

– А ты покажи классу, что Туманов – смешной, ты это умеешь! Если он увидит, что над ним ребята потешаются, прикусит язык и прилепится к тебе!

– Умная у меня мама! – воскликнул Виктор. – Ты прямо угадываешь мои мысли!

– Это единственный способ! Иначе с Тумановым не справиться! А если не справишься, Анна Юрьевна скажет. – Мама заговорила голосом завуча: – «Мы на вас, Виктор Евгеньевич, надеялись, а вы оплошали!» При ребятах скажи Туманову: «На кого ты похож? Заморыш, как есть Заморыш! Довела тебя мамочка! Чем бегать ей за пивом, бегай кругами по стадиону! Спортом займись!»

– Посоветоваться с завучем? По крайней мере, сделать вид, что советуешь?

– А вот этого, Витя, не надо! Она припишет себе твои заслуги! – Мама снова заговорила голосом завуча: – «Я руководила Виктором Евгеньевичем! Нам удалось обуздать Туманова и весь 7-й «Б»!..»

– Посуду вымою, иди, отдохай. – сказал Виктор, отодвигая тарелку.

– Ты больше меня устал, я сама вымою.

Он позволил маме вымыть посуду, достал папиросу из пачки и закурил, с благодарностью глядя на маму. «Она понимает меня. Пока она в добром здравии, мне и жены не надо. Таковую как Рита, аморфную, мама и не приняла бы. Мама ценит в людях кристаллическую решетку».

– Знаешь, кого я сегодня встретил? – спросил он.

– Кого? – Мама повернулась к Виктору.

– Ивана Павловича. В электричке вместе ехали.

Хотя мама поддерживала с Иваном Павловичем добрые отношения, в присутствии сына она считала нужным ругать соседа.

– Всё ездит, ездит. Пенсию выхлопотал. Брюхо отрастил, как беременный двойней... Пенсия сто двадцать рублей.

– Жалеешь, что не пошла за него? – улыбаясь, спросил Виктор.

– Ты чего? – Мама обиделась. – Нам что, плохо вдвоем?

– Сейчас хорошо, а когда я был в армии? А пацаном был – ты со мной мало намучилась? Мне до сих пор стыдно...

– Что разбил окно Ивану? Он тебя боялся и подхалимничал перед тобой. Мне говорил, что я слишком строгая мать. А ты ведь шпаненком был, я тебя удержала от беды, ну и, конечно, армия повлияла – другим человеком вернулся. Иван-то Павлович о порядке в стране печется, а сам выпить не дурак! Себя в порядке не очень-то держит!.. Нет, я ни о чем не жалею, Витя. И что с отцом твоим рассталась, не жалею. Он был работающий, грамотный, но до женщин больно охочий. С евреями это случается...

– Мама! Не только с евреями! – перебил ее Виктор.

– Ты смотри мне, женщинами не увлекайся!.. Я узнала про измену твоего отца и выставила его вещи за дверь. Одна тебя вырастила, фамилию свою дала, ты – продолжатель рода Быстровых! – Мама обняла Виктора.

– Я портфель новый купил, – сказал он.

– Хо-ро-ший! – одобрила мама. – Возьми-ка, Витенька, я посмотрю в руке. Кожа свиная... Возьми, возьми!..

Для мамы чего не сделаешь: подсмеиваясь над собой, с портфелем в руке, Виктор прошелся по комнате.

– Директор школы! Вылитый – сказала она и счастливо рассмеялась.

В своей комнатке Виктор разделся, лег в прохладную постель. Открытое окно светилось чистым загородным светом. Мама не легла, должно быть, на кухне разглядывала портфель.

«Рассказать Туманову о своем детстве? – думает Виктор. – Мой отец ушел из семьи, когда мне было пять лет. Мама запретила ему со мной видеться. Ее воспитание женским не назовешь, жесткой была. В армии меня *довоспитуывал* старшина Краснов. «Я тебя, сучара, научу подчиняться! – говорил он. – Два наряда вне очереди!...»

Дверь приоткрылась, заглянула мама.

– Огород-то, Витя, пора копать.

– До субботы потерпит.

– Хорошо.

– Не вздумай копать без меня.

Она подошла к нему, большими шершавыми руками поправила одеяло.

– Не буду, не буду.

«Она всегда меня выручала, была спасательным плотиком, я хватался за нее в трудный момент, – думает Виктор. – Мать Туманова тянет сына ко дну. На плаву его держит надутый им самим круг – слава бесшабашного удальца, который никого и ничего не боится. Я проколю этот круг, превращу его в резиновую тряпку, и тогда ничего не останется Туманову, как подать сигнал SOS. Я немедленно протяну ему руку. Макаренко меня бы одобрил».

Он повернулся на правый бок и мгновенно заснул.

7

Каждый урок в 7 «Б» Виктор Евгеньевич начинал стремительно – поздоровавшись, задавал практический вопрос, чтобы завладеть вниманием класса с первой же минуты. Так он поступил и на этот раз.

– У себя дома, – сказал он, – я подвижный и неподвижный блок соединил тросом, поднимаю бадью с водой на балкон второго этажа. Кто нарисует схему моего подъемника в тетради и объяснит, почему я использовал два блока, поставлю пятерку в журнал.

– А в балконе у вас люк? – спросил Ключевский.

– Правильный вопрос. Сама бадья крышку люка откидывает.

– А балкон над самым крыльцом? – неожиданно вступил в разговор Туманов.

– Вопрос не по существу. Рисуйте. Кого нет?.. Не вижу Коли и Светы. Что с ними?

– Не по существу вопрос, – сказал Туманов. – Они сдохли!

Савченко загоготал.

– Что смешного, Игорь? – остановил его Виктор Евгеньевич. – Шутка глупая. Рисуйте, не отвлекайтесь. – Он поднялся из-за стола и зашагал по проходу, заглядывая в тетради. Возле Ключевского остановился.

– А зачем вам эти блоки? – спросил Олег. – Купили бы лебедку.

– Дорого, и самому сделать интересней. Все необходимое для подъемника у меня было.

– Я набросал, посмотрите, – сказал Олег.

– Иди к доске.

Ключевский взял в руки мел, сделал кругообразное движение, чтобы начертить колесо, но мел скользнул по доске, не оставив следа. Туманов – кто еще? – вымазал доску маслом!

– Подойди ко мне! – приказал Виктор Евгеньевич Туманову.

– А вы докажите, что это я! – Туманов внимательно следил за учителем для того, видимо, чтобы вовремя увернуться, если учитель вдруг попробует схватить его за воротник.

– Приведи доску в порядок.

– Низ вытру, – согласился Заморыш. – Верх мне не достать. Пускай Ключ приложит белые ручки, прикажите ему.

– Ты на стул залез, когда мазал! – заорал Ключевский, схватил Туманова за воротник и, не отпуская его, придвинул стул к доске и рывком поставил дружка на стул. – Вытирай, Туман, а то я твоим фэйсом вытру!

– Ты че? – Туманов не ожидал от Олега такой реакции. – Че ты?

– Вытирай! – повторил Ключевский, но руку с воротника Заморыша убрал.

Тотчас Заморыш спрыгнул со стула и застыл, всем видом показывая, что вытирать не намерен.

– Кто сегодня дежурит? Игорь Савченко? Помогите Олегу.

– Туман постарался, а я за ним убирай! – пробасил Савченко.

– Ты видел, чем Туманов на перемене занимался, когда меня не было в кабинете?

– Ну, видел. Хотел ему рожу начистить, – сказал Савченко и, улыбаясь, погрозил Туманову кулаком.

– Туманову пошло бы на пользу, он мыться не приучен, – сказал Быстров.

– Он только на Новый год моется! – выкрикнул Валя Фокин.

– Шею и уши вообще не моет! – добавил девчоночий голосок.

Туманов молчал, озираясь. Потом пригнулся и, как бы предохраняя руками шею и голову от ударов и насмешек, выскочил из кабинета.

– Не будем смеяться над Тумановым в его отсутствие, – сказал Быстров.

Савченко и Ключевский в четыре руки быстро привели доску в порядок. Ключевский нарисовал схему подъемника, Савченко объяснил, зачем нужен подвижный блок, но покритиковал учителя: конструкция ненадежная.

– Я на ваш балкон не пойду, – пробасил он. – Люк в балконе нельзя делать. А вы еще высверлили дырки под трос.

И Ключевский, и Савченко получили пятерки, чему были рады, особенно Савченко, не избалованный отличными оценками. Урок прошел живо, но до самого конца оставалась какая-то настороженность в кабинете, словно Туманов ее разлил, когда бежал к двери, закрывая голову руками.

В учительской Быстров увидел Риту, кивнул ей и хотел мимо пройти, но она его остановила:

– Ты закончил?

Быстров ответил, что еще один урок остался, и прибавил:

– Потом в город, в вечернюю школу поеду.

– У тебя «окно»? Может быть, погуляем?

– Ладно, – согласился Быстров. – Ровно в два часа встречаемся во дворе.

Они вышли из дверей школы одновременно и пошли рядом. Быстров снял куртку, перебросил ее через плечо и глубоко вобрал в легкие пахнущий тополем воздух.

– Ты любишь весну? – несколько патетично спросила Рита.

– Рабочая пора. Зимой в природе холостой ход, – ответил Виктор. – Солнце светит, но не греет, земля в полях и огородах отдыхает. А весной подключается нагрузка: солнце промерзшую землю отогревает, земля принимает семена и дает всходы. Кипит работа!

– Весной видно, как быстро время бежит, – меланхолично сказала Рита. – С каждым днем зеленой травка, выше небо. Лето, выражаясь твоим языком, пора стабильности, правда?

– Я летом на Волгу поеду, – сказал Виктор. – Кого-нибудь из 7 «Б» хочу взять с собой. Олег Ключевский – первый кандидат.

Быстров понимал, что родители Ключевского, да и сам Олег, на такую поездку не дадут согласия, но само желание учителя путешествовать с учеником говорило о возникшей дружбе.

– Ключевский у тебя не следит по учебнику? – спросила Рита.

– Я стараюсь, чтобы на уроке ему было интересно. Задаю практические вопросы. Ключевский, Савченко, да и все ребята мигом включают соображалку.

– Мальчики соскучились по мужчине-учителю, – вздохнула Рита.

Она как бы признала преимущество Быстрова, и он потеплел. Предложил Рите поехать к озеру, в дачный пригород, который так и назывался Озерки.

– Прямо сейчас? В этих туфлях?.. Ладно, поехали! – храбро согласилась она.

Рука Виктора поднялась, чтобы лечь на ее узкие плечи, но он удержал руку. И надо сказать, вовремя – навстречу учителям шла Люда Петренко. Девочка была в коричневом платье и в белом фартуке. На легком ветерке, как две бабочки, порхали в ее аккуратной стрижке белые банты. Рядом с ней плелся Туманов: его стриженная наголо, колючая, как стерня, голова была на уровне Людиного плеча. Поравнявшись с учителями, Люда притормозила, а Туманов отвернулся и прошел мимо. «Парами гуляем», – с неудовольствием подумал Быстров.

– Здравсьте, Маргарита Петровна! Здравсьте, Виктор Евгеньевич! – По Людиному лицу было видно, что она предвкушает сенсацию. «Ой, девчонки, кого я видела!» – скажет она подружкам.

Маргарита Петровна спросила, почему Люда без пальто.

– У нас классное собрание будет, я домой бегала, – затараторила Люда. – По дороге Туманова встретила. Завуч поручила мне взять шефство над Тумановым, но я откажусь. Начала его расспрашивать, как учеба, а он сказал, что учителя в школе подобрались один глупей другого. И еще сказал, что учителя издеваются над учениками, как фашисты над пленными. Извините, Виктор Евгеньевич, это он сказал про вас. Он еще обругал Ключевского – красивый такой мальчик, вроде бы его друг! Я пристыдила Туманова! Хотела дать ему книгу «Незнайка на луне», так ведь он читать не будет! Я думаю, мне лучше взять шефство над Ключевским.

Обычно, глядя на Люду, Быстров улыбался, но сейчас он нахмурился.

– Туманов учителям приписывает то, чего не хочет видеть в себе, – сказал он. – Мучит Зину Тихомирову, как фашист.

– Будь терпеливой, Людочка, – посоветовала Рита, окинув Виктора взглядом, который означал, что и к нему этот совет относится. – Объясни Туманову, что клеить ярлыки, задевать тех, кто не может дать сдачи, – это очень некрасиво! Видеть в людях хорошее – вот чему надо научиться!

– Вы знаете...– Люда посмотрела на учителей, не решаясь заговорить о неприятном. – С ним трудно вести воспитательную работу. От него пахнет. Мне девочки из 7 «Б» рассказали, что они обсуждали, часто ли Туманов моется.

– В порядке шефства, выясни у него, – сказал Быстров.

– Еще психанет! Ну его! Я побежала!..

Люда тряхнула бантами и помчалась к школе. Она догнала Туманова, он что-то сказал ей, Люда толкнула его так, что он отлетел.

– Вонючка! – донесся до учителей голос Люды.

– Сама дура! – крикнул Туманов.

Рита остановилась, на бледных щеках ее, как на промокательной бумаге, появились пятна.

– Виктор, ты натравливаешь ребят на Туманова?

– Нет, конечно! Я просто хочу сделать его смешным! – ответил он.

– Анна Юрьевна ждет, когда ты освоишься, не приходит к тебе на уроки. Но если бы она знала, чему ты учишь детей...

– Важен результат. Посмотрим, как мой метод на Туманова подействует.

Подошли к станции. Рита хотела сесть на свежеевыкрашенную в ярко-голубой цвет скамейку, но остереглась.

– Боюсь замараться, – многозначительно сказала она. – А ты нет? Сделать из Туманова изгоя – это, Витя, грязный прием!

– Кто твои родители? – спросил Виктор.

– Я потомственная учительница. – Она гордо вскинула голову. – И мама, и папа были педагогами.

– Культурные люди. Готовили тебя к культурной жизни, – усмехнулся Быстров. – А культура у нас, как говорит директор, увы и ах! В коммуналках многие живут, во двор бегают по нужде.

– Ты имеешь в виду культуру быта. Да, в культуре быта мы отстаем. Но что из этого?

– Технический прогресс должен изменить нашу жизнь! Я стараюсь привить своим ученикам любовь к технике! – горячо заговорил Быстров. – Пойми, Ключевский стал моим союзником, а Туманов – противником! Он живет в злобе, в грязи и ссорах! Он создает привычную для себя обстановку в классе! Если он осознает, что стал посмешищем, мешает ребятам, что все, или почти все увлечены физикой, он начнет вести себя по-другому!

– Физика спасет 7 «Б»?

– Странный вопрос для учительницы физики, не находишь? Ты пошла на физмат, потому что на филфак был большой конкурс?

В Ритиных глазах появились слезы.

– Дело не в физмате, не филфаке, – сказала она дрожащим голосом. – Любовь Васильевна закончила филфак, но ты с ней нашел общий язык, постоянно шушукаетесь. Не образование, что-то другое вас объединяет!

«Ревнует, – подумал Виктор. – Зря я у нее заночевал. Да и разговор этот зря затеял!..»

Напротив платформы, возле здания станции горел костер, ветер сдувал дым в сторону Виктора, все вокруг виделось ему дрожащим и расплывчатым, только рельсы на шпалах отчетливо блестели.

– Я призналась, что недовольна своими уроками, а ты сделал вывод, что я плохой педагог. – Рита вытерла глаза, голос ее окреп. – Не думаю, что твои уроки полезней для ребят, чем мои! Электричка идет, поезжай, Витя, я в Озерки не поеду. – Рита заторопилась. – У меня в поселке знакомые, зайду к ним.

Быстров вошел в вагон. День был испорчен. «Вот что значит заводить отношения с коллегой, – думает он. – Рита сделает всё для того, чтобы я не работал в лопуховской школе».

8

С биологом Виктор познакомился явочным путем, после уроков постучал в дверь его кабинета.

– Милости прошу! – послышался голос. – А, это вы, новый физик!..

Биолог лежал в старом, поломанном, без правого подлокотника плетеном кресле. Ноги старика были обмотаны шерстяным платком, на голове криво сидела лыжная шапочка, глаза были спрятаны за темными очками.

– Извините, устал, – сказал он, не меняя позы. – Выматываюсь за день. Чем обязан?

– Просто зашел. Видел, как вы на улице проводили урок. Мне понравилось.

– Благодарю! – сказал биолог и протянул правую руку, которая до этого, за неимением подлокотника, висела в воздухе. – Меня зовут Антон Семенович.

– Вы тезка Макаренко! – воскликнул Быстров.

– Это кто? – спросил биолог.

– Макаренко? Антон Семенович Макаренко – великий педагог!

– Возьмите стул, садитесь.

Старик, конечно, знал, кто такой Макаренко, но, видимо, ему надоели остроты по поводу совпадения его имени с именем великого педагога. Темные очки он не снял, седую голову наклонил, как бы оценивая Виктора Евгеньевича, решая, заслуживает ли молодой учитель беседы.

– Видите ли, я от педагогики далек, – сказал он. – Работал в Ботаническом саду, пока не выгнали на пенсию. В школу взяли. А вы, так сказать, учитель по призванию?

– В общем, да. – Своему согласию Быстров придавал оттенок самоиронии.

– Просветите, чего Макаренко достиг? – попросил биолог

– Из беспризорников, из хулиганья он лепил инженеров, ученых, писателей.

– Не его ли ученик написал «Как закалялась сталь»?

Быстров пропустил мимо ушей ерничанье, ответил серьезно:

– Островский у Макаренко не учился. Макаренко сам был писателем, «Педагогическую поэму» написал.

– У меня с этими поэмами всё перепуталось. Как вам наша школа?

– Физический кабинет оставляет желать лучшего. – Быстров огляделся, давая понять, что его оценка относится и к биологическому кабинету.

Пальма стояла в кадке, лиана вилась по стенам кабинета, огибая типографские рисунки растений, в аквариуме плавали красненькие меченосцы, несколько горшков с цветами стояли на подоконниках.

– Я директору предлагал часть двора вскопать, сделать огород, поставить теплицу, сад развести, пускай бы детишки весной и осенью на природе копошились. – Старик развел руками. – Нельзя! Поселковый совет не позволяет! Не уважают нас, труждающихся!

– Трудящихся, – поправил Быстров машинально.

– Труждающихся! Труд и нужда – в этом библейском слове! Нет уважения к учителям! Но они уважения и не заслуживают! Вот что самое печальное!

– Вы напрасно обобщаете, – с обидой сказал Быстров.

– Молодой человек, как я понял, вы учитесь у Макаренко? – Биолог снял очки, пристально посмотрел на Быстрова.

– А у кого прикажете учиться?

– У Господа Бога! – Биолог ткнул пальцем в потолок. – Анна Юрьевна пришла ко мне на урок – не понравилось! Я говорил детишкам, как Господь устроил мир! Есть растения сложные и простые, есть одноклеточные! Нет одинаковости, великое богатство в природе! Ваш Макаренко на это закрывал глаза! Какими хотим, такими и сделаем природу и человека, и

весь мир!.. Нельзя против Господа идти! Ибо сказано: «Мне отмщение, и Аз воздам!..»

– Зря вы на Макаренко напустились, – сказал Быстров. – Он много полезного сделал.

– Извините старика. Поговорить не с кем, вот я и накинулся на вас. Последнюю четверть закончу и – на покой. Имею в Лопухово сад, огород, как-нибудь доживу.

«Видимо, Анне Юрьевне не понравилось, что биолог рассказывает ребятам религиозные байки, – подумал Виктор. – Старик обиделся, готов бросить учительство».

Виктор был разочарован биологом, но тезка Макаренко подтвердил, что Анна Юрьевна единовластно определяет, нужен ли тот или иной учитель школе. Значит, пора ей посетить урок физики в 7«Б». Виктор Евгеньевич продемонстрирует свои достижения, покажет, как Ключевский преобразился – одно это о многом говорит. Последняя четверть близится к концу, отсутствующая учительница физики, по Любиным сведениям, благополучно родила и намерена оставить школу, завуч должна решить, кто ее заменит, новый учитель или Рита.

Завуч явилась без предупреждения.

– Встаньте, ребята! – сказал Быстров, поднимая класс жестом, которым дирижер поднимает оркестр.

– С вашего разрешения, я посижу, – сказала Анна Юрьевна не вопросительно, а утвердительно и направилась к свободному месту за последним столом.

Туманов сделал шаг назад, что-то сказал стоявшей за ним Зине Тихомировой, та отрицательно покачала головой. Туманов плечом толкнул девочку – она упала на загрохотавшие стулья.

– Ай! Я разбила! – В уродстве своем и беззащитности Зина размазывает слезы по лицу.

Ребята смотрят перед собой – на учителя и оглядываются назад – на завуча, она, поджав губы, молчит. Быстров прыгнул с помоста.

– Зачем Зину толкнул?

– Здраваться не хочет, – глядя исподлобья, ответил Туманов.

– С кем не хочет здороваться?

– С завучем, с кем.

– Мы приветствовали вставанием Анну Юрьевну, ты считаешь, этого мало? Ну да, ты у нас самый вежливый, самый воспитанный!

– Ему мама дала хорошее воспитание, – сказал Ключевский.

Словно кто-то поднес спичку к глазам Туманова – они загорелись ненавистью.

– Он хочет угвобить ваш увок! – запричитала Зина Тихомирова.

– Заткнись! – сквозь зубы сказал Туманов.

Наступила тишина. Завуч, отложив блокнот, внимательно наблюдала за Быстровым, но не вмешивалась, видимо, полагая, что он должен самостоятельно справиться с трудной ситуацией.

– Постарайся нас понять, – сказал Быстров и положил руку на плечо Туманова, отчего обнажился воротник серой рубахи и тонкая шея. – Никто бы не говорил об обстановке у тебя дома, если бы ты не старался на уроках создать такую же обстановку. Это обстановка вражды. Моя задача – не враждовать, а научить тебя физике!.. Иди к доске.

– Чего к доске? Другие с места отвечают! – огрызнулся Туманов.

Зина испугалась, что в поединке с учителем ученик одерживает верх и судорожно всхлипнула.

– К доске иди! – повторил Быстров.

– «К доске!» – передразнил его Туманов. – «К ноге!» – еще скажите!.. Я вам не бобик!

– Какой ты независимый! – Виктор Евгеньевич обратился к 7 «Б»: – Посмотрите на него, ребята! У Туманова такой вид, словно он всё знает и умеет! А на самом деле?.. Туманов, что ты можешь, что умеешь? В «марочки» умеешь играть, слабого можешь ударить! По физике у тебя одни двойки. Мы договорились, что ты подготовишься, и я тебя спрошу. Подготовился?

– Два балла все равно нарисуете.

– Значит, так. На следующем уроке оценку тебе выставят ребята!

– Нельзя! – рявкнул Туманов.

– Почему нельзя?

– Не положено!

– Всё ты знаешь, что положено, что не положено! Будешь отвечать на вопросы. ребят. Они решат, какую оценку ты заслужил. Ты говоришь, что я к тебе придираюсь – пускай класс оценит твои знания!

Глаза Туманова скользнули по лицам одноклассников, увидели злорадство.

– С говном *хочете* смешать, да? Я кино смотрел, фашисты наших пленных с говном смешивали, чтоб показать, что наши – не люди!

Быстров не успел ответить, Анна Юрьевна подала голос:

– Успокойся, Туманов! В нашей стране нет фашистов! Виктор Евгеньевич опросит тебя так же, как он опрашивает всех учащихся. Я буду присутствовать на уроке.

– Свои два *бава повучишь!* – не к месту встряла Зина Тихомирова, вытирая глаза.

– Заткнись! – Туманов замахнулся на нее – то ли хотел толкнуть, то ли насладиться тем, как она шарахнется от него.

Раздосадованный вмешательством завуча, Быстров схватил Заморыша за руку:

– Не трогай Зину!

– Трону! – оскалился Заморыш.

– Не вымещай на ней злобу! А то... При завуче говорю, я за себя не поручусь! Понял меня ? Иди на место!

На стол Виктор взгромоздил стул, схватил фабричный макет двигателя внутреннего сгорания, словно намеревался запустить им в Туманова, и с громким стуком опустил макет на стул.

– Продолжаю урок!..

Он вертел ручку коленчатого вала – поршень поднимался по розовому срезу цилиндра, скрипели зубчатые колеса, вспыхивали лампочки, имитируя искру.

Виктор Евгеньевич замечает: Игорь Савченко подпер кулаками голову. Фокин, минуту назад хитро улыбающийся, ладонями ограничил угол зрения, чтобы были в нем только макет и учитель. Ключевский смотрит с таким видом, словно все это знает, но удивлен, что и учитель знает не меньше.

Слушают!..

– Так или почти так работает двигатель. – Виктор замолчал. Он мог позволить себе эту паузу – все взгляды были устремлены на него.— Кто может повторить?

– Я могу, – отозвался Ключевский.

– Вызовите меня, – попросил Фокин.

– Меня, меня!..– Голоса посыпались со всех сторон.

Хочется каждому повертеть ручку вала, увидеть, как загораются лампочки. Фокин лег на стол и стонет: «Меня давно не вызывали!» Савченко басит: «А что, и я могу!..»

– Валя, первый такт! Игорь, второй!..

За пять минут до окончания урока Быстров объявил:

– В следующий раз займемся изучением автомобиля. Кто-нибудь из вас помогал отцу или соседям ремонтировать машину?

– Я ремонтировал, – сказал Ключевский. – Отцовскому водиле помогал.

– Олег, нужно рассказать, зачем карбюратор, как зажигание устроено, какие бывают неисправности в этих узлах. Сможешь?

– Запросто!

Перемена, а вокруг учителя и его ассистента ребята толпятся.

– Ключ, у твоего отца «Волга»? А ты водить умеешь?..

Туманова Быстров потерял из виду. Анна Юрьевна, выходя из кабинета, жестом показала, чтобы он не прерывал общение с учениками:

– Ко мне зайдите, Виктор Евгеньевич.

Он кивнул и стал отвечать на вопросы Ключевского. Нарядный свитер, аккуратный пробор, серьезный взгляд, четкая речь уверенного в себе парня ласкали слух и зрение Виктора Евгеньевича. Чуть было он не хлопнул своего ассистента по плечу: «Олежка, черт возьми, урок неплохо прошел, а?!..»

Ребята разошлись, Быстров пишет в журнале, сдерживая зуд нетерпения. Ему хочется немедленно пойти к завучу. Если Анна Юрьевна занята, Любе в учительской он расскажет об этом уроке, о перепалке с Тумановым. Что бы там завуч ни говорила, идея у него возникла отличная – не учитель выставит Туманову оценку, а 7 «Б» класс! Это будет нечто большее, чем оценка по физике, ребята решат, кто перед ними: злобный маленький демагог или готовый встать в общий строй ученик.

– Виктов Евгенич, – услышал он.

– Да?.. Что, Зина?..

– Вы не *отметиви*, – сказала Зина Тихомирова. – Не *отметиви*, кого нет.

«Она пришла ко мне за помощью! Не к завучу – ко мне! – радуется Быстров. – Учитель физики для нее больше не товарищ по несчастью!..»

– Знаешь что, Зина, давай считать, что присутствовали все. Зина, ты поняла то, что я объяснял?

Она опустила голову, словно учитель заговорил о чем-то стыдном. «Тихомирова как лошадь», вспомнил он слова Ключевского.

– Я тебя не вызывал, не спрашивал, но в ближайшее время спрошу. Иначе нельзя.

Она проглотила слюну и вымолвила:

– Он меня побьет!..

– Не побьет! – сказал Быстров. – Я не позволю тебя обижать! Туманов не посмеет!

– Спасибо вам! – Зина снова наклонила голову – на этот раз благодарно.

9

Разбор урока начался с признания завуча: в физике она не разбирается, обществоведение преподает, но вывод сделала: учитель владеет материалом, увлек учащихся, они приняли активное участие в повторении.

– Учитель владел вниманием класса на протяжении всего урока, – говорила она, листая блокнот с пометками, в которых Виктор, по-видимому, упоминался в третьем лице.

Он сидит в кабинете Анны Юрьевны, смотрит, как она, морщась от папиросного дыма, листает страницы блокнота, вынимает папиросу из рта и стряхивает пепел в тяжелую стеклянную пепельницу.

– Особого разговора заслуживают отношения учителя с двумя трудными учащимися – Ключевским и Тумановым.

Железная Леди отодвинула блокнот и задумалась. Виктор давно уже хотел курить, но спросил разрешения лишь после того, как завуч одобрила его работу.

– Курите. – Анна Юрьевна неохотно подвинула к нему пепельницу. – Я курю только в своем кабинете и преимущественно в форточку. Надо бросать, Виктор Евгеньевич, курящий учитель подает плохой пример...

– Детям, – закончил ее фразу осмелевший Быстров. – Скоро я с детьми расстанусь, – прибавил он в надежде, что завуч разуверит его в этом.

Анна Юрьевна проигнорировала намек.

– Как вы нашли подход к Ключевскому? – спросила она.

– Что-то общее в себе и в нем нашел, – ответил Виктор. – Хотя рос в других условиях, гораздо менее комфортных. Олег толковый парень, я сделал его своим ассистентом.

Он хотел прибавить, что на уроках Маргариты Петровны Ключевский скучал, но это было бы непорядочно по отношению к Рите. Впрочем, Железная Леди сама высказалась на этот счет.

– Учитель придает уроку физики практическое направление. Учительница излагает в основном теорию.

«Нашла оправдание своей подшефной», – усмехнулся про себя Быстров.

– Хорошо, что с Ключевским у вас контакт. Возможно, он, по просьбе родителей, пригласит вас к себе домой.

– Принять приглашение?

– Взаимодействие учителя с родителями учащегося можно только приветствовать, – изрекла Анна Юрьевна.

«Два-ноль в мою пользу! – думает Быстров. – Она хочет использовать меня в переговорах с директором Ремонтного завода о помощи школе».

– Теперь о Туманове. Виктор Евгеньевич, вы угрожали мальчишке! Я понимаю, что это всего лишь угроза, но убавьте пыл!

– Для меня высший авторитет в педагогике Антон Семенович Макаренко, – сказал Быстров. – Он допускал жесткие методы воспитания.

– В отличие от нашего благодушного Антона Семеновича, биолога, – усмехнулась завуч. – Наш биолог религиозными проповедями пичкает учащихся. Вы как к его методу воспитания относитесь? – Железная Леди преобразилась на глазах, подтвердив верность прозвища, которое ей дал Быстров.

– Меня биолог разочаровал.

Она кивнула, как экзаменатор, получивший от экзаменуемого правильный ответ.

– Я вас понимаю, Виктор Евгеньевич, мне самой иной раз хочется дать затрещину какому-нибудь драчуну, но я сдерживаюсь. И вы держите себя в руках, не угрожайте, поскольку все равно угрозу не исполните. Хорошо, что вы намерены опросить Туманова на следующем уроке. Но что это за новшество – оценку Туманову выставят сами учащиеся?

– Чтобы исключить предвзятость. Тот же Макаренко вводил в своей колонии самоуправление.

– У Макаренко был другой контингент учащихся. У них не было родителей. Мама Туманова устроила нам неприятности. Любовь Васильевна, наверно, вам об этом рассказала. На следующий урок я к вам приду. Опросите Туманова в моем присутствии.

– Спасибо, что предупредили, – дерзко ответил Быстров.

Двойственное впечатление осталось у него от разговора с завучем. Ясно, что Анна Юрьевна волевая и неглупая, но язык у нее как у тычера, и новшеств боится.

Вечером он в лицах воспроизвел беседу с завучем для мамы.

– Потерпи, Витя, – сказала она. – Анна Юрьевна скоро поймет, что ты второй Макаренко!

Виктор укрепился в намерении отстоять себя и свой метод воспитания: несмотря на рекомендации завуча, оценку Туманову выставят ребята. Мама согласилась с ним:

– Она увидит, что класс с тобой, а не с Заморышем! Если он сносно ответит, спроси ребят: «Троечку ему поставим?» А если плохо ответит или не ответит вовсе, спроси: «Ну, что будем делать с ним, ребята?..»

– Я решу по ходу действия, что спрашивать, – сказал он.

Стараясь не обидеть маму, Виктор увел ее из кабинета физики на приусадебный участок, к огороду и канаве, отделяющей их землю от соседской.

– В субботу канаву вычищу, – пообещал он.

– А я в выходные в твоём кабинете вымою окна, пол вымою, сможешь заниматься на втором этаже. Сегодня ляг пораньше и выпишись, у тебя завтра трудный день.

Они разошлись по маленьким, аккуратным комнатам, похожим на кельи. Виктор зажег настольную лампу и принялся за «Педагогическую поэму» Макаренко.

Он перечитал то место, где Антон Семенович рассказывает, как, не вытерпев наглости ученика, пустил в ход кулаки, хотя ученик был гораздо сильнее его. «Мне в противники судьба назначила тщедушного паренька, – думает он. – Победа должна быть исключительно моральной. Если Туманов сдастся, Анна Юрьевна мои действия одобрит».

10

Завуч вошла в кабинет физики со звонком, поздоровалась, 7 «Б» дружно ответил: выходку Туманова на прошлом уроке как бы учли обе стороны. Отметив в журнале отсутствующих, Виктор Евгеньевич предоставил слово Ключевскому.

Олег принес цветной альбом с чертежами – всё нутро «Волги». Он показал основные узлы, объяснил их назначение и перешел к устройству карбюратора. Говорил слегка запинаясь, кося глазами в сторону завуча. Виктор Евгеньевич поощрял докладчика: «Вот это верно! Все поняли?». Ребята поднялись с мест, Виктор Евгеньевич разложил альбом на столе, дал Ключевскому карандаш в качестве указки. Олег так разошелся, что перестал замечать синее платье и склоненную над блокнотом голову – наслаждался общим вниманием. По случаю сольного выступления он надел белую рубашку с галстуком под коричневый пуловер. Радуюсь за своего ученика, Быстров чуть-чуть завидовал ему: не было у него в детстве возможности выступать перед классом.

– Спасибо, Олег.

– Про систему зажигания расскажу?

– Ты так здорово объяснял, что мне самому захотелось взять слово, – пошутил Виктор Евгеньевич. – Садись. Все по местам! Рисую схему зажигания. Мы ее сейчас рассмотрим, после этого – повторение.

Быстров поставил Ключевскому пятерку.

– Сколько, Ключ? – задал кто-то праздный вопрос.

Ключевский не счел нужным ответить, опустился на стул и вдруг – со стоном подскочил: по его движениям можно было понять, что ему под задницу подложены кнопки.

– Туман... Гад!.. – Олег ринулся к Туманову.

– Ключевский! – послышался окрик завуча.

– Докажи, что это я! – Прикрывая лицо одной рукой, другой рукой Туманов пытался оттолкнуть Ключевского.

– На место, Олег! – приказал Виктор Евгеньевич.

– Я его прибую! – пообещал Ключевский.

– Зачем? Он хотел над тобой посмеяться, но сам выглядит смешно. Ребята, посмотрите на Туманова – сделал гадость и выглядит довольным! Интересно, как он будет выглядеть, когда мы приступим к опросу!..

Рисуя схему зажигания на доске, Быстров посматривал на Туманова. Тот сидел с опущенной головой. Не изменил позы и тогда, когда Виктор Евгеньевич начал вызывать учеников.

– А теперь мы всем классом выставим оценку Туманову. Задавайте ему вопросы.

– Почему подвижный блок выгодней неподвижного? – пробасил Игорь Савченко.

– Этого нет в учебнике, – буркнул Туманов.

– Есть! – возразил Ключевский. – Показать?

– У меня нет учебника. У тебя просил – не даешь.

– Потому что ты с книгами не умеешь обращаться! – сказал Ключевский. – Залапаешь учебник грязными руками!

– На, возьми мой! – Игорь Савченко протянул Туманову учебник.

– Да он не поймет ни черта! – засмеялся Ключевский. – Вот скажи, Туман, для чего нужен карбюратор? Я только что объяснял, повтори!

– Я не попугай! – сказал Туманов.

– Теперь я тебя спрошу. – Виктор Евгеньевич приготовил свой вопрос заранее: – Ты хочешь стать шофером, водилкой?

– Ну, – Заморыш хмуро посмотрел на учителя.

– Представь, что у твоей машины мотор заглох. Зима, холод собачий. В кабине мерзнет человек – тот, которого ты любишь. Ведь есть же хотя бы один такой. Я нарисовал схему зажигания, покажи, какой узел ты

проверишь и как. Если будут сложности, не стесняйся, попроси объяснить еще раз, вместе разберемся. Иди к доске.

Заморыш пошел между столами. Возле барьера, ограждающего учительский стол, он вдруг отпрыгнул к двери, толкнул ее обеими руками и вылетел из кабинета. Вслед за ним поднялась и вышла Анна Юрьевна, бросив Виктору Евгеньевичу: «Жду вас у себя!».

Виктор сделал то, что потом простить себе не мог: отогнул рукав пиджака и посмотрел на часы.

Спасительный звонок, послышался топот в коридоре и голоса вырвавшихся на волю детей. 7 «Б» минуту выжидал, затем – словно ветер сдул учебники и тетради со столов, заскрипели отодвигаемые стулья, не успел Быстров слова сказать, как его ученики с облегчением вывалились в коридор.

Он открыл форточку, стоя у окна, выкурил папиросу и сел за стол. Ему было стыдно за окончание урока: посмотрел на часы вместо того, чтобы прокомментировать выходку Туманова. «Я предоставил ему возможность исправить оценку, дал понять, что в кабине машины сидит его мама. Если он не знал, как починить систему зажигания, то спросил бы меня. Но он выбежал из кабинета. Я от неожиданности конец урока скомкал... Собственно, почему я оправдываюсь? – остановил Виктор себя. – Из того, что Железная Леди вышла вслед за Тумановым, не следует, что она осудила меня...»

Но Виктор чувствовал: что-то не то он сделал.

11

Он постучал, услышал: «Войдите!» и подумал: «Осудит – значит, она тычер!» С портфелем в руке Быстров направился к столу Анны Юрьевны.

– Садитесь.

Она закурила.

– Не можете бросить? – спросил Виктор Евгеньевич.

– Не могу, – сухо ответила Анна Юрьевна. – Нервотрепки много.

Растерла окурочек в пепельнице и открыла блокнот.

Солнце в окне – союзник завуча, лучи бьют прямо в глаза Быстрову, он жмурится.

– Вы готовились к уроку? – спрашивает завуч.

– Разумеется.

– Разрешите взглянуть на ваш конспект.

Он достал из портфеля тетрадь, аккуратно завернутую в целлофан, открыл ее в нужном месте.

Завуч прочла:

– Доклад Ключевского – десять минут. Новый материал – десять минут. Повторение – пятнадцать минут. Туманов – пять минут. Задание на дом и разговор о предстоящей контрольной – пять минут...

– Мне этого хватает, – объяснил Быстров. – Кому из учителей надо, пускай пишут подробный конспект и заглядывают в него поминутно. Такой учитель не имеет права запрещать ученикам пользоваться шпаргалками.

– Кого вы имеете в виду?

– Есть такие.

– Вы имеете в виду Маргариту Петровну? – спросила завуч. – Она пишет конспект и следует ему, потому что она – добросовестный учитель!

«Рита!.. Обсуждала меня с завучем!» – думает Быстров.

– Вы считаете себя новатором, а меня зачислили в консерваторы. Но в чем ваше новаторство? Лекция, прочитанная Ключевским, заняла не десять минут, а половину урока. Отдать столько времени учащемуся проще, чем следовать конспекту.

– Ребята слушали Ключевского.

– Виктор Евгеньевич, вы дали возможность Ключевскому хвастаться собственной машиной! Мама Туманова напишет в газету, что вы это сделали для того, чтобы затем поиздеваться над бедностью, в которой живет ее чадо! Мама Туманова пьет, но писать умеет! По вашей милости у меня снова будут неприятности!

«Вот так Железная Леди! – думает Виктор. – Боится пьяницы!»

– Вы прекрасно знаете, Анна Юрьевна, как мешали той же Маргарите Петровне Туманов и Ключевский! Доводили ее до слез! – горячо сказал он. – Теперь Ключевский – мой ассистент, а Туманов... Я приглашал его к себе домой, позаниматься с ним хотел – он отказался. Я унизил его перед классом, но...

– Напрасно вы задали вопрос, связанный с его мамашей!

– Чтобы он понял, что знания нужны в том числе для того, чтобы помогать ближним!

– Я запретила вам делать из Туманова изгоя! («Ритино слово», – отметил Виктор). В нашей школе нет изгоев! Мы никого не изгоняем и не оставляем на второй год! – Анна Юрьевна прибавила децибелов в голосе. – Мы дорожим честью школы! Исправляйте свою ошибку! Туманов должен хорошо написать контрольную работу!

– Как вас понять? – опешил Быстров.

– Придумайте сами, что надо сделать! Я вас больше не задерживаю!

«Чинуша! Показушница! Тычер!» – Быстров оградил себя от Анны Юрьевны забором бранных слов и укрепил его столбиками восклицательных знаков, Риту вставил в ограду – отомстила за мужское и профессиональное невнимание.

Любовь Васильевна – вот с кем он может поделиться своей обидой и возмущением. Она торопилась в город, чтобы забрать дочь из детского сада, Виктор вызвался ее проводить. Беседовали в полупустой электричке. Стук колес, мелькающая в окне густая зелень, Любин ироничный голос немного успокоили Виктора.

– Что вы хотите? Она не Железная Леди, отнюдь! – сказала Люба.

– Неудачным прозвищем я ее наградила, – признал Виктор.

– Мама Туманова настрочила донос на меня в районную газету! Анне Юрьевне позвонили, она устроила истерику, орала: «У нас телесные наказания запрещены!» Пощечину Туманову она отнесла к телесным наказаниям! Интересно, что я должна была делать, когда этот Заморыш, как вы его называете, крыл меня матом! Если бы телесные наказания были разрешены, она бы избивала детей, уверяю вас! Но разрешения не получено! Получено указание – не оставлять на второй год! Она взяла под козырек! Завуч подталкивает вас к тому, чтобы вы позволили Туманову списать контрольную работу, или написали за него!

Чувство вины отодвинулось, Быстров почувствовал свою правоту.

– Я не дам ему списать, – сказал он.

– Поплатитесь местом в школе, – предупредила Люба.

– Но я предоставляю Туманову последнюю возможность. Если он согласится прийти ко мне домой, я позанимаюсь с ним и еще раз вызову.

Больше чем за себя, он переживал за маму, для нее будет ударом поражение Вити в школе.

Домой в этот день он вернулся поздно, в одиннадцатом часу. Тучи плотно закрыли небо, поубавив света в наступившей белой ночи. Подойдя к забору, Виктор с трудом разглядел велосипед с прицепом – Иван Павлович привез удобрения, где-то поблизости их выгрузил, запах во дворе стоял не самый приятный. «Мама занята гостем, – подумал Виктор. – О школьных делах не будет меня расспрашивать. Расскажу, когда Иван уйдет».

Он наметил такой рассказ для мамы: урок в 7«Б» прошел хорошо, Ключевского ребята слушали, раскрыв рты. Олег доказал, что он не избалованный барчук, а нормальный парень. Туманов на фоне Ключевского совсем скис. Он не ответил ни на один вопрос ребят. Не ответил на вопрос, который ему был брошен Виктором как спасательный круг. Виктор думал, что Туманов поймет – физика нужна, чтобы помогать тем, кого любишь. Туманов круг оттолкнул. Анна Юрьевна наехала на Виктора – он, видите ли, ослушался ее! Виктор не останется в школе, даже если завуч, остыв, будет просить его об этом. Разве только в том случае он согласится работать с ней, если она пообещает не вмешиваться в его методику преподавания.

Поднявшись на крыльцо дома, он удивился: к крюку подъемника прицеплена бадья. Застряла вверху, под люком балкона, когда мама хвасталась перед Иваном Павловичем Витиным изобретением? Он потянул дверь за ручку – бадья обрушилась ему на голову. Он оттолкнул ее – вонючая жидкость обдала лицо, потекла по шее, за ворот поплиновой рубашки, под ремень брюк. В коридоре кто-то привязал веревку одним концом к ручке двери, другим к тросу, при открывании двери трос слетел с желоба и блок с бадьей рухнул. «Маму позвать? – думает Виктор. – Но за ней выскочит Иван Павлович и увидит меня». Во дворе колонка, он побежал к ней, стащил с себя липкую одежду, пригнулся, встал под струю воды, одной рукой держа рычаг колонки. Заметил корыто с навозом возле сарая, вернулся к крыльцу дома, схватил бадью, вымыл ее под краном, потом наполнил водой, нашел тряпку под крыльцом дома, вымыл ступеньки. Все это он проделал в голом виде.

Виктор подошел к окну, постучал в стекло, крикнул:

– Мама, выйди!

Она выбежала:

– Что, Витенька? – Увидела его и глаза вытаращила: – Бандиты раздели?

– Я упал в корыто, возле сарая стояло. Вынеси трусы, рубаху, штаны.

Пока Виктор одевался, мама охала и оправдывалась:

– Ой, Господи! Это ж надо! Я не просила Ивана! Он мешок удобрения привез, в корыте развел. У него день рождения сегодня. Банку кильки в томате и коробку конфет принес. Бутылку вина я ему поставила. Допивает.

– Вынеси папиросы, они в тумбочке лежат.

Мама метнулась в дом за пачкой «Беломора».

– Ты показывала Ивану подъемник? – спросил Виктор.

– Показывала. Игорь, твой ученик, Ивану рассказал о подъемнике. Иван захотел посмотреть. Очень хвалил тебя, мол, Витя головастый!

– Бадья где была?

– В углу стояла, мы ее не цепляли. Что случилось, Витенька?

– Ничего. Я покурю и приду.

Идея принадлежит Туманову, это ясно, но Иван Павлович замешан. Каким образом? Иван вез удобрения, встретил Туманова и своего племянника Игоря Савченко. Игорь сообщил дяде, что они собираются подшутить над учителем. У Ивана Павловича на Виктора давно зуб нарисован, он одобрил шутку. Разгрузил Иван прицеп, приготовил раствор, удобрил и вскопал грядку, полюбовался Витиным изобретением и сел с мамой за стол – стал отвлекать ее разговором. А пацаны втихаря наполнили бадью раствором и соединили веревкой трос подъемника с дверной ручкой... Но почему Игорь подписался на это дело? Ему нравились выходки Туманова, гоготал над ними, но ведь на уроках физики ему было интересно!.. Игорь принял участие по приколу... Иван Павлович отпрется, более того, по всему поселку разнесет в подробностях, как ученики наказали учителя. «Нет, молчать надо», – решил Виктор.

Мама отругала гостя за корыто, оставленное на дороге:

– Извини, что так получилось, – сказал Иван Павлович. – Садись, Витя. Про тебя племяш мне рассказывал. Выпьешь?

– Извините, устал. Что Игорь рассказывал?

Улыбка на рыхлом лице Ивана Павловича, похожем на вдавленную в тесто маску, стала лукавой.

– Как хочешь, чтоб я передал – по правде или как мама желает услышать?

– Ты не строй усмешки, именинник! – прикрикнула мама.

– Игорь говорит, ты строгий учитель, но... – Иван Павлович помолчал, потом выдохнул: – Строгий, но несправедливый! В любимчиках у тебя сын директора Ремонтного завода! Одних учеников возносишь, об других вытираешь ноги!

– В 7 «Б» Туманов воду мутит! – набросилась мама на Ивана Павловича. – А твой Игорь повторяет за ним!

– Может быть, – поспешно согласился Иван Павлович. – За что купил, за то продаю.

– Иди с Богом. – Мама поднялась, не позволив гостю выпить на посошок.

– Спасибо за удобрения. – Виктор пытливо посмотрел на Ивана Павловича.

– Чего там, мы ж соседи. Как насчет рыбалки, товарищ учитель?

– Учебный год не закончился, работы много.

– Хорошему работнику в радость, когда много работы, – сказал Иван Павлович. – Работник тогда доволен!

Как только дверь за ним закрылась, мама вынесла приговор:

– Хороших работников одобряет, а сам лодырь! Всего одну грядку вскопал, а бутылку вина выдул и, считай, полкоробки конфет съел! Потом жалуется, что сахар у него в крови повышенный! – Она обняла сына. – Не прячься от меня, Витя! Что случилось-то?

Он рассказал.

Мама сразу приняла версию коллективного заговора, сказала, что на порог не пустит соседа-безобразника. Не обошлось и без советов, как наказать Туманова и Савченко.

– Могли ведь и камень тяжелый в бадью положить! – сказала мама. – В милицию заявим?

– Не надо милиции, – сказал Виктор, морщась.

Он вышел на крыльцо. Вспомнилось, как сиял Игорь, получив пятерку за участие в дискуссии по поводу подъемника. «Племянник Ивана Павловича позавидовал Олегу, – думает Виктор. – Олег способней Игоря. А вот Туманову завидовать нет повода. Этому и посочувствовать можно. Можно наказать учителя, который поощряет Ключевского, а Туманова ставит на место. Игорь и его дядя так понимают справедливость. И не только они, но и завуч, и еще многие другие!..»

Он долго курил на крыльце. Мама не вышла с утешениями, поняла, что Витя хочет побыть один.

13

Когда учитель видит ребят, склонившихся над листами, ему кажется, что он слышит, как скрипят перья. Кто-то сказал: «Так, понятно», кто-то вздохнул. Фокин громким шепотом, исключаящим подозрения, попросил резинку у соседа.

Виктор Евгеньевич ходит между рядами, останавливается, скользит взглядом по листкам. Витые, без наклона буквы, каждая отдельно, не соединена с другими – это Ключевский. Олег пишет, отгородив плечом свой лист от соседа, варианты хотя и разные, но похожи. Он не поднимает глаз, чтобы проверить по лицу учителя, нет ли ошибки.

Игорь Савченко прилип к окну.

– Решай, не отвлекайся, – говорит Быстров.

– А вы подскажите. Начало хотя бы подскажите. – Савченко почесывает макушку.

– Тебе помогу, а другим что, не надо? Несправедливо будет. А ты ведь за справедливость, – сказал Виктор Евгеньевич.

– Я? – удивился Игорь.

– Ладно, решай!

«А точно ли, что он участвовал? – думает Виктор. – Может быть, он и с дядей не говорил о моей несправедливости? Иван Павлович это сочинил, чтобы уронить мой авторитет в глазах мамы?.. Нет, оба участвовали. делают пакость, а потом смотрят невинными глазами...»

Зина Тихомирова исписала листок ненужными формулами.

– Ты в восьмом классе собираешься учиться? – шепотом спросил ее Виктор Евгеньевич.

– Ага, – ответила девочка, утирая ладонью большегубый рот.

– В восьмом классе вы у нас будете? – спросил Ключевский.

– Вряд ли, – ответил Быстров.

– Не будете! – подал голос Заморыш. – Петровна будет!

«Петровна» он произнес без издевки, с какой-то даже симпатией. Ребята оторвались от листков, радуясь передышке.

– Туманову всё известно, – сказал Виктор Евгеньевич. – Одно неизвестно – как подступиться к задаче.

– Думаю, – буркнул Туманов.

– «Чапай думает!» Как в кино про Чапаева! – пробасил Игорь Савченко.

– Туман что-нибудь да придумает!

– Ты думаешь, у кого бы списать? – спросил Виктор Евгеньевич.

– Не стойте над душой! – огрызнулся Туманов.

– Ну, думай, думай!..

«У него мозгов хватило устроить аварию довольно сложного устройства. Когда я рисовал схему подъемника на доске, помнится, он заинтересовался – где крыльцо, где балкон. Потом, наверно, бегал к моему дому, изучал на месте, где тросы, где дверная ручка. Он, скорей всего, поставил Игоря на шухер, а сам прокрался к дому. Как же Вьюн не

заметил его, не подал голос? Скорей всего, Туманов крался со стороны сарая. Никакой он не Заморыш – смелый пацан, не побоялся собаки. И меня не побоялся. Если бы я поймал его на месте преступления, искупал бы в бадье... Не трус и не тупица. И надо признать, что чувство достоинства у него есть...»

Туманов списывать не собирался, водил шариковой ручкой по листку.

– Чего вам? – Он прикрыл лист руками.

– Что рисуешь?

– Что надо!..

– Я написал! – Ключевский бегло осмотрел свой лист и протянул его учителю. – Виктор Евгеньевич, – Олег понизил голос, – если хотите, мой отец на директора надавит, чтобы вас оставили в школе?

– Не нужно, – сказал Быстров. – Спасибо, Олег.

За дверью уже слышались девчоночьи голоса и причитания. Люда Петренко подошла к Виктору Евгеньевичу:

– Что у меня в четверти будет? В журнале у меня две пятерки, но в контрольной я напутала...

– Будет то, что заслужила.

Стопка листов перед Быстровым росла. Маленькая стриженная голова с оттопыренными ушами как бы всплыла над барьером, рука бросила на учительский стол контрольную работу. На лицевой стороне корявыми буквами было выведено: «Туманов Владимир».

Быстров развернул лист и увидел: существо на ножках-палочках вытягивало вверх руки-палочки. Вместо головы у существа была трапеция, напоминающая перевернутую бадью.

Что делать с этим листом, Быстров не знал.

14

Итоговое совещание происходило в биологическом кабинете. Хозяин кабинета отсутствовал, Люба сообщила Виктору, что старик уволился.

Анна Юрьевна, в длинном коричневом платье с длинными рукавами и отложным воротником, и директор, в черном костюме, с галстуком, сидят за учительским столом, места для учеников занимают преподаватели. Директор что-то пишет. Когда Анна Юрьевна отмечает недостатки в работе, он вздыхает: «Увы и ах!», если хвалит, одобрительно кивает. Учителя докладывают, сколько у них отличников и хорошистов.

– Это важней всего, – шепчет Виктор сидящей рядом Любе.

– Вам завуч не может простить двойки Туманова.

– Он исчез, – сказал Виктор. – Я даже поговорить с ним не мог.

– Я видела Туманова и его маму на станции, – шепчет Люба. – На скамейке сидели. Описывать маму не буду из чисто эстетических соображений. Туманов ее умолял: «Пойдем, мамочка, домой! Пойдем!» Я вспомнила фразу, кажется, Гоголя. – Люба замялась. – Собственно, этому и религия учит...

– Какую фразу вы вспомнили?

– «Ты полюби нас черненькими, а беленькими полюбит всякий!..»

– Туманов любит маму? – спросил Быстров.

– Допускаю. Но вопрос: к чему эта любовь его привела?..

Анна Юрьевна прервала их разговор:

– Любовь Васильевна! Мы на совещании!

– Извините. – Люба посмотрев на Виктора, приложила палец к губам.

– Виктор Евгеньевич, к вам один вопрос, – сказала завуч. – Но вначале спрошу Любовь Васильевну. Вы нашли Туманова?

– Я собиралась к нему домой, но увидела его с мамой на платформе нашей станции. Мама была в непотребном состоянии. – Люба поправила очки. – С ними бессмысленно о чем-либо говорить.

– Как написал Туманов контрольную работу? – обратилась завуч к Быстрову.

– Он нарисовал то ли какого-то человечка, то ли робота, – ответил Виктор. – К контрольной работе это не имеет отношения.

– Кого все же он нарисовал?

«Меня», – чуть было не сказал Виктор.

– Туманов не поделился со мной своим замыслом, – был его ответ.

– Еще вопросы к учителю физики? – Анна Юрьевна обвела взглядом учителей и повернулась к Быстрову: – Вы у нас больше не работаете. Маргарита Петровна в школе? Товарищи, кто-нибудь поищите ее.

Виктор идет березовой аллеей. Оглядывается на силикатное здание школы и думает: «Вы мне не позволили продолжить работу. Не понравился мой метод воспитания. А свой метод у вас есть?..»

Он выходит на платформу, видит свежевыкрашенную в голубой цвет скамейку. На этой скамейке Туманов обнимал свою пьяную маму. «Я не проиграл ему, – думает Виктор. – Просто времени не хватило, всего два месяца я работал... А может быть, еще чего-то не хватило?..» Он снимает пиджак, засучивает рукава поплиновой сорочки, выстиранной его мамой, и смотрит туда, откуда идет сверкающий на солнце поезд.

Конец

ГРИГОРИЙ ПЕВЗНЕР

Слова любви и ярости. Любовь...²

Стихи

* * *

Кому диктует Бог,
Кого морочит дьявол.
А у меня жена
Щебечет над плечом.
И если что не так,
То заявляю я вам,
Что это всё она,
А я здесь ни при чём!

* * *

А может, всё прекрасно? А может быть, и я
Явился не напрасно на берег бытия?
Я плохо делал дело, я прожил на бегу,
Но мне не надоело на этом берегу,
Где маки, где за плугом грачиные бега,
Где в мареве упругом над лугом пустельга.
Где было то, что было, где я, по счастью, был,
Где женщина любила, и я ее любил.
Вы будете смеяться... А всё-таки я жил,
Таскал нелепый панцирь из жира и из жил.
И легкие свистели, с усилием дыша...
А где-то в этом теле барахталась душа.

² Первую часть подборки – «Ярость» – читайте в №16 «СОНАРА».

* * *

Лето медлит у переправы:
уходить или всё же нет?
Необузданной чащей травы,
но соломенный чаще цвет.

Ностальгичен тысячелистник
в окруженье борщевика.
Часть листвы ржавеет по-лисьи –
не от осени, от грибка.

Август густ, далека агония,
мало этих рыжих заплат.
Курит женщина на балконе –
ветер треплет её халат,

обнажает её секреты,
подступает к её нутру.
Пепел падает с сигареты,
рассыпается на ветру.

Ели стихли и потемнели.
У предгрозя другой язык.
Птица щёлкает еле-еле.
Огрызается грузовик,
и в ответ шелестит дорога,
будто шепчет какую весть.
И тоска – не тоска, тревога –
не тревога, но что-то есть.

Ветка ловит дыханье ветра,
опускаются небеса,
и детёнышей человека
гулки мелкие голосá.

08.2016

* * *

Город дым гонит вверх,
как курильщик сквозь трубочкой губы,
трубы держат его,
как жонглёры, на кончике пальца.
Кот хвост поднял трубой
параллельно и трубам, и дыму –
мол, посмотрим ещё,
что прямее и что вертикальней.
Иней, снег и туман –
для Творца матерьял благодарный,
парный след от саней,
пар на выдохе, пара прохожих.
Счастье, похоже,
лепится просто и быстро.
Быстро и тает оно,
но мы помним его послевкусье...

22.01.2016

* * *

Вновь вечер, ночь и ты, дела сдаю в утиль я –
какие тут дела, раз вечер, ты и ночь?
Вновь день, как бабочка, сложил цветные крылья,
и сыплется пыльца. И Бог зеленооч.

Горчит луна в окне, и бок окрашен ржавым.
Сгустилась духота, спустилось забытьё.
И по моей спине бредёт и водит жалом
усталая оса, и лень согнать её.

* * *

Я не Тристан и Тристаном не стану.
Ты не Изольда и не изо льда.
Меч по ночам между нами не стану
класть. И любить я тебя не устану.
Ты – моя пристань. К тебе я пристану
и не отстану уже никогда.

* * *

Вечереет. Углы отчётливей.
Бог склоняется, всё разглядывает.
А потом что надо подчёркивает –
тут разглаживает, там раскладывает.
Бог присматривается попристальной –
вечер блики о пристань плещет, и
пацаны рыбачат на пристани,
а вокруг коты, как болельщики.
Бог присвистнул и с неба свесился –
явно в удочках разбирается!
...Парус солнце поймал и светится.
И луна над ним разгорается.

* * *

А старуха – незлая старушка.
Просто детище трудного быта.
У неё что ни день – постирушка,
а корыто и правда разбито.
И с избушкой понятное дело:
их-то старая – щели и шашель!
Ей-то ладно, она бы терпела,
но у мужа – суставы и кашель.
Да и с теремом дело такое.
Старость счёт открывает потерям,
ноги мёрзнут, охота покоя...
А когда появился и терем,
у старухи прибавилось прыти –
жизнь наладилась, в щели не дуло!
Бабка пела, стирая в корыте,
а всё прочее Пушкин придумал!

* * *

Было счастье. Бывало горе.
Мне б у самого синего моря
жить. В том смысле, чтоб было синим,
и в том смысле, чтоб с морем рядом.
Но чтоб рядом всегда старуха,
в смысле, бабка любимых внуков,
в смысле, дева, всегда младая,
в смысле, рыбка моя золотая.
Мне б у этого синего моря
жить, чтоб волны лизали берег,
чтоб шныряли по берегу бабки,
чтоб кричали лениво: «Рáчки!» –
или смуглые аборигены
выпевали своё: «Cerveza!»
Чтоб кораллы кормили рыбок,
чтобы спрут, сливаясь с кораллом,
выдавал себя только глазом,
а увидев, что обнаружен,
убегал с недовольным видом.
Чтоб базарно кричали чайки,
чтобы ссорились попугаи,
шевеля шевелюру пальме,
словно вши волоса бродяге.
Чтоб весёлые официанты,
накормив невозможной рыбой,
нас обсчитывали задорно,
а когда их поймаешь, деньги
отдавали без тени смущенья.
Чтобы солнце было горячим,
чтобы пиво было холодным,
чтобы девы были прекрасны
(но моя всё равно прекрасней!)
Я хочу жить у самого моря,
чтобы было оно самым синим,
чтобы было оно самым-самым.

* * *

Ветер сдул закат, а вечер вытер,
звёздный свет колюч и не упруг.
Вновь зажжёт Юпитер свой юпитер –
темнота подтаяла вокруг.

Город лихорадит, новогодит:
вспышки фейерверков там и тут,
кое-где прохожие проходят,
кое-где животные живут.

Кошки – как солдаты в самоволке,
у дороги павших елей рать.
Лютеране разбросали ёлки –
значит, время ёлки собирать.

Собирать, отогревать и ставить,
за руки держать и наряжать –
как-то их неправильно оставить
в Новый год на мусорке лежать.

В промежутке между Рождествами,
в новогодней этой кутерьме
мы ведь тоже не хотели б с вами
голыми, на мусорке, во тьме...

14.01.2014

* * *

Лунный свет подрагивает на связке ключей.
Мерно кочет покрикивает молодой.
Мерно волны покачивают ковчег.
Море. Горы всё ещё под водой.

Мерно дышит бык. Мерно дышит слон.
Сон ковчег заполнил, сквозь ночь сочась.
День грядущий... Не мечу его числом:
сотворение мира идёт сейчас.

Тигры спят, с ними рядом коровы спят.
Никого никто не ест, как в раю.
Овцы спят. Медведи во сне сопят.
Я не сплю. Ночь тянется. Я стою.

Что мне сделать, всё это продлилось чтоб –
волк с ягнёнком рядом, никто никому не зверь?
Вслух молюсь, чтоб Бог прекратил потоп,
и в душе тихонько, чтоб не теперь.

Этот мир в ковчеге, и Бог над ним.
Нет вражды и выбора: смысл потоп.
Бог единый со мной говорит одним –
Авраам, Христос, Магомет – потом!

И мой Хам пока что не хам, не хам –
он любимый сын, как Йафет и Сим.
Под водою звёзды и по верхам.
Между бездной и бездной мы здесь висим.

2014

* * *

...На самом деле Шехерезада
была грудаста, широкозада,
ласкала жарко, и царь дрожал
почти как от пытки, от этой ласки.
А сказки? Что ж, он ценил и сказки,
но не для сказок её держал.

4.02.2020

* * *

Не поддавшись кунову гону
и не слушая никого,
человек полюбил горгону,
и горгона в ответ его.

Так бывало во время оно –
не такой уж редкий сюжет:
человек полюбил горгону,
и горгона его в ответ.

Не желая знать ни бельмеса,
не боясь ни змей, ни брони,
он пришёл без меча Гермеса
и без всей подобной херни.

До прихода его стемнело,
истекала соком лоза.
И горгона окаменела,
заглянув Эроту в глаза.

Но любимый гладил ей руки –
он жалел Медузу свою.
Он стирал выражение муки,
гладил жёсткую чешую.

Он, устами прикрыв уста ей,
встретил утреннюю зарю.
Даже люди могут оттаять –
о горгонах не говорю.

И из ступора взмыв упруго,
первой страсти впитав вино,

как горгона любила друга!
Так прелестницам не дано.

Он припал к своей Галатее,
и качали их облака.
Вкруг него обвивались змеи
и покусывали слегка.

Олимпийцы поотвернулись,
Гелиос придержал коней.
...Лишь к полудню двое проснулись.
Он во сне прижимался к ней.

29.06.2020

* * *

Я посылаю тебе шифровку.
Отсюда нет напрямую связи...
Я посылаю свою шифровку
то криком чайки перед грозой,
то стайкой листьев, то всхлипом грязи...
То спелой сойкой на старом вязе...
То предрассветною бирюзой...

Я посылаю, а ты не слышишь,
ты трудно дышишь. Ты, на спине
когда заснёшь, иногда так дышишь...
И ведь не звякнешь и не напишешь...
Я упрошу, мне позволят – слышишь? –
к тебе порой приходиться во сне.

* * *

Мальчик в коротких штанишках сбегает к реке.

С мостика невдалеке с хлебом в руке

женщина – под чепчиком-клубуком

коса, скрученная клубком –

крошки бросает уткам.

Разворот сделал,

одна чёрная и следом три белых

с небольшим промежутком

к ней плывут с интересом.

Дело к вечеру, а может быть, поутру.

Бельё полощется на ветру,

река, как кайма,

за нею фахверковые дома,

кирха подальше – повыше,

кирха поближе – пониже.

Короче, северный Гессен.

Этот в зеленоватых тонах гобелен

жил в моих снах, взяв меня в плен,

меж прутьев я паялился на него вечерами

(кроватька – маленькая тюрьма)

и засыпал. И лохматая бахрома,

ожив, кусала за пальцы меня,

а в оконной раме

к стёклам жались все страхи дня.

Я редко участвовал в детских играх,

болел, мечтал, никогда не дрался.

Воспитательница ноги пообещала выдрать

тому, кто усрётся. Я однажды усрался:

спальня, глаза зажмуренные, тихий час,

приближающиеся шаги... Пот прошиб и сейчас.

Детство врёт – я, мол, сказка, я сказочный грот!

Детство манит кротко – и кто не клюнул?

«Закрой глаза, открой рот!» –

прокричал мне Вовка. Я открыл. Он плюнул.

Детство составлено из частей:

рыба, сплошь состоящая из костей,

каша, успевшая подгореть слегка,

рвота от пастеризованного молока...
Я вижу нечто, что было мной:
чулки, резинки, нелепый лифчик...
Засыпая, я прижимался к стене спиной –
прикрывал тыл,
чтобы внезапно никто не схватил –
И всё равно, мальчик-с-пальчик,
я был счастливчик!
Я миру верил, хоть и не доверял,
паук над дверью покачивался и пряд –
молча, без трали-вали.
Он ткал прозрачный свой гобелен,
и уж если кто попадал к нему в плен,
вырывался едва ли.
Но колен моих выше давали крен
одуванчики. Колокольчики мне кивали.
И шмели и пчёлы, жужжа свой дзен,
к ним склонялись, их выпивали
и целовали, не встав с колен.
А потом мир взрослел, обнажая тлен,
штукатурка обваливалась со стен,
обретало жало, что с виду мило.
...Когда ткали в Германии мой гобелен,
из евреев варили неподалёку мыло.
Но с моей стены
белокурый мальчик из детской страны
каждый день сбегает, и всё по кругу.
Я живу теперь в Гессене – мы равны! –
и бегу к нему со своей стороны.
И мы машем друг другу.

01.2019

* * *

Как выразить всё то, что наполняет,
когда и дышит нос, и обоняет,
внимает ухо, глаз слезу роняет –
но не от горя, а от полноты,
и дождь вдруг стих, и день ещё не жарок,
и в радуге горит так много арок,
и всюду незаслуженный подарок –
как это всё словами можешь ты?

«Спасибо»? – «Бог спаси»? Кого? Нелепо.
«Благодарю»? Но я дарю ли благо?
«Признателен»? Но в чём моё признание?
Что мир прекрасен до изнеможенья,
а я растерян и почти старик?
Что Бог – Он Бог, Он благ, а я как мошка,
прижавшаяся к потемневшей ветке,
бормочущая что-то от восторга,
которую небрежно склюнет пташка
и прощепечет в небо: «Чик-чирик»?

Я это видел: куст – и розы, розы...
И лепестки сплошные – от берёзы
до гаража. И различи поди,
где лепестки, где ракушки, где галька...
Вот так вдохнул – и никакая гайка:
твой воздух не выходит из груди!

Насколько птичья, называемая песней,
речь чётче, и честнее, и уместней,
чем человечья! Как сказать словами
Тому... Который... Ну, короче, Богу
всё то, что ты испытываешь вдруг,
когда сквозь дождь, сквозь куст, сквозь эту ветку,
сквозь эту мошку, что прижалась к ветке,
глядишь на тучи и сквозь тучи в небо,
когда протягиваешь к небу руки
и небо вырывается из рук?

ИРИНА ЛИР-ЛАВИ

Пурим с автоматом

Рассказ

С улицы послышалась какая-то возня, и старик вышел на балкон посмотреть, в чем дело. На главной аллее большого сквера, почти парка, куда выходили окна и балкон квартиры стариков, плотный парень в белой рубашке и вязаной кипе устанавливал черные динамики на высоких штангах. «Ну да. Пурим³ же. Наверное, здесь пройдет адлояда⁴», – подумал старик.

– Правильно, что мы остановились на этой квартире. Даже адлояду можно смотреть с балкона, – сказал он старухе.

Они купили эту квартиру полгода назад. И еще продолжали с ней знакомиться, периодически обнаруживая ее скрытые достоинства и недостатки.

Искали недолго – меньше трех месяцев. Старались сэкономить силы и время – не так много их уже осталось. Старуха годами говорила, что нужно съезжать со старой квартиры. Кто знает, сколько они еще смогут бегать в горку и по лестницам. Особенно если с тяжелыми сумками, да в летнюю жару. Он понимал, что когда-нибудь придется переезжать, что дальше будет только труднее, но не хотелось опять ломать устоявшийся быт. Это в молодости они были легки на подъем, а с возрастом появилась тяга к стабильности. Вот и откладывали неприятную необходимость. А потом зимними дождями размыло опорную стену напротив их дома, автостоянку завалило глиной и камнями, и они поняли: это последнее предупреждение. Взяли маклера, сформулировали задачу: плоское место, новый дом, лифт, мамад⁵, балкон.

Балкон этой квартиры определил их окончательный выбор – огромный, с видом на близкое море и как бы парящий над большущим сквером. Маклер первым делом завел их именно на балкон – так сказать, товар лицом. «Жили-были старик со старухой у самого синего моря», – подумал

³ Пурим – еврейский праздник в память о спасении еврейского народа от уничтожения в IV веке до н. э. на территории Персидской империи.

⁴ Адлояда – пуримское веселое карнавальное шествие.

⁵ Мамад (иврит) – стандартное защищенное пространство в квартире, соответствующее требованиям гражданской обороны.

тогда старик, глядя на планериста на фоне горящего закатного неба над серо-синей водной гладью.

– И новое корыто, – сказала рядом старуха.

– Зачем вам корыто? – засуетился маклер. – Стиральная машина сейчас совсем недорого. И просто пользоваться. Даже старики осваивают. Я научу. Бесплатно. Идемте, я покажу вам технический балкон. Там все специально оборудовано для стиральной и сушильной машин.

– Бахурчик⁶⁴, мы уже полвека пользуемся стиральными машинами. Кстати, сейчас у нас самая современная модель. Корыто – это совсем о другом, – рассмеялась старуха.

– Оставь его: новое время, новые сказки, новые якоря, – сказал старик и перехватил настороженно-озабоченный взгляд маклера. Тот уже совсем не понимал, что происходит, почему якоря связаны со сказками и корытом, и как ему теперь давить на этих полусумасшедших стариков, чтобы склонить их к покупке квартиры.

Но давить не пришлось. Они решили.

Старуху звали Фира. Она родилась на Сахалине в семье репрессированных евреев-одесситов. Ее родители, герои-фронтовики, к концу Великой Отечественной войны оказались виноваты перед родной страной-победительницей.

Мама-врач – за то, что, раненная в разбомбленном санитарном поезде, она попала в плен, но сумела выжить, бежала и вышла к своим навстречу наступающей Красной армии-освободительнице. «Признайся, что ты продалась фашистам и стала шпионкой. Отвечай, зачем ты появилась в расположении воинской части?» – требовал от нее следователь в советской тюрьме. На двенадцатом допросе, уже не владея собой, она запустила в него пресс-папье, что стояло у того на столе. Но, к ее собственному изумлению, опять осталась жива и оказалась в ссылке на краю света. Совсем одна, без средств, без крыши над головой, всем чужая. К счастью, удалось устроиться санитаркой в фельдшерский пункт местного исправительно-трудового лагеря. Видимо, ее смерть еще не входила в ближайшие планы Провидения.

Отец Фиры, талантливый инженер-электрик, придумал способ значительного снижения потерь электроэнергии при передаче на большие расстояния. Отчаявшись достучаться до отраслевых начальников, он,

⁶⁴ Бахурчик (иврит) – паренек.

демобилизованный из Красной армии после тяжелого ранения, поехал в Москву прямо к товарищу Сталину. Он просидел в приемной двенадцать часов, но не увидел ни хозяина кабинета, ни стакана воды. А оказался сначала в тюрьме, а потом, без всякого суда, в лагере на Сахалине.

Там, «на зоне», они встретились. Услышали родной одесский язык и бросились на зов «маме лошен». Нет, не идиша, а гремучей одесской смеси идиша с русским, украинским и греческим. Это случилось как раз на Пурим. Он еще посетовал, что здесь они не смогут выполнить ни одну пуримскую заповедь. А она ответила, что смогут. Пока человек жив, он может очень многое, даже тайно отметить Пурим в советском лагере.

– Смотри, мы уже в карнавальных костюмах. Ведь эта лагерная роба – всего лишь временное обличье. А автоматчики вокруг и прожекторы на вышках – это логическое дополнение образа. Остальное организуем, – сказала она ему.

И они сумели сделать себе настоящий Пурим: прослушали Мегилат Эстер⁷, обменялись шалахмонес⁸ и устроили праздничный пир. И даже красивые салфетки и авторская посуда у них была – она причудливо свернула и фигурно вырезала компрессную бумагу, которой обернула их лагерные миски и кружки.

Книги Эстер у них не было, да и не могло быть. Разве что чудом. И они по памяти, временами сбиваясь и споря о деталях, рассказали себе ту библейскую историю. А потом она заварила шиповник и лимонник, запарила сушеные сахалинские ягоды, поставила на стол грибной суп, а он положил настоящую белую булку, которой лагерный повар расплатился с ним за ремонт, когда короткое замыкание вышибло все электричество на кухне.

«Как вовремя закоротила спираль в этом старом ТЭНе», – думал он, получая у повара давно невиданный деликатес.

«Ну как не вовремя сгорел этот чертов водонагреватель. Прямо перед офицерским ужином. Если бы этот самоделкин не выручил, сидел бы я в карцере. Или того хуже», – думал повар.

⁷ Мегилат Эстер (иврит) – Свиток Эстер, книга из ТАНАХа, описывающая историю спасения евреев от полного истребления во времена царя Ахашвероса в Персидской империи. ТАНАХ – общее название всех 24-х книг, составляющих еврейскую Библию.

⁸ Шалахмонес (идиш) – заповедь приносить друзьям на Пурим съедобные подарки.

А в мае в сахалинский лагерь пришло известие о Победе над фашистской Германией.

На следующий Пурим у санитарки и ээка-электрика родилась девочка. Решили назвать ее в честь любимой бабушки отца – Эсфирь. Так звучало в идишеских семьях имя библейской Эстер. Тепло бабушки Фиры отец помнил всю жизнь. Но зарегистрировать ребенка под именем Эсфирь или Эстер они не смогли.

– Вы что тут чудите? Нет таких советских имен, – категорично отказала им чиновница. – У японцев, что ли, слова подслушали? Так попрут их всех отсюда. Скоро не будет их на Сахалине. Мы же войну выиграли. Не они.

– Вот-вот, в честь нашей победы. Пиши: Фира, – быстро сообразил отец.

– Чиво ты ляпнул? – недоуменно уставилась чиновница.

– Фира, говорю: Факел Разгрома Империализма. Или ты против? – пошел в атаку отец.

– Я коммунистка! – возвестила чиновница и встала со стула, грозно оглядывая комнату. Очевидно, была готова прямо здесь, прямо сейчас собственноручно разгромить всех империалистов мира. Но не найдя никого, кроме настороженно притихших родителей, она села обратно на свой начальственный стул и красиво вывела на бланке регистрации новорожденных: Фира.

Старика по документам звали Михаил. Но у него было еще и второе имя, домашнее, – Мордехай. В честь деда. Это имя ему дали при обрезании, и оно прочно заняло свое законное место в устной истории семьи.

С Фирой Мордехай познакомился в Москве в 1964 году. Случайно. Вместе ловили лишний билетик перед началом знаменитой Турандот в театре Вахтангова. Она – студентка-медичка с Сахалина. Будет врачом, как когда-то ее мама. Он – из Биробиджана, сын бухгалтера и школьной учительницы, ныне студент Московского института инженеров транспорта. Оба – дальневосточники и целевики, приехали учиться по направлению Хабаровского крайкома партии.

А потом было окончание институтов, свадьба, работа в Хабаровске, рождение сына, аспирантура Мордехая и защита диссертации, проектирование и строительство Байкало-Амурской магистрали, стажировка Фиры у доктора Илизарова в Кургане, внедрение его метода чрескостного компрессионного остеосинтеза в больницах Дальнего

Востока, перестройка, репатриация, безденежье, утверждение себя в новой жизни, проектная работа на Израильской железной дороге, экзамен на врачебную лицензию, ставка врача в городской больнице, сын – солдат-студент-докторант. А потом время помчалось вскачь: пенсия, возрастные проблемы со здоровьем, внуки, сын – доктор наук и руководитель успешной компании старт-ап. И всегда-везде ежегодный Пурим – главный праздник семьи, день рождения Фирочки...

Прозвенел звонок входной двери.

– Пришли за костюмом, – быстро проговорила старуха и бросилась открывать.

Зашла невестка Шушана с двумя внуками. Старший, девятилетний, уже в пуримском обличье – полицейский в форме, с автоматом. С его костюмом проблем не было. Купили готовый. А вот младший, трехлетка, долго думал, кем он хочет нарядиться – ведь это был его первый в жизни карнавал. Наконец решил – он будет драконом. Бабушка пообещала сделать ему костюм. Две последние недели он подробно описывал старухе, как выглядит настоящий дракон, ведь она их никогда не видела.

– Ну вот, посмотри. Все, как ты просил, – проговорила старуха и подвела внука в костюме к зеркалу.

Тот с интересом глянул в зеркало, но вдруг заплакал и спрятался за маму, вцепившись в ее юбку.

– Что случилось? – всполошилась старуха.

– Там дракон. Я боюсь, – всхлипнул малыш и плотнее прижался в маме.

– Это ты сам в костюме дракона. Это зеркало, – объяснила мама.

– Там дракон, – плакал трехлетка.

– Не бойся. У меня автомат. Я защищу, – заявил старший внук и сделал перед зеркалом несколько пассов с автоматом.

Малыш заинтересованно выглянул из-за маминой юбки, но тут же спрятался обратно.

– Послушай, это добрый дракон. Он не опасен. Я в драконах разбираюсь. Много их в жизни повидал: и добрых, и злых, – сказал старик.

Он взял внука на руки, прижал к груди и подошел к зеркалу. Сказал:

– Видишь, я держу его на руках? И он спокойно сидит. Смотри, он очень похож на тебя. Послушай, в жизни ты еще увидишь много разных драконов, диковинных животных и странных людей. Нужно не бояться, а отличать добрых от злых и уметь защищаться от злых.

– А как их различить? – заинтересованно спросил старший внук.

– Нужно слушать, что они говорят, смотреть как они выглядят и понимать, что они делают. Но самое важное – видеть, к чему приводят их действия. Результат – это главное, потому что бывает, что добрый похож на злого, а злой маскируется под доброго, – объяснил старик.

Но девятилетний ребенок продолжал смотреть на него, видимо, не очень-то понимая, а потому ожидая продолжения.

– Вот пример, – вмешалась старуха. – Помнишь, у тебя болел зуб? У доктора в кабинете было страшновато: и сам он с черной бородой, и инструменты у него страшные, и больно было, когда он в рот полез. Но зуб он тебе вылечил. Ты же даже орехи грызешь. Значит, он сделал тебе добро. Это результат.

– Все, нам пора идти, а то опоздаем к началу, – сказала невестка и увела внуков.

Старики заняли свой наблюдательный пункт на балконе.

Сверху сквер и прилегающие к нему переулки хорошо просматривались. Парень в белой рубашке уже установил свои динамики и теперь проверял их звук. То и дело пространство оглашали короткие отрывки веселых пуримских песенок. По тропинкам сквера и соседним с ним переулкам текли тонкие ручейки ряженных, постепенно собираясь в огромную карнавальную толпу на школьном дворе у южной оконечности сквера. Подъехал полицейский мотоцикл и запарковался у ворот школы. Распорядитель музыки ответил на звонок мобильного телефона и включил свою технику.

«Хаг Пурім, хаг Пурім, хаг гадóль лайеудім. Масехóт, раашанім, змирóт, рикудім!»⁹ – разнеслось по скверу и соседним улицам.

И тогда полицейский мотоцикл, включив свою красно-синюю мигалку, медленно и как будто торжественно въехал в сквер. А за ним со двора школы потянулась пестрая толпа, выстраиваясь в организованное пуримское шествие.

Мотоцикл повел колонну по главной аллее, и перед стариками поплыли библейские персонажи в компании с чудищами, героями любимых детских сказок и неведомыми зверушками.

⁹ Хаг Пурім, хаг Пурім, хаг гадóль лайеудім. Масехóт, раашанім, змирóт, рикудім! (иврит) – Праздник Пурим, праздник Пурим – великий праздник для евреев. Маски, трещотки, песни, танцы!

– Смотри, вон наши. В середине колонны. Сейчас проходят между вторым и третьим динамиком, ближе к третьему, – указала старуха.

Шушана в диадеме и яркой восточной накидке, видимо, изображая царицу Эстер, вела за руку маленького сине-зеленого дракончика с фиолетовыми крыльями, пышной серебристой гривой и длинным зазубренным хвостом. Дракончик с интересом поглядывал вокруг, и, одной рукой держась за маму, второй тянулся к надувному шарик, который несла шедшая рядом с ним божья коровка с элегантными черными рожками. Вокруг них сновал старший внук-полицейский, то приближаясь, то отдаляясь, как будто кого-то искал.

Замыкала колонну группа охраны. Нет, не карнавальные персонажи, а вполне реальные люди с настоящими автоматами – полицейские в форме, солдаты-резервисты, районные активисты отряда самообороны. За автоматчиками следовал микроавтобус скорой помощи. На всякий случай.

– Вот тебе наглядная картина нашей ситуации в сфере безопасности, – заметил старик. – Даже детский карнавал у нас с вооруженной охраной.

Одна пуримская песенка сменяла другую. Колонна прошла главную аллею, обошла детскую площадку с качелями-каруселями и всевозможными «лазалками», затем спортивную площадку с тренажерами, достигла северной оконечности сквера и, описав большую дугу, повернула обратно в сторону школы, вскоре опять оказавшись под балконом стариков.

Невестка увлеченно рассматривала фотографии, которые показывала ей шедшая рядом кокетливо одетая кошечка, обладательница солидного роста и явно мужской фигуры. Чуть в стороне от невестки, уже не глядя на маму, уверенно шагал младший внук с надувным шариком, явно гордясь своей победой и самостоятельностью.

– Эта болтушка опять зацепилась языком. За ребенком не смотрит, – возмутилась старуха.

– Старший где? – встревожился старик.

– Не вижу его, – обеспокоенно подтвердила старуха и бросилась названивать невестке по мобильнику. Но та не отвечала. Похоже, не слышала за ревом динамиков – те работали на полную мощность, заглушая все вокруг.

Старики пробежали глазами проплывавшую под ними колонну вправо и влево насколько смогли, но внука не нашли. Неужели потерялся?!

– Звони в полицию, – сказал старик. Старуха кивнула, лихорадочно давя на кнопки.

Соединилось моментально.

– У нас внук пропал. Сейчас. На адлояде, – крикнула она в телефон, автоматически перейдя на иврит.

– Это пожарная служба. Звоните в полицию, – ответил женский голос и отключился.

– Не то нажала. Перезвоню, – бросила старуха старику.

Но не успела. Из полиции позвонили сами. Видимо, из пожарной службы им сообщили.

– Савта¹⁰, что у вас случилось? – спросила дежурная в телефоне.

И старуха, взяв себя в руки и поставив телефон на громкую связь, начала четко отвечать на вопросы: кто потерялся, как зовут, сколько лет, где и когда последний раз видели, во что был одет...

– Савта, жди на линии, – сказал телефон и замолчал.

Праздничное шествие продолжалось. Одна за другой звучали пуримские песенки. В воздухе плавали надувные шарики. Колонна текла в сторону школы. Старики, все еще надеясь, высматривали внука.

– Савта, ищем. Кто был с ребенком? Какой мобильный номер? Знакомые в колонне есть? – спросил телефон и велел оставаться на линии.

Старики молча ждали. Казалось, время остановилось. Наконец телефон ожил:

– Савта, аколь беседер. Аль тидъаги¹¹. Нашли. Наш сотрудник взял его под наблюдение. Поставил в конец колонны.

– Барух аШем¹², – сказала старуха и закрыла телефон, вглядываясь в замыкающих колонну.

И действительно, через какое-то время они увидели своего внука. Он шел последним из костюмированных персонажей, прямо перед охранниками. С самым серьезным видом, внимательно следя за впереди идущими, он держал свой автомат не за спиной в походном варианте, а в боевом – впереди себя, обе руки на прикладе, готовый при необходимости защитить и защититься.

¹⁰ Савта (иврит) – бабушка.

¹¹ Савта, аколь беседер. Аль тидъаги (иврит). – Бабушка, все в порядке. Не волнуйся.

¹² Барух аШем (иврит) – Благословен Всевышний.

Колонна поравнялась с забором школы и постепенно втянулась через ворота в школьный двор. Динамики смолкли. Адлюяда закончилась.

– Хаг пурим sameax¹³, – улыбнулся старик старухе.

– Хвала Всевышнему, что мы тогда в Шушане смогли организовать царский приказ о праве евреев на самооборону. Это и подняло тогда народ – сознание права, обязанности и возможности защищаться. В результате спаслись, хотя ни своей армии, ни полиции у нас не было. Знаешь, меня всегда удивляло, что так быстро удалось всех оповестить. Все сто двадцать семь областей Персидской империи. От Оду до Куша. Заметь, без всяких телеграфов, радио и мобильных телефонов справились, – сказала старуха.

– Мы с тобой? В Шушане? В 356 году до н.э.? Почти две с половиной тысячи лет назад? – удивился старик.

– Оговорка по Фрейду, – рассмеялась старуха. – Просто я думала о двух Пуримах: о том и об этом. Тогда мы были малым и бесправным народом в огромной Персидской империи, а сейчас живем на своей земле в своем независимом государстве Израиль, и в нашей семье сошлись три отметины тех давних событий: Эстер, Мордехай и Шушана.

– Да, тогда успели и сумели. Я за сейчас боюсь, – проговорил старик.

Старуха удивленно посмотрела на него.

– История имеет свойство повторяться. В другие времена и в других декорациях, но со сходными идеями. Сегодня наша проблема в том, что те, кто отвечает за безопасность страны и ее граждан, те, кто наделен правом и обязанностью принимать силовые решения, все хуже и хуже отличают добрых драконов от злых. А если и отличают, то не препятствуют злу. А так защитить страну не получится. И началось это не вчера. Мне кажется, что мы катимся в эту пропасть уже лет тридцать. Причем с устрашающим ускорением. Лучше бы мне ошибиться, – горько проговорил старик.

Старуха хотела ему ответить, но в этот момент вернулась невестка с внуками.

– Саба¹⁴, я проверил. Все драконы были добрые. И те, что с автоматами, тоже. Они даже поставили меня рядом с собой. Я тоже охранял адлюяду, – прокричал с порога старший.

¹³ Хаг пурим sameax (иврит) – Веселого праздника Пурим.

¹⁴ Саба (иврит) – дедушка.

– Вот тебе внуки, а мы с Шушаной на кухню. Приедет сын, и сядем за стол, – распорядилась старуха.

– Он звонил: уже в дороге, – сообщила невестка.

– Вот и замечательно. Как раз успеем. Собери посуду и порежь хлеб. Бокалы сполосни, – скомандовала старуха. – Люблю пуримское застолье.

– Да, и приятная заповедь, и семейный праздник, – вежливо согласилась невестка.

Старик обнял внуков и крепко прижал к себе.

До Фестиваля 7 октября 2023 года оставалось еще семь месяцев.

ГЕЛЕНА СТЕПУРА¹⁵

Рассказы

Искусство валяться¹⁶

Реалии наших дней. Если вас застал ракетный обстрел, а вы за рулем, то, следуя указаниям службы тыла, надо выйти из машины, отойти подальше, лечь на Святую землю и переждать десять минут. Ужас какой! – ахнут люди не знакомые с нашим менталитетом. Ну да. Ужас. Но не ужас-ужас! Тут всё дело где повалиться. И кто повалился рядом. Иногда такие типажи встречаешь, хоть портрет пиши.

Еду домой на машине – поезда есть, но их мало. Звучит сирена. Съезжаю на обочину, выхожу, вытягиваюсь на асфальте. Спокойная как слон. Панические атаки у меня в основном в мирное время. Рядом укладывается дедок лет восьмидесяти. Пузатый, с одышкой, щечки в сиреневой сеточке капилляров. При галстукке. Лежим, отдыхаем, наслаждаемся видом. И тут у него звонит мобильник. Жена. Она явно очень напугана, её крики перешибают и сирены, и звуки взрывов сбитых ракет. Он, видите ли, сам, без нее пошел к врачу, а теперь он неизвестно где, и ему наверняка плохо, и где теперь его искать! Он пытается объяснить, что с ним всё в порядке, но она не слышит. Ее замкнуло. Через минуту уговоров и попыток ответить он срывается и кричит:

– Что ты от меня хочешь? Почему ты решила, что мне плохо?! Мне ХОРОШО!!! Я впервые за много лет лежу рядом с молодой, красивой девушкой, что может быть лучше?!

Мобильник испуганно хрюкает и умолкает. Дедок победоносно смотрит на близлежащих. Ему аплодируют.

Еду на важную встречу. Вся из себя серьезная, в светлом костюме, на каблуках. А тут сирена. Видать, не знали убогие, что я сегодня такая нарядная. Но делать нечего. Выхожу из машины, прощаюсь с новым жакетом и белой блузкой и ищу, где бы упасть с наименьшим ущербом

¹⁵ Гелена Степура под псевдонимом Хелен Стэп уже печаталась в нашем журнале – в №2 (ЛАНРУЖ №2) и в №7.

¹⁶ Этот рассказ целиком или цитатами широко разошелся по интернету. И был размещен также на сайте «Хроники Иерусалима» Аси Энтовой.

гардеробу. И тут из соседней машины выходит манерная тель-авивская мадам, вся одетая в брендовую красоту. Брезгливо осматривает грязный асфальт, вытаскивает из машины коврик для йоги, раскладывает и собирается лечь. Замечает меня, сканирует с головы до ног и молча достает из машины второй коврик и протягивает мне. Лежим рядом. Она достает мобильник, звонит кому-то и сообщает, что её сеанс массажа придется подвинуть на пятнадцать минут. Потом отодвигает индивидуальную тренировку на те же пятнадцать минут. Потом парикмахера. Потом звонит подруге и переносит встречу на вечер. Я смотрю на неё, как на пришельца из другого мира. Она досадливо вздыхает:

– Когда уже наступит нормальная жизнь и можно будет расслабиться? Коврик она оставила мне.

Выезжаю с завода. Через 500 метров на светофоре начинает завывать очередной позывной. Глушу двигатель, выхожу, закрываю машину – район из тех, где на каждого второго жителя заведена папка, либо в полиции, либо в соцслужбе. Но делать нечего. Присматриваю тротуар почище. Тут меня хватают за локоть, и кто-то орет в ухо:

– Ты с ума сошла?! Бегом в дом!

Рядом со мной двухметровый бритоголовый бугай, в майке и трусах, с золотой цепью не хуже той, что на дубе в Лукоморье. Встретив его в другой ситуации, я бы уже бежала, громко зовя на помощь. Он заталкивает меня в ворота частного дома и буквально тащит в подвальный этаж. Там защищенная комната. А там уже в сборе всё семейство этого Дона Карлеоне. Все молча смотрят на меня. Я понимаю, что меня сейчас в лучшем случае ограбят. Жалко улыбаюсь и почему-то пишу:

– Шалом.

В ответ никто не улыбается. Мать семейства – грандиозная дама, тоже вся в золотых побрякушках и легкомысленном сарафанчике в мелких цветочках, грозно сдвинув брови, спрашивает:

– Кушать будешь? Я приготовила кускус с котлетками.

Ты-ж моя хорошая! Разумеется, меня не отпустили, пока я не попробовала шедевр. На прощание опять без тени улыбки:

– Если ты здесь в районе и вдруг сирена, то сразу к нам.

Небольшая станция поездов. Защищенное пространство рассчитано человек на двадцать. Но на станции людей значительно больше. Два последних поезда не пришли. И толпа ждет третий, спасительный,

который уже точно придет. И опять стреляют. Самые шустрые уже заняли безопасную позицию. Остальные нервничают. Среди прочих, девичья сборная по баскетболу. Высокие, здоровые, красивые. И очень напуганные. Две уже рыдают. К ним подходит маленькая религиозная тетка в парике. У тетки при себе трое детей, и сама она на последних месяцах беременности. Неожиданно тетка рывкает с интонацией прапорщика:

– А ну легли все! быстро! под скамейки!

Малолетние дылды смолкают и послушно лезут под скамейки. Туда же тетка складывает детей. Сама ложится рядом. Открывает сумку и раздает баскетболисткам мармеладки – по её словам, это лучшее лекарство от страха. Я теперь всегда с собой таскаю мармеладки.

Я собственно вот о чем – если уж вы лежите на обочине, осмотритесь. Кто там рядом. Может, что-то новое для себя откроете о людях в этой стране.

Мишка

Бывает так, что какая-то абсолютно обыденная деталь, на которую обычно и не обращаешь внимания, неожиданно ловится краем глаза и вдруг резко врывается в сознание, создавая целую цепь ассоциаций. И долго потом ещё варишь это внутри себя и не можешь забыть.

Так случилось сегодня. Да, собственно, ничего особого и не случилось. Просто, когда я отвозила дочку в театральную студию, я увидела медведя. Точнее, я увидела игрушечного медведя, которого выбросили на мусорку. Но, видимо, пожалели и не запихнули в бак, не положили на землю рядом, а посадили сверху на крышку, откуда он был хорошо виден. Казалось бы, ничего особенного. Выбросили ненужную игрушку – а вдруг кто-то подберет. Почему же меня это так зацепило? Настолько, что, засмотревшись, я чуть не стукнула машину впереди меня.

Он был очень красивый, этот мишка. Чистый, не порванный, он глядел на улицу своими пластиковыми глазами с удивительно человеческим выражением. Улыбался, немного стесняясь. Сидел, как-то растерянно расставив лапы, как будто был готов обнять каждого. Он очень сильно выделялся своим солнечным желтым мехом на фоне грязно-зеленых баков и серой стены старого дома. Кто и за что его выбросил? Как можно было выбросить этот концентрат детского счастья?

Наверное, дело было именно в этом. Это не был китайский мишка с сердечками, которого дарят на день любви. Это не был мишка в голубых

штанишках или в розовой юбочке, которого дарят на рождение младенца. Это не был сувенирный мишка, которого привозят из поездок, скажем, в Лондон. Нет, это была именно детская игрушка. Таких выкидывают обычно, когда они приходят в полную негодность. Затисканные, залюбленные, с несмывающимися пятнами от каши, шоколада и фломастера, с треснувшими и перешитыми несколько раз швами. А этот был абсолютно целый и чистый. И почему-то уже не нужный. Почему?!

Мне стало не по себе. Как-то сразу вспомнилось Хемингуэйское «Продаются детские ботиночки, неношеные». Да... неношеные ботиночки, ненужные новые игрушки... Такие игрушки сейчас сидят вокруг столов по всей стране и ждут своих детей. С именной табличкой.

Неожиданно меня тронули за плечо. Моя дочь, невыносимый, любимый подросток. Сейчас она как раз в том возрасте, когда из всех сил хочется показать, что детство кончилось, адекватность взрослых подвергается серьезному сомнению и единственные нормальные думающие люди это она и её друзья. И основное кредо – «мне пофиг». Любая попытка умиливать или растрогать вызывает пожимание плечами и плохо скрываемую улыбку. В машине, как, впрочем, и везде, она ездит с наушниками, тихо подпевая. Отключается, в основном, когда ей что-то надо.

И тут она трогает меня за плечо. И, повернувшись, я вижу, что она смотрит туда же, куда смотрела я. У неё совершенно по-детски распахнуты глаза. Она плачет по-детски, мультяшными большими слезами. Тыкается мне в плечо и, указывая на него, она тихо спрашивает:

– Почему?

И поверьте, что за этот миг можно отдать многое.

Остановиться рядом было негде, и мы решили, что на обратном пути я его подберу. Приехав туда через семь минут, я обнаружила, что медведь исчез. Правда исчезли и мусорные баки. Мне хочется верить, что эти события не связаны между собой.

Мне хочется верить в Ханукальное чудо, где нет выброшенных новых игрушек. Где мишки сидят перемазанные вареньем ханукальных пончиков, которые им скармливают.

Мужской разговор

Этот разговор я недавно услышала в машине по дороге на деловую встречу, куда мы ехали вдвоем. Мы – это Альберт, месье Анри и я.

С месье Анри (имя условное) я знакома лет десять, но тесно сотрудничать мы начали совсем недавно. Вообще-то он не совсем

француз, он еврей из Франции, эмигрировавший в Израиль лет тридцать назад, когда Париж еще был европейским городом, а не облагороженной версией Бейрута. Эмигрировал по идейным сионистским соображениям. Месье Анри деликатен, интеллигентен и обходителен, как настоящий француз. При этом обладает деловой хваткой ротвейлера и не знает компромиссов в отстаивании своих идей и достижении целей как настоящий израильтянин. Он с отличием окончил один из лучших политехнических вузов в Европе. А еще он раввин. Не из реформаторов, а из ортодоксов. С полным соблюдением всего что полагается. При этом двое его сыновей служат в армии в боевых частях. Месье Анри свято верит, что единственно возможный компромисс с врагом – это его полное уничтожение. Евреи должны соблюдать заповеди и учить тору в ешивах, убежден месье Анри, продолжая вкалывать на оборонном предприятии по пятнадцать часов в сутки.

Его друг и напарник Альберт (имя также условное) в младенческом возрасте вывезен из Румынии в Палестину по поддельным документам. Он вырос и выучился в Израиле, прошел все войны. В свободное от войн время профессионально занимался боксом. Окончил лучший политех в Израиле. Вот уже почти полвека он работает в одной и той же оборонной компании, последние десять лет, будучи пенсионером, работает в качестве консультанта. Он абсолютно не деликатен, сходу высказывает всё что думает об умственных возможностях оппонента, вытерпеть его дольше пяти минут дано не всем. Альберт убежденный атеист, ибо, по его же словам, никакой бог не мог допустить того, что происходит последние сто лет. А значит, бога нет и людские поступки бесконтрольны и неподотчетны никакому высшему суду. Альберт убежден, что все беды пришли от религиозных фанатиков. Альберт свято верит, что образование населения и экономическое благосостояние есть единственный путь прекращения любого межнационального конфликта. А если верное средство не сработало, то врага нужно уничтожить. Евреи должны работать и быть первыми в любой отрасли, считает Альберт, а не просиживать штаны в ешивах, читая затертые древние сказки о взаимоотношениях бога и избранного народа.

Эти двое дружат уже больше тридцати лет, ежедневно и неустанно высказывая друг другу претензии по поводу тех или иных разногласий. Так получилось и на этот раз. Месье Анри вел машину, я сидела рядом, а на заднем сидении расположился Альберт. Склоку начал, как всегда, он:

– Послушай, ребе... – обратился он к месье Анри – ты знаешь, как я тебя уважаю. Ты инженер, каких мало. И все твои последние наработки...

цены им нет. Скольким нашим солдатикам ты сохранил жизни, мы, наверное, и не узнаем. Но ты же, рабейну, непословителен. Ты же, сука, мракобес. Как человек с твоим образованием мог отправить своих детей учиться в ешиву?

– Ну, во-первых, ничего плохого в том, что мои дети учили тору и традиции, я не вижу. А математике и физике я их научил сам и поверь мне, лучше, чем в ваших хваленных школах.

– Бедные дети, – не унимался Альберт, – страшно подумать, сколько мусора вложили им в голову. Даже удивительно, что они выросли нормальными людьми. Кстати, как ты пережил тот день, когда они сообщили тебе, что решили призваться? Надеюсь, ты не сидел по ним шиву, как по умершим? У вас ведь и такое бывает.

– Чтоб у тебя язык отсох, – ровным приветливым тоном ответил месье Анри – Мои дети – это моя жизнь. И их решение – это решение взрослых мужчин. Я так им и сказал еще на их бар мицве. Тора учит, что мальчик в тринадцать лет становится мужчиной и берет на себя ответственность за свою жизнь и свои решения. Они так и поступили. И мне это может нравиться или не нравиться, но только причем здесь шива? Идиоты, поступающие так со своими детьми, берут на себя грех, равносильный убийству.

– Эти идиоты носят кипу или шляпу! – закричал Альберт. – Считают, что кровь наших детей дешевле ихней, кормятся с наших налогов и отрицают законность нашего государства. Понимаешь, ребе? И всё это творится с позволения вашего Всевышнего, которого вы себе выдумали.

– Успокойся, Альберт. Сволочей, прихлебателей и бездельников хватает и с кипой, и без неё. Также как и порядочных людей. И да, все они существуют с позволения нашего с тобой Всевышнего, благословенно имя его.

В этот момент зазвонил телефон. Звонил младший сын. Тон месье Анри резко переменялся с примирительного на вежливо металлический.

– Шалом, сыночек. Как ты себя чувствуешь?

– Шалом папа. Я в порядке.

– Ну и хорошо. Вы вчера хорошо погуляли?

– Нормально... а что?

– Да так, просто интересно. Во сколько ты вернулся?

– Не помню. В час или в полвторого.

– Было весело? Вы пили?

– Что ты, пап... я выпил две рюмки. И в полвторого пришел домой и лег спать.

– Хорошо, сыночек. А перед мамой ты извинился?

– За что?

Месье Анри перешел на крик:

– За то, что кто-то (наверное, не ты), заявился пьяный в пять утра домой, где его ждали не сомкнувшие глаз родители, и заблевал прихожую, коридор и кухню. И уснул. А мы с мамой остались убирать этот натюрморт. Нет, ты мне скажи, что ты за выродок? Разве этому тебя учили в моем доме?

– Я не знал... я больше не буду.

Далее следовала воспитательная тирада, передавать которую дословно не имеет смысла. Все, у кого есть взрослые дети рано или поздно её произносят. Текст слегка меняется, но смысл тот же. Растили тебя, кровиночку, ночей не спали, ни в чем не отказывали, надеялись, что вырастет человек. А вырос неблагодарный поросенок, не уважающий родителей. Месье Анри говорил эмоционально, громко, абсолютно на него непохоже. На заднем сидении давился от смеха Альберт. Я не знала, куда деваться.

– Ты всё понял, сын? – месье Анри решил закончить публичную экзекуцию.

– Да папа, я всё понял. Я чего звонил... у нас через двадцать минут заберут мобильники. Мы заходим внутрь.

Это было сказано как-то обыденно, просто. И немного растерянно. Внутри это значит в Газу. В ад. Это значит, что долгие дни и недели месье Анри с женой не будут спать. Они будут ждать, надеяться и молиться. Чтобы вернулся. Живой. Целый. И они бы всё на свете отдали за то, чтобы вместо этого он шлялся где-нибудь в клубах Тель-Авива и возвращался под утро.

Месье Анри задохнулся и ударил по тормозам. Помолчав несколько секунд, он сказал просевшим задохнувшимся голосом:

– Сыночка мой, жизнь моя. Пусть Всевышний защитит тебя. Мы так гордимся тобой. И я, и мама. Ты береги себя и возвращайся скорее. Мы так тебя любим.

– Я тоже вас люблю, папа. Поцелуй маму за меня.

Звонок прервался. В машине было ужасающе тихо. Месье Анри смотрел на дорогу, и губы его шевелились. Он молился тому, в кого верил безоговорочно, чья сила безгранична. Молился за своего сына, который сделал свой выбор взрослого мужчины.

Больше всего на свете в этот момент я боялась, что Альберт попытается высказаться. Однако, обернувшись назад, я увидела...

Альберт смотрел в окно и плакал. Губы его шевелились, так же как у месье Анри. Он молился. Молился тому, в кого не верил со времен, когда его семью истребили в концлагере. Молился за мальчика, который вырос у него на глазах.

Через десять минут мы прибыли. Из машины эти двое вышли собранными, готовыми к встрече, обсуждая короткими фразами последние детали. Благослови, Господь, их седые головы.

Венгерский эпизод

История эта, как любая хорошая байка, содержит определенную долю абсурда. Ну ведь без этого неинтересно. Мне этот эпизод очень дорог. Во-первых, потому, что для всех нас, кто там находился, это было время абсолютного счастья. Экономически мы были независимы, а главное, мы были молодыми родителями, отпущенными на свободу нашими бабушками и дедушками. Так что сошлось всё.

Но дело не только в этом. Сегодня, после года войны на выживание, даже самые наивные и демократичные из нас убедились, что антисемитизм – это явление экзистенциальное, не связанное ни с экономическим благополучием, ни с образованием, ни с положением в обществе, ни даже, как ни странно, с происхождением. Вспомнить хотя бы слушание в американском конгрессе ректоров университета Пенсильвании, Гарвардского университета и Массачусетского технологического института. На глазах всего мира главы лучших университетов мира, улыбаясь, оправдывали подлость, расизм и мракобесие. От себя добавлю – очень надеюсь, что это позорное слушание войдет в мировую историю наряду, скажем, с судом Дрейфуса. Тем более мне дорого воспоминание о встрече с человеком, которому было важно продемонстрировать нам свою симпатию и уважение к нашей стране. И кстати – это был последний серьезный абзац в данной истории.

Шел декабрь 2015-го года. Все в нашей компании уже родили как минимум по одному ребенку, обзавелись своими домами, тяжело и успешно строили карьеру. И очень хотелось наконец повеселиться и расслабиться. Надвигался Новый год. И вот на очередных посиделках Женя кинул клич – а поехали встречать новый год в Будапешт! Подумали... и поехали. Четыре пары. Соня с Женей, Артем с Олесей, Гор с Анной, и мы с Сережей. Для тех, кто незнаком с нами – мы дружим семьями еще с института. Соседи по общежитию, однокашники с одного факультета. И это был наш первый выезд за рубеж большой компанией.

До этого момента массовый отдых осуществлялся в основном в палатках, что безусловно имело свои преимущества малобюджетного отпуска. А тут Будапешт! Новый Год! Без детей!

Разумеется, как только мы забронировали билеты и гостиницу, начался упоительный процесс планирования поездки. Каждый желал получить от отпуска всё. Каждый умел изнасиловать Гугл запросами «где гулять в Будапеште», «лучшие СПА в Будапеште», «лучший Новый Год в Будапеште» и так далее. По выходным мы встречались, выпивали и вносили в программу отпуска изменения, по которым был достигнут консенсус.

Наконец программа была готова. Если оставить в стороне обычный набор туристических радостей типа осмотра достопримечательностей и рождественских рынков, оставались два пункта, будоражащих воображение:

Первый – дискотека под открытым небом в термальных источниках 30-го декабря. Есть, оказывается, такая традиция – провожать старый год грандиозной попойкой в знаменитых Будапештских термах, плескаясь в горячих источниках на морозе под зажигательную музыку. Сомнения терзали смелых туристов. Что-то нам подсказывало, что мы не принадлежим к касте счастливых умельцев гонять голышом по морозу и что нам, жителям теплого средиземноморья, чужды резкие перепады температур. А значит, не факт, что после такого прощания со старым годом, все смогут встретить новый. Немного посоветовавшись, мы пришли к выводу, что голубоватые тела в бикини на фоне снега – это, конечно прекрасно, но во избежание ненужных жертв оденем термические футболки, наплевав на эстетику.

Второй пункт (для переживших первый), был новогодний бал в гостинице Астория. Перебрав полтора десятка ресторанов и клубов, мы пришли к выводу что есть два варианта праздника. Рестораны предлагали в своей новогодней программе, в основном плотно покушать и послушать любимые песни силами местной певицы с пианистом. Клубы еды не давали и агитировали за неограниченный алкоголь и вечеринки в стиле транс. Ни то, ни другое нас не устраивало. Хотелось чего-то особенного. И чтобы в этом особенном – вкусно кормили, неограниченно поили и весело плясали. Особенным местом оказалась гостиница с более чем столетней историей. Гостям рекламировали настоящий бал в роскошном и пафосном интерьере, с блюдами шефской кухни, концертной программой силами звезд оперетты и оркестром ста цыган (ей-богу, так и написали – оркестр ста цыган). После полуночи обещали веселую

дискотеку, бар и шведский стол (видимо, из того, что не доели в начале вечера). Что тут говорить – конечно, мы заказали билеты. Против ста цыган мы были бессильны.

И вот наступил декабрь. Последние дни перед вылетом наш общий чат под названием «Мы едем в Будапешт!» кипел и дымился. Основная животрепещущая тема была багаж. В том году в Израиле вошла в силу реформа авиаперевозок, и туристический рынок затопили полеты лоукост, предлагающие билеты за рубеж по ценам проезда на автобусе в Эйлат. Нюанс заключался в том, что за любую добавку сверх базового пакета, шла дополнительная плата вполне сопоставимая с ценой билета. Базовый инстинкт жадности не позволял нам переплачивать. Мы не фраера! А значит каждый должен был уложиться в отведенные ему билетом восемь килограммов.

– Товарищи, – волновался Артем. – В чемоданчик на восемь килограммов влезает исключительно Олеськина косметика и мои носки. Что делать?

– Остальное надевай на себя, – советовали бывалые любители лоукоста.

– Забери свои носки из моего чемодана, – советовала Олеся.

– Что ты собрался везти? – возмущалась я. – Всё, что требуется, это три пары белья, две пары штанов, два свитера и галстук. Ну и термокофта для бассейна. Как можно не уложиться в восемь кг?

– Геля, при такой компоновке тебе вообще чемодан не нужен, – не оставался в долгу Артем. – Можно я тогда к тебе часть вещей засуну? В твой пустой чемодан.

– Нельзя, – хохотал Сережа. – У неё в чемодане восемь килограммов лекарств. Как будто мы едем не гулять, а лечиться. Вот когда её на таможне оштрафуют за контрабанду, чемоданчик освободится.

– Для экономии багажа могу, как свинка из «Ну погоди!», нацепить на себя все бюстгальтеры разом, – предлагала свой вклад в общее дело Соня.

– Короче, делаем так, – витийствовал Артем. – Косметику распахать по карманам. Лекарства везти без упаковок. А если с чемодана демонтировать складную ручку, то можно целых полкило выиграть.

– А стриптиз будет? – неожиданно встревал Гор, сбивая всех.

– Какие брюки брать? – интересовался мнением общественности Сережа, выставляя фото двух свежкупленных обновок.

– Темные элегантнее, светлые легкомысленней, – советовала Соня.

– Он будет пьян и весел, – говорил Артем. – Бери, Серега, светлые.

– А массаж будет? – не унимался Гор.

В итоге, конечно, все упаковались, договорились и наступил день вылета. Веселая толкотня в аэропорту, обязательный шоппинг в Дьюти Фри, сдавленный крик Артема:

– Олеся, блин! Ну как так-то? Мы ещё не вылетели, а ты нас уже на две тысячи наказала! И мне при этом ничего не купили!

И наконец полет!

Будапешт встретил нас по-зимнему. Температура была чуть ниже нуля, но пронизывающий до костей ветер с мокрым снегом ощущался как лютый мороз. Но главное – было, было так давно забытое ощущение Нового года! Ярмарки, гирлянды, разукрашенные магазины, горячее вино со специями, замерзшие щеки, улыбающиеся люди с подарочными пакетами. И елки. Много разных новогодних елок. И бесконтрольное чувство радости. Мы сидели за большим столом в центре рождественского базара и впитывали в себя эту атмосферу. Неожиданно Сонька ткнулась мне в плечо и прошептала

– Гелька! Мы такие счастливые!

Тридцатого декабря мы начали ещё одним чудесным забытым удовольствием из детства – походом в цирк. Как оказалось, ощущение чуда от творящегося на манеже, в тридцать пять лет не менее сильное, чем в восемь. А вечером нас ждала мокрая вечеринка. Гор и Анна отказались идти. Они, бедняги, с начала отпуска мерзли больше остальных. Анна по причине отсутствия жировой прослойки, а Гор, будучи восточным брутальным мужчиной, постеснялся надеть под брюки согревающие кальсоны, о чем сильно пожалел. После трех часов прогулки он уже не стесняясь заходил во все торговые точки и громко интересовался, где тут продают мужские колготы с начесом. В конце концов армянский термо-баланс был восстановлен, но перспектива раздеться на морозе, по-прежнему вызывала ужас. Так что, пожелав нам остаться в живых, они отправились на вожденный массаж. Или стриптиз. Или массаж со стриптизом. Не суть.

А остальные члены экспедиции, захватив купальники, термокофточки и парацетамол, пошли в Термы. Выстояв получасовую очередь и не чувствуя пальцев ног, мы получили пропуск. Роскошное дворцовое здание Терм (мрамор, позолота, голые сатиры и нимфы, игриво рассматривающие посетителей) сияло разноцветными бликами. Гремела музыка, разноцветный пар клубился над водой бассейна. По кругу стояли барные стойки, где наливали морозоустойчивым смельчакам, которые могли выстоять очередь в плавках и сделать заказ.

Получив ключи от кабинок-раздевалок, мы отправились раздеваться. Одна кабинка метр на метр выдавалась на троих. Чтобы никто не ждал в купальнике на холоде, девочки зашли втроем. Упустим подробности. Скажу лишь, что никогда раньше мы так близко не общались.

На выходе из раздевалки мы неожиданно вызвали интерес и восторг окружающих. И было отчего. По территории бассейна ходили синеватого оттенка люди в бикини всех мастей. И тут появились мы. Красивые, розовые, упечатанные в одинаковые кофточки аквалангистов-любителей. Как в кино – красиво шла группа в полосатых купальниках.

А дальше было веселье и разгул. Голова ощущала минус семь, тело плюс тридцать восемь, а печень плюс сорок. Танцы, хохот, непонимание почему пьяное тело в отличие от трезвого отказывается плавать. Как оказалось, термокофта хорошо изолирует холод только будучи сухой и исключительно в тех частях тела, которые она скрывает. Так что когда Артем заходил по второму разу в бассейн с новой порцией алкоголя, Сергей, глядя на его трясущиеся ноги, облепленные мокрыми плавками задумчиво пропел:

– Ты слышишь день, день, день, колокольчики звенят...

В общем, отпуск без детей безусловно имеет свои прелести. Главное, чтобы дети раньше времени об этом не узнали. А узнав, наконец поняли, что их родители не всегда занудные и серьезные дяди и тети.

Как оказалось, подобный вид отдыха крайне энергозатратен. По выходе из Терм всем хотелось одного – Жрать! В три часа ночи, опустошив запасы маленького филиала Макдональдса – единственного открытого заведения по дороге, исчерпав свои физические ресурсы и засыпая на ходу, мы вернулись в гостиницу. Назавтра нас ждал бал. Значит, надо было как минимум проснуться. Желательно здоровыми.

К завтраку все были бодры и веселы. Очевидно, организм включил какой-то особенный режим борьбы. Погуляв полдня по городу, оценив шпили Рыбацкой крепости и десерты в легендарном кафе Жербо, мы начали собираться на бал.

Ровно в девять вечера три кареты типа Юндай Акцент притормозили у сияющей огнями Астории, и выпустили нас – красивых, нарядных и пафосных, готовых за свои двести евро на человека, взять от этого праздника жизни всё. Праздничный зал торжеств и вправду был очень красив. Много хрусталя, мрамора, зеркал и красного бархата. Надменно и неторопливо двигались официанты. Количество вилок и ножей на одну персону приводило в ужас. На столе стояла бутылка вина и булочки. Подразумевалось, что остальное будут подавать в процессе. Однако

прошел час, а еду не несли. Булочки были давно съедены, местная опереточная дива уже всюю разошлась, исполняя все известные арии. А еды всё еще не было. Гор, как опытный ресторатор попробовал решить ситуацию самым банальным способом. Подозвав официанта, он ласково положил ему в ладонь купюру, намекая что пора мол, пора. Официант заулыбался, закивал головой проявляя понимание... и исчез. То-есть насовсем. И больше мы его не видели. Зато другие официанты стали проявлять интерес к нашему столику. Через еще полчаса нам раздали крохотные плошки с крабовым супом. Суп был очень горячим и, наверное, вкусным. Оценить мы не успели. На второй ложке раздался оглушительный БЗДЫМ. Люди роняли ложки в кипящий суп и взвизгивали, обжигаясь брызгами. А на сцену тем временем выходил хор Ста Цыган. Это было сильное зрелище, заставившее забыть о еде. Я бы назвала их хором Дона Корлеоне. У них был вид наемных убийц, не раз покалеченных в мафиозных стычках. У кого-то был шрам на пол-лица, у кого-то не хватало пальцев. Они били в бубны и дули во флейты. Глава клана, простите, оркестра, был необъятных размеров лысый толстяк, которого усадили за некое подобие огромного ксилофона, по которому он изредка вяло проводил палочкой. После каждого номера толстяк внимательно проходил взглядом по публике. Гости хлопали, опасаясь за свою сохранность. Наконец они устали и разошлись. Часы пробили с Новым Годом и гостям сообщили, что официальная часть подошла к концу, просим последовать в танцевальный зал. А там нас ждали столы, ломящиеся от деликатесов, три развеселых бармена жонглировали разноцветными бутылками, и зажигательная, пусть и не живая, музыка звала танцевать. Гости, позабыв про пафос и хорошие манеры поскидывали пиджаки и каблуки, ели руками и пускались в пляс.

Сначала всех радовали вечными и всеми любимыми хитами семидесятых. И вдруг посреди очередной затертой композиции грянуло: Тель-Авив я хабиби Тель-Авив!

Повернувшись, я увидела возле ди-джея страшно довольного Артема, призывавшего публику зажигать и подпевать. И знаете – через минуту весь зал подпевал!

– Тёма, ты с ума сошел? – поинтересовался осторожный Сережа.

На что Артем воинственно и весело выдал:

– А че? Смотри, как отжигают. Антисемиты. Пусть приобщаются к культуре.

А через пару часов веселья венгры предложили нам поучаствовать в их народном танце. Суть танца заключалась в следующем: надо было

бегать по кругу, периодически падая на колени и биться головой об пол. Что и было исполнено к общему восторгу.

В момент очередной передышки передо мной появилась Олеся. Загадочная и восторженная.

– Собери всех! Я вам сейчас такое покажу! Вы просто ох... сильно удивитесь.

Для начала я попросила у бармена сделать мне такой же коктейль как у Олесе. Вдруг я тоже стану загадочной и восторженной. Оказалось, ничего особенного – клубничный дайкири. Без галлюциногенов. Значит, Олеся на самом деле нашла очередное приключение на нашу общую голову. А Олеся, убедившись, что от меня толку не будет, стала собирать всех сама, вытаскивая упирающихся танцоров из венгерского языческого танца.

Собрав наконец всю компанию, Олеся вытащила нас в фойе. И помахала рукой портье. Тот, оглянувшись по сторонам, быстро подошел к нам и спросил:

— Это все?

– Ага, – выдохнула Олеся.

– Хорошо, – сказал он и жестом пригласил идти за ним. Он шел по ступенькам куда-то вниз, где практически не было слышно звуков вечеринки. А мы, спускаясь, трезвели прямо на глазах. Первым не выдержал Артем.

– Молодец Олеся. Сейчас нас всех ограбят и убьют. И никто ничего не узнает. А я, может, только жить начал.

Олеся поцеловала его и ласково успокоила:

– Темочка, заткнись, пожалуйста. Говорю, вы удивитесь и вам понравится.

Мы уперлись в дверь крохотной подсобки, где наш проводник, видимо, отдыхал на ночных дежурствах. Кровать, шкафчик и стул, вот и весь интерьер. Девять взрослых людей с трудом втиснулись в крохотную комнатку. Портье закрыл дверь. Затем торжественно сообщил, что его зовут Петр. После чего полез под кровать и извлек оттуда завернутый в тряпки футляр. В футляре лежала красивая, инкрустированная перламутром скрипка. Петр бережно вытащил её, прижал к плечу, закрыл глаза и заиграл. И мы онемели.

Он играл песню, известную любому израильскому ребенку, – «Золотой Иерусалим». Играл с таким упоением и нежностью, как будто пел колыбельную ребенку.

Как оказалось, он венгр, не имеющий никакого отношения к евреям. Всю жизнь мечтал быть скрипачом. И по совету своего учителя поступил учиться в Иерусалимскую Музыкальную Академию. Отучился. И вернувшись домой, понял, что скрипач, увы, не сильно хлебная профессия, даже в таком музыкальном городе, как Будапешт. Теперь вот работает здесь. Да, всё у него хорошо. Зарплата, еда, униформа, комнатка эта – всем обеспечен. Вот только иногда ночью, когда все спят, и он один – он достаёт скрипку и играет. И вспоминает Иерусалим.

– Какая у вас страна, ребята, – негромко говорит он. – Какие у вас люди. Нигде такого нет. Какие же вы счастливые. Я вас, когда там в зале увидел, я понял, что просто должен вам сыграть.

Самый счастливый отпуск и празднование нового 2016-го года заканчивалось сюрреалистично: в крохотной подвальной комнатке стояли навтыжку восемь израильтян. А неудачливый скрипач-портье, закрыв глаза, играл на скрипке А-Тикву. С Новым Годом!

Молитва

Я иду по-нашему «гуляльному» центру. По нашему Пиано. Вокруг люди. Много людей. Сидят, пьют кофе, едят мороженое. Так же беззаботно, как в любой другой выходной вечер перед рабочей неделей. Почти так же. Ощущение, что картинка из цветной стала черно-белой. Нет ощущения курортной расслабленности. Глаза у людей страшные. Дикие глаза. Напряжение в воздухе такое, что с трудом можно дышать. Дети катаются на самокатах, наматывая круги вокруг столика родителей, не пытаются убежать. Молодая пара сидит на скамейке. Она – на последних месяцах беременности, он – в шортах, шлепанцах и с автоматом. Казалось бы, обычная картина для наших мест. Только автомат не свисает свободно с плеча, как обычно, а придерживается ладонью. И жену он обнимает чуть крепче, чем обычно.

Религиозный мужчина с дочкой, приехавший из Сдерота, подходит к кассе с пачкой памперсов и смущенно спрашивает, сколько в Нетании стоят подгузники. Услышав цену, вздыхает и начинает вытаскивать деньги из кошелька, попутно объясняя ребёнку, что шоколад сегодня не купят. Стоящий рядом дедок достаёт кредитку и оплачивает подгузники и

шоколадку, движением руки отметая возражения. Халас, гевер!¹⁷ Детям нужны шоколадки не меньше подгузников. Кассирша плачет.

Девочки на углу пакуют коробки с едой, одеждой, игрушками и армейскими носками. У каждой к уху прижат телефон: «Да, требуются ещё теплая одежда, сигареты, средства гигиены. ... А вы с машиной? Нужно отвезти на базу трех человек и пятнадцать коробок. ... А вы с оружием? Да, набор добровольцев. Завтра в 9 приходите». Они очень устали, эти пятнадцатилетние девочки. Но надо всё собрать и отослать. Не потому, что армия не обеспечила. А потому, что люди несут. Не могут не нести. Потому что это их возможность помочь, быть полезными. Хоть частично помочь своим детям и тем, кто прошёл через ад. Потому что от ощущения беспомощности можно сойти с ума.

И все читают новости. На иврите, на русском, на французском... громко. Нас осуждают. Цивилизованные страны нас осуждают за то, что звери надругались над нашими детьми и устроили невыносимую кровавую вакханалию, а мы посмели им ответить. Это называется высокая политика. Интересы мировых держав. E2–E4.

Я иду по нашему курортному островку в черно-белом кино и впервые за свою жизнь молюсь. Господи, спаси и защити детей наших. И не дай нам захлебнуться этой болью.

Сообщение

«В ближайшие выходные открывается купальный сезон на пляжах Средиземного моря. У берега наблюдается большое количество медуз, будьте осторожны и не забывайте о средствах защиты от солнца. Также напоминаем указание службы тыла – если ракетный обстрел застал вас на пляже, просто ложитесь лицом вниз и прикройте руками голову. Приятных выходных».

Это сообщение было произнесено приятным голосом диктора в рамках двенадцатичасовой сводки новостей по радио. Если вдуматься – это же бред, абсурд! Трудно представить себе реакцию на подобные сообщения где-нибудь в Майами или в Ницце. Если есть опасность ракетного обстрела, значит, нет пляжного сезона. А у нас есть. По сути, это 30-ти

¹⁷ Халас, гевер! (иврит, разг.) – Прекрати, мужик!

секундное сообщение – квинтэссенция жизни в нашей стране. Абсурдной, неправильной и такой нашей.

Это мы деремся и орем до хрипоты, доказывая, кто конкретно из власть имущих развалил страну, и при этом, находясь за границей, гордимся своей демократией и свободой мнений и готовы порвать каждого, кто с этим не согласен.

Это мы ругаем кошмарно высокие налоги и непропорциональный бюджет министерства обороны и при этом отдаем любые деньги, чтобы армия перед боем была одета, обута, вооружена и накормлена по высшему разряду.

Это мы плачем навзрыд в день памяти погибших и в тот же вечер пляшем на площадях в честь Дня Независимости.

И, наконец, это мы, чьи родные погибли или находятся в плену, глотая ком в горле, готовим праздничный стол, чтобы выпить за исход евреев из Египта на свободу.

Это мы. И пока мы такие, мы будем жить. Вопреки всему. Чтобы через тысячу лет выпить за нашу победу, свободу и за светлый праздник Песах!

АНЖЕЛА БЕЛЕНКО

Верлибры

Послевкусие

Я сегодня позавидовала клавишам,
к которым прикасались Ваши пальцы.
Я могла бы слушать бесконечно
нежное звучание тех мелодий.

Под стук колёс

У-ез-жа-ю...
С прошлым своим проща-юсь.
Птица в полёте махнула крылом –
про-во-жа-ет.

Автобус

Подъехал,
услужливо дверь распахнул.
Приглашает к путешествию.

Чужие

Мы с тобой чужие. Как рельсы,
которые только делают вид,
что сходятся.

Телефон

Голос в коробочке, звук и движение.
Это огромный мир, а я – часть его.

Ручка

Держу в руке,
скользит неспешно,
мои мысли оставляя на бумаге.

Слова

Слова как мостик,
переброшенный с берега на берег.
И мы бежим навстречу друг другу.

Злые слова

Злые слова –
как снежок, попавший за воротник,
как колючие ветки кустарника.

Дети

Вышла с детьми на прогулку:
радость тёплым котёнком
мурлычет в душе.

Шишка

Упала под ноги мне
целая роща корабельных сосен.
Могущество и возможность – в одной точке.

Ветви

Голые ветви деревьев
на фоне осеннего неба –
как кракелюры на старой картине.

Фотография

«Остановись, мгновенье,
Ты прекрасно!»
Это я, только полвека назад.

Наушники

Все звуки мира в них...
А слышу только я!

Лампа

Круг света.
Сейчас войду в него –
и отодвинутся сумерек жадные руки.

Книга

Люблю листать, читать
и – перечитывать.
А что любит она? Мои руки.
И свет настольной лампы.

Сон

Я жду его.
А он – поджидает меня.
Что сегодня увижу? Что запомню?

Бутылка

В бутылке вода.
Вода в форме бутылки.
Бутылка не имеет ценности,
вода – имеет.

ТАТЬЯНА БЕЛОБОРОДЬКО

Рассказы

В поисках прошлого

С утра шел дождь. Последний день в Ишиме выдался ненастным. Заканчивалось наше с сестрой путешествие, скорее во времени, чем в пространстве – по местам жизни предков. Какие следы их жизни хотели мы обнаружить по прошествии долгих десятилетий? Ведь знаем, как безжалостно время. Но все же лелеяли надежду: что-то должно уцелеть, несмотря на безумства XX века.

Последний день в городе. Еще не знаем, какие переживания нас ждут. Под шум дождя перебираем впечатления. Два дня в Ишиме: что запомнилось? Огромное жаркое солнце на чистом линияло-голубом небосклоне. Неторопливая река. Свернешь с главной улицы – и погружаешься в провинциальную дрему. Пустынные улицы по-сибирски широки. Деревянные дома наперебой хвалятся резными наличниками, яркими ставнями. Березы у ворот распускают по ветру длинные ветви. Качаются в палисадниках колокольчики и ромашки. Тишина. Безмятежность.

Ишим притворяется, что он все тот же – город начала XX века, в который переселился прадед с многочисленным своим семейством. Будто не прошли смерчем по стране и судьбам бурные десятилетия: революция, война – одна, другая, третья, пятилетки, репрессии. Молох XX века собрал свои жертвы с каждой семьи. Наша – не исключение. В 1937-м расстреляли сына прадеда. Младший его внук вернулся инвалидом с Великой Отечественной. Зять, узник ГУЛАГа, умер в лагере. Да мало ли еще было бед?

А Ишим не хочет вспоминать бури XX века. Навевает идиллические сны. Насылает наваждение. Идешь по тихой улице и представляешь, будто можешь здесь встретить всех, кого привык видеть на семейной фотографии ишимского фотографа: прадед, прабабушка, их девять дочерей, два сына, два зятя, невестка, внук и внучка. 1913 год. Все еще живы. Все еще вместе.

Прадед умрет в 1920-м. Он один останется в ишимской земле. Все его дети и вдова покинут город в поисках лучшей доли – кто раньше, кто позже. Так случилось. На то, видимо, было множество причин. Ведь не так уж легко оставлять родные могилы. Искать их тоже непросто. Кто искал – знает.

Время быстро стирает следы нашего земного пребывания. На месте дома, где жил прадед с семьей, ничего нет. Участок ничейной земли порос буйем-травой. Но название улицы все то же – Московская, и номер три никому не присвоен. Кажется, лежат в земле – только копни и найдешь – монетка ли, оброненная прабабушкой сережка, ключ, который долго и безуспешно искали, осколок чашки, игрушка – маленькие бесценные признаки бытия.

А вот улица Пушкина. Дом 13. Не очень старый. Потому не обольщаюсь: не тот это дом, куда принесли мою новорожденную маму. Просто постою рядом, радуясь, что адрес сохранился. Он старательно выведен детской рукой на обороте фотографии 1930 года. На карточке девочка в валенках, в теплом пальто и грубых вязаных варежках. Длинные косы, серьезный взгляд – здесь маминой старшей сестре «от роду 11 лет». Это ее воспоминания детства служат мне путеводителем по Ишиму. Это ее влюбленными глазами смотрю я на город.

Удивительно, как людям удается силой любви и привязанности преобразовать действительность, наполняя ее красотой и особым смыслом. По воспоминаниям маминой сестры, даже небо в Ишиме какое-то необыкновенное – «магически влекущее». А что это за удивительный сосновый бор, где эта впечатлительная девочка обнимала деревья, чувствуя их живительную силу? В местном музее нам рассказали про заповедный Синицинский бор близ города. Цитировали священника: **«Бор во время лета привлекает к себе на долгое жительство многих из города Ишима»**, – писал он в 1914 году. Большая семья прадеда снимала здесь дачу.

Сосновый бор Ишима – место мистическое. Там, говорят, время идет по-другому. Люди исчезают, их ищут несколько дней – они появляются, недоумевая – для них прошло всего несколько часов. Вот и мы не за тем ли приехали сюда, чтобы пропасть, потеряться во времени? Бродим по лесу, стараясь расслышать звенящие меж сосен детские голоса из далекого прошлого, разглядеть за деревьями женщин – наших молодых бабушек, прабабушку с младшим внуком на руках, деревянную дачу, где дымит на столе самовар, трещат в нем горящие шишки и кружат над блюдами земляники осы.

Что-то есть особенное в Ишимской земле. Здесь привиделась Ершову Жар-птица. Его сказочный Конек-Горбунок то и дело мелькает, нарисованный на заборе, на стене, в окне детского сада. И скачет за своей удачей отчаянный Иван. «Ой вы, кони буры, сивы! Ой вы, кони златогривы!» – слышится мне из далекого далека мамин голос. Она любила веселую сказку своего земляка.

Жароптицевым пером сияет на воде закатный луч. Медленно несет свои воды река Ишим. И время течет здесь медленно. Настоящее не так

быстро становится прошлым. А прошлое никуда не исчезает, просто живет рядом.

Последний день в городе. Мучила мысль – не сделали главного: не разыскали могилу прадеда. Дождь нарушил все планы. Да и без дождя затея искать захоронение на давно заброшенном кладбище представлялась наивной. У нас был телефон местного краеведа-любителя. Но мы стеснялись его беспокоить: человек он немолодой, занятый – работает врачом. Что ему чужая могила?

Дождь прекратился ближе к вечеру. Я все же набрала номер, не зная, что сказать. Представилась и начала мямлить:

– Наверное, не стоит идти на кладбище. Поздно. Сыро.

– Обязательно нужно пойти! – прозвучал решительный голос. – У вас есть сапоги?

– Нет, мы в босоножках.

– Не беда, я принесу. Встречаемся через полчаса.

В условленном месте нас ждал высокий подтянутый человек. Волевое лицо. Открытый взгляд. Энергичные жесты. Протянул две пары сапог – жена передала, не забыв положить носки. И пирожков передала в придачу. Забота совсем посторонних людей ошеломила и растрогала. Да нет в этом мире посторонних! Разве не убеждалась я в этом множество раз?

Мы отправились искать то, чего уже нельзя было найти. «Это здесь», – сказал Николай Сергеевич, указывая на поле, заросшее травой с человеческий рост. Ничто здесь не напоминало о кладбище. Трава забвения со свечками иван-чая покрывала место упокоения. Коротка человеческая память! Не прошло и ста лет, а уж позабыты ушедшие в мир иной многие и многие, кто нашел последний приют здесь, на окраине Ишима. Стучит колесами поездов рядом проходящая дорога. Жизнь равнодушно проносится мимо. Над заброшенным погостом кружат редкие птицы.

«Пойдемте. Будем искать», – решительность Николая Сергеевича была непоколебима. И мы поспешили за ним. Мокрые стебли хлестали по лицу. Тучи остервенелых комаров роились над головой. Промокшие до нитки, мы долго ходили вслед за неутомимым нашим проводником. Было страшно сознавать, что топчем мы не землю, а могилы, пусть давно уже неразличимые, заброшенные, сровнявшиеся с землей, но все-таки места захоронения.

Что нашли? Несколько покосившихся железных крестов. Ржавую оградку в цепких объятьях колючего куста. Еще одну, упавшую. Пирамидку

со звездой – ни имени, ни фамилии. Разбитый камень с остатками едва читаемой надписи «...мещанки Марии... сконч... 8-го ...1916». Больше ничего.

Облако скорби висело над этим полем и никак не могло пролиться слезами. Вечернее ненастное небо с узкой желтой полосой заката было особенно мрачным. У края поля чудовищным монстром чернела громада старого элеватора. Это к нему мостили дорогу могильными плитами с кладбища. Когда? Да где-то в 1950-х. Наверное, и плита с могилы прадеда лежит на той дороге под слоями старого асфальта – разбитая, разломанная Иванами, не знавшими родства. Элеватор мне показался зловещим памятником. Чему? Замыслам нечеловеческих масштабов, неумной советской деятельности. Строя новое, разрушала старое. Созидая, стирала с лица земли. Крушила и ломала и людей, и то, что ими создано. Можно ли было по-другому?

Мы прекратили бесполезные поиски, когда длинный летний день подошел к концу. Пора было прощаться. Николай Сергеевич решительно пресек поток нашей благодарности. «Мы не нашли могилу», – он был расстроен не меньше нашего. «Но ведь мы были там, – сказала моя мудрая старшая сестра. – Значит, поклонились праху. Причем не только прадеда».

Казалось, и природа хочет утешить. Хмурые тучи ушли за горизонт. Во все небо светился золотом закат. Очень долго светился. И отпускала тоска. На душе становилось светлее. Ведь в мире живых нам встретилось драгоценное человеческое участие незнакомых людей, неравнодушных ни к живым, ни к памяти ушедших.

Рассвет над Ишимом был ярким, слепяще-солнечным. Ранним утром мы спешили на вокзал. Наши длинные тени нехотя ползли за нами, цепляясь за каждый выступ асфальта. Будто пытались остановить. Но из пункта А в пункт Б уже шел скорый поезд. Не поспоришь с непреложностью железнодорожного расписания и бегом времени вперед. Мы отправлялись на поиски будущего.

Кого она ждала?

Теперь не часто бываю я в этих краях Москвы, у истока улицы Остоженки, бегущей в сторону Садового кольца наперегонки с сестрой своей – Пречистенкой. Оказавшись здесь, я неизменно вспоминаю эту странную старую женщину. Глупо искать ее в толпе – ведь минула четверть века. А я невольно всматриваюсь в поток прохожих, и мне издали мерещится ее неясный силуэт. Как случилось, что образ незнакомой женщины стал для меня приметой места? Не бронзовый памятник, не

огромный тополь у метро – свидетель свиданий моей молодости, а неподвижная фигура, упрямо всплывающая в памяти.

Вот тут, на углу Первого Обыденского переулка, каждый вечер, в любую погоду – в дождь, снег и ветер – можно было увидеть ее, застывшую в ожидании, в наспех накинутом стареньком пальто, часто без головного убора, иной раз в туфлях зимой – так, торопясь, выбегают из дома на минутку. Выбегают, чтобы встретить – «не дай бог разминуться!» – обнять, обрадоваться близкому человеку.

Женщина подолгу стояла, напряженно глядя в сторону площади и павильона метро, не замечая непогоды, шума машин, раздраженных прохожих, задевавших ее на узком тротуаре. Поначалу я подходила к ней с вопросом, не нужна ли помощь. «Нет, спасибо, ничего не надо», – быстро отвечала она, глядя мимо меня и явно досадуя: я заслоняла ей вид.

Интеллигентное замкнутое лицо, скорбь в уголках губ, какая-то внутренняя собранность в сочетании с беззащитностью и растерянностью – такой я помню ее. Она не была жалкой сумасшедшей старухой, нет – просто женщина преклонного возраста, когда отрешенность от реального мира неизбежно проступает в облике человека.

Кого ждала и не могла дожждаться эта пожилая женщина? Кого выходила встречать, высматривая в толпе родное лицо? Умершего мужа? Вот сейчас он придет с работы и они, как всегда, будут ужинать под старым уютным абажуром в своей комнатухе большой коммуналки, полной соседей – с их чужими заботами и чужими радостями. А может она ждала сына, давно оставившего ее? Или сестру, которой у нее никогда не было, но о которой так сильно мечталось, что, придуманная, она стала реальной, когда связь с действительностью ослабела. Вымышленный мир, сотканный из воспоминаний и наивной веры в чудо, так утешителен на склоне лет, когда в изменившейся жизни тебе нет места.

Я блуждаю по улицам моих воспоминаний. Вот и Волхонка. Не здесь ли стоят «часовые любви» Окуджавы? Ах, Булат Шалвович, это ведь и о ней – об этой женщине с Остоженки – напевает мне ваш голос. Часовой любви, рядовой придуманной вами великой армии, она стойко несла свою долгую вахту ожидания, ибо верила: любовь сильнее смерти, сильнее времени, сильнее действительности с ее страшными фактами, которые не приемлет душа. «Пока живешь, нужно ждать и надеяться» – я мысленно представляю этот лозунг на маленьком белом флажке, дрожащем над ее плечом – это ветер развеивает уголок шали.

Пару раз я видела – комок поступал к горлу – как, сгорбившись и поникнув, она уходила, как всегда никого не встретив. Обманутые ожидания – это страшно. Но надежда, к счастью, не покидала эту женщину. С кем еще ей было коротать бесконечные дни? Мне

представлялось, как, сидя в скромном своем жилище в окружении книг и дорогих сердцу вещей, согреваясь вечерним чаем вприкуску с грустью, она прислушивается к шепоту надежды с ее спасительными речами о том, что ничего не кончено.

Многое изменилось с тех пор, как странный часовой Пречистенских ворот навсегда покинул свой пост. Теченье Остоженки унесло с собой много зим и лет моей и чужой жизни. Изменились мы, изменилась улица. Дом, где жила героиня моих воспоминаний – знаменитый доходный дом с «перевернутой рюмкой» на крыше, – заселили совсем другие жильцы. Шум и гам коммуналок сменила чопорная тишина парадных апартаментов нуворишей. В огромных и полупустых квартирах, прячась за плотными шторами, течет совсем иная жизнь. Правда, рядом радостно звонят колокола ожившей церкви Илии Обыденного. Жаль только, что бродячие собаки Курсового переуллка больше не приходят на ее крыльцо.

Мне никогда не узнать, кого ждала эта женщина и почему перестала. Просто однажды ее фигура исчезла с привычного места, чтобы больше не появиться никогда. Как мне хотелось, да и сейчас хочется, представлять вопреки всему состоявшуюся встречу: вернувшийся из дальнего далека сын обнимает затихшую на его груди мать. Так бывает в кино. Так редко бывает в жизни. А как же нечаянная радость? Здесь совсем близко – в конце переуллка – в церкви Пророка Илии дарит надежду знаменитая икона. Значит, будем верить в чудо?

Два берега

Для кого она поет в этом почти безлюдном переходе, где редкий прохожий торопится мимо, стараясь не встретиться с ней глазами? Она не похожа на нищенку. Старое пальто с чернобуркой, изрядно потертое, еще сносно выглядит. Сносно – значит еще можно носить. Валенки. Шапка. Сверху повязан платок. Вспоминаю себя маленькую, закутанную мамой – далекие пятидесятые. И песня оттуда же: «Мы с тобой два берега у одной реки...» Старая женщина, а голос звучит чисто, без хрипотцы. Простые слова. Между строк – о дорогом и хорошем, чему нет места в настоящем.

Женщина хорошо играет. В полутьме перехода сверкает аккордеон – роскошный, немецкий трофейный. Мне кажется, что вижу ее прошлое: отец-фронтовик, радость первых послевоенных лет. Девочка, зачарованная музыкой, не отрывает взгляда от отца, лихо перебирающего клавиши. Его аккордеон – реликвия. Такое не продают, даже в крайней нужде.

Мелодия бьется о низкий потолок перехода, ветер подхватывает ее и выносит наружу. Там ее не слышно. Там несется другая река – ревущий поток машин. Оглуший город – ее берега. Кажется, в нем каменеют и

наши души. Чистый снег – чья рука сегодня так щедро сыплет его с неба? – быстро превращается в грязь под колесами и ногами.

«Мы с тобой два берега...» – поет женщина. Про какие она берега? Уж не реки ли Стикс, где ждет вечный старец Харон с лодкой и веслом? Вот и монетки в пластиковом стаканчике – заплатить мрачному перевозчику. Переплыть, чтобы встретиться с близкими. Кто знает, скольких эта женщина похоронила?

Ветер врывается в переход. Приподнимает в воздух спрятавшихся здесь голубей, заставляя расправить крылья. Воспаряют и мысли, поднимаясь над суетностью. Устремляются вслед за песней в детство в попытке вернуть его радость, хоть ненадолго. Елка, Дед Мороз из папье-маше, конфеты «Кара-Кум» в маленьком кулечке, костюм снежинки, сшитый мамой из накрахмаленной марли... Воспоминания кружатся под мелодию аккордеона, сменяя друг друга. Холодно. Сквозняк. А я все стою в переходе, забыв, куда и зачем торопилась.

Песня замолкает. Кладу женщине деньги. Шепчу «спасибо». Не могу говорить. Слезы душат. Да и что тут скажешь? Выхожу из перехода на другой берег проспекта и как будто не слышу теперь его шума. «Я ждала и верила...» – все крутятся в голове слова песни. А ведь она, наверное, умела ждать, эта женщина, разбередившая душу. И верить. В людей, в светлое будущее. Да она и сейчас верит. А иначе как жить?

Любитель птиц

Я больше не встречаю этого человека в наших переулках. Его нет, и текущая по тротуарам толпа прохожих кажется безликой массой, подгоняемой озабоченностью – главным режиссером наших будней.

Он был фигурой нелепой – потому заметной. Крупный человек без возраста, в огромных стоптанных башмаках, неряшливый, странный, но с интеллигентным лицом, без печати озлобленности в чертах. Разговаривал сам с собой, размышляя на ходу и что-то доказывая. Кому? Самому себе? Господу Богу? Отрешенный от суетности нашего мира и погруженный в себя, он не замечал холода, от которого не спасало ветхое пальто, больше похожее на пыльный реквизит постановки по Чехову. И брезгливых взглядов не замечал. В его мире не было места таким пустякам.

Делом его жизни было кормление птиц. С утра до полудня ежедневно в любую погоду он вышагивал по сложному путаному маршруту, утюжа своими большими башмаками Пречистенку, Остоженку и бесчисленные переулки между ними. И разбрасывал крошки везде, где слышал щебет птиц. Батоны хлеба торчали из карманов его всепогодного пальто, из-за

пазухи, из старой сетки. Он был щедрым человеком: хлеб быстро заканчивался, и он снова шел в булочную.

Не люди – птицы – были его собеседниками: он разговаривал с ними, ласково бормоча что-то невнятное. Казалось, он, подобно Франциску Ассизскому, понимает птичий язык. А птахи божии уж точно понимали обладателя доброго сердца и сострадательной души, будучи обитателями небесных сфер, где, как известно, слова не нужны: любовь и милосердие понятны и без них.

Финалом его странствия была Кропоткинская площадь с огромной стаей голубей. Птицы давно облюбовали здесь памятник Энгельсу, который обыватели упорно принимали за Кропоткина – одинокий, без Маркса, Энгельс не укладывался в голове большинства сограждан. Известные своей бесцеремонностью голуби, смыкая тесные ряды, мостились на трехметровой фигуре Энгельса, рассаживаясь на руках, плечах и голове мыслителя. Голуби всего мира упрямо сидят на головах бронзовых и каменных людей. Может, так они борются с излишним пафосом памятников?

Завидя издалека своего благодетеля с хлебами, птицы с шумом, пугая прохожих, срываются с места и слетались к его ногам. Приветственно воркуя, кружились и топтались, подбирая крошки. Стоит описывать, какой радостью светилось его лицо? Это не трудно представить. Он знал, что день прожит не зря.

Где он теперь, местный сумасшедший, любитель птиц и щедрый их покровитель, бывший приметой нашего околотка? Что было в его жизни, кроме птиц? Кроме радости быть нужным хотя бы этим птахам, что всеми силами пытаются выжить в шумном и враждебном их хрупкой природе городе? Кажется, его осиротевшие пернатые подопечные все высматривают в толпе знакомую фигуру, чтобы радостной морзянкой птичьего телеграфа сообщить сородичам весть о его появлении. Но он больше не появится никогда...

По нашим улицам ходят нормальные люди, батоны хлеба не торчат у них из карманов. И птичий язык им неведом. Но...

Недавно с высоты птичьего полета на скамейке в сквере был замечен подвыпивший парень, крошивший булку на утоптаный снег. А вчерашняя старушка, торопливо вскрывавшая пакет с пшеном, склонившись над стайкой воробьев? А маленький мальчик, бежавший за голубем с зажатой в ладошке хлебной крошкой?

За океан

Последний клик мышкой – и старенький принтер со скрежетом, будто нехотя, распечатал билет. Еще один пассажир присоединится завтра к дальнему рейсу. Владелец билета пробежал глазами по буквам и цифрам, на секунду зацепился взглядом за пункт назначения – не последний город на карте мира – и, задумавшись, застыл у стола. Эпитет «счастливый», вопреки словесному клише, не клеился к владельцу: лицо его выражало растерянность.

«Черт возьми, я шел к этому больше года! Почему нет радости на душе? Столько усилий потрачено!» Он вспомнил бесконечные резюме, которые с невиданным для себя упорством рассылал по разным адресам. Не получал ответа и отсылал снова и снова, теряя надежду и вновь обретая ее. Перестала устраивать роль неудачника, навязанная жизнью. Он выбрал себе другое амплуа. Он завтра улетает. Так получилось. Ему повезло.

Ошеломляющую радость того дня он будет помнить всегда. Удача пришла, когда уже ничего не ждал. Награда за упорство? Каприз судьбы? Справедливое вознаграждение – «каждому по делам его»? «Ты счастливчик, Алексей! – кричал в тот день в телефонную трубку старый школьный друг. – Такое предложение получает один из миллиона». Алексей и сам еще вчера ощущал себя выигравшим крупный куш в спортлото. Что же сегодня? В груди глухо ворочалось гнетущее чувство.

«Надо собираться», – подумал Алексей, рассеянно блуждая взглядом по скромному своему жилищу. Стал перебирать книги на верхней полке – где-то тут спрятан тощий конверт с долларами. От неловкого движения упало несколько книг. Спланировала на пол фотография. «Дурацкая привычка вечно совать что-то между книг!». Он поднял фотокарточку. Черно-белая, старая: дед в орденах; он сам – маленький мальчик с флажком в руке; мама, совсем молодая, присела рядом, обнимает. 9 мая. Праздник.

Он сел на диван и долго смотрел на фотографию. Казалось, слышит радостный шум толпы и звуки марша. И тут же в унисон завела свою грустную песню память. «Зачем это фото попало на глаза?!» Не случайно! Это он понимал. Разве случайно давным-давно на ровном месте сломался велосипед отца – в незнакомой деревне у чужого дома, из ворот которого вышла на помощь ему девушка. Мама тихо улыбалась, когда отец рассказывал историю их знакомства. «Ангелы тоже умеют вставлять палки в колеса», – шутил отец. Встречает ли он ангелов там, куда так рано ушел?

Алексей поймал себя на странной мысли: что должно сломаться, чтобы остановить его самого? Вызванное на завтра такси? Самолет? Чушь –

подадут другой борт. Алексей встал и нервно заходил по комнате из угла в угол. Все давно решено. Он начнет новую жизнь. Он молод – 33 года. У него приличное образование, хорошие мозги. Там, на Западе, это умеют ценить. Его ждет научная работа, достойный оклад. А здесь что? Он невольно оглядел свое одинокое гнездо: хрущоба, вопли вечно пьяного соседа, за окном хмурый город с пеленой смога. «Нужно быть идиотом, чтобы упустить свой шанс».

Звук мобильного прервал поток мыслей. Пришло сообщение: «Старик, не забудь – в субботу встречаемся на даче. Будут все наши». И следом еще: «Люся тоже обещала приехать». Ощутил до дрожи остро, как далеко он будет в субботу от этой дачи, от костра на снегу, шуток и нестройного хора знакомых голосов под перебор гитары. Люся... Люся всегда бесконечно далеко, даже когда стоит рядом. «Пошлю им сообщение "Привет из Нью-Йорка" и фотографию небоскребов 42-й улицы». Показалось глупым. Люся скажет, что это пошло. И будет права. Вдруг разозлился: «Почему в Нью-Йорке улицы с номерами?! Не хватило фантазии дать названия? Даже Последний переулок и Первая Магистральная вызывают эмоции, а цифры – только раздражение». Странно, представляя себя в Америке, он видел нагромождение зданий, потоки машин и полное безлюдье вокруг себя. Какая ерунда! Не в пустыню же он отправляется. Он найдет там друзей. Найдет? «Стоп! – сказал он себе. – Я превращаюсь в сентиментального хлюпика. Пора взять себя в руки. Нужно, наконец, собраться».

Он полез на антресоль. Достал старый чемодан. Открыл и почувствовал едва ощутимый запах хвои. «Надо же, сохранился». Вспомнил, как привез матери из Крыма ветку можжевельника. Она обрадовалась. Весь вечер вспоминала давние поездки на юг. Теперь и он вспомнил: много солнца и бесконечность впервые увиденного моря. Отец объясняет ему, маленькому: «Если сесть вон на тот пароход и долго плыть по морю, то увидишь другие страны и людей, говорящих на другом языке». А он не мог понять, как это – на другом языке? Теперь он всегда будет слышать чужой язык. Понятный ему, но чужой.

Он сложил вещи. Сверху положил фотографию. Тяжелый разговор с самим собой продолжался. «Как ты сможешь оставить мать одну?» – когда-то спросила Люся, едва он заикнулся о своих планах. Люся всегда задавала вопросы, на которые у него не было ответов. А мама его поддержала. Говорила, что рада за него: «Хоть у тебя нормально сложится жизнь». Он стал убеждать себя, что расстояние не играет никакой роли. Они и сейчас живут с матерью в разных городах. Он будет часто звонить. Он будет приезжать. «Как часто ты сможешь летать через океан?» – спросил внутренний голос. Не нужно врать самому себе. А он только и делает, что врет. «Эх мама, мама, твой сын оказался жестоким эгоистом». Навалилась тоска. «А не послать ли Америку к черту?»

Захотелось порвать билет, напиться, разбить будильник. Но факел статуи Свободы, хоть и без живого огня, горит так ярко, что виден с других материков. И мотыльки летят на свет.

Алексей сидел, сжав голову руками и глядя в одну точку. «Ты, мужик, недооценил, как трудно пройти точку невозврата, – сказал он себе. – Как напыщенно Цезарь изрек, что перешел Рубикон, а Рубикон – всего лишь мелкая речушка». Ему, Алексею, предстоит пересечь океан. И тоже воевать, но с самим собой – с собственными воспоминаниями, с ностальгией, с прилипчивой русской тоской.

Он встал у окна и долго смотрел, как падает снег. «В Нью-Йорке тоже бывает снег. И вообще, слово “чужбина” – из прошлого века. Теперь мир стал единым пространством, все на связи – достаточно нажать кнопку. Расстояния больше никого не пугают». Он извлекал доводы здравого смысла как фокусник нужные карты из колоды – один за другим: «Сколько людей уехало. Привыкли. Прижились. Достигли успеха. Масса тому примеров». Но фокус – это всегда обман. И козыри в колоде быстро кончились. Что стоят доводы логики против запаха можжевелевой ветки?

«Нужно лечь поспать». Но сна не было. «Организм перестроился на североамериканское восточное время», – приободрил себя шуткой Алексей. Он ненадолго задремал. Видел во сне далекий отблеск костра, к которому шел по нескончаемой безлюдной улице – ущелью меж небоскребов. Шел и не мог дойти.

А потом настало утро. Раннее, зимнее, оно было таким же темным, как ночь, упавшая в этот час на Нью-Йорк. Пришло такси. Оно не сломалось. Оно ждало во дворе, раздражающе громко тарахтя мотором. Алексей опустился в прихожей на чемодан. «Нужно посидеть перед дорогой». Он перевел часы на восемь часов назад, и североамериканское восточное время начало отсчитывать секунды новой жизни.

Февральская сирень

Алексей Петрович проснулся поздно. Ленивое зимнее солнце уже втиснулось в узкую щель между высокими домами. Его свет проник в мастерскую, ударил в глаза. Луч выхватил из утреннего полумрака столб пляшущей пыли и остановился на мольберте, резко осветив стоящую на нем работу.

Алексей Петрович взглянул на холст и ужаснулся: из беспорядочных, хаотично наложенных мазков мрачных тонов проступала страшная картина катастрофы. Рушились здания, падали заводские трубы, мир распадался на искореженные фрагменты. Остовы стен зияли черными

провалами разбитых окон. Земля вздыбилась. По небу метались черные птицы. И где-то далеко горела кроваво-красная полоса пожара.

«А ведь был трезвый», – Алексей Петрович вспомнил, как вчера, поддавшись необъяснимому порыву, поздним вечером схватился за кисти. Как писал, размашисто и быстро, непонятную ему самому картину бедствия. Как, уже за полночь, упал в изнеможении на топчан, не в силах ехать домой, и провалился в тяжелый сон в тесной своей мастерской, заваленной работами, холстами, подрамниками, бутылками, пыльными драпировками и старыми кувшинами для натюрмортов.

Он встал. Закурил. Подошел к окну. Солнце уже спряталось, и двор потонул в привычной февральской серости. Дремавшая на ветке ворона вдруг вытянула шею и трижды – что означает «Тревога!» – надсадно каркнула. Взглянула своим пронзительным черным глазом и как-то неловко, завалившись боком, слетела вниз. «Как сбитый самолет», – промелькнула странная мысль.

Тягостную задумчивость прервал звонок телефона:

- Уже знаешь? Началось... – голос приятеля прозвучал резко и жестко.
- Ты что, с бодуна? Что ты несешь?!
- Посмотри новости, – приятель отключился.

Интернет кричал на разные голоса – тревожные, испуганные, нарочито-спокойные, воинственные и растерянные. Алексей Петрович прочитал несколько главных новостей, устало опустился на табурет и закурил последнюю в пачке сигарету. Сидел неподвижно. Внизу, в колодце двора, ревел мотор – трактор сгребал снег. Казалось, что это не трактор вовсе, а лязгающее железом чудовище с дулом, на гусеничном ходу, страшное и грозное.

Алексей Петрович подошел к мольберту. Долго стоял перед холстом с апокалиптическим своим эскизом. «Предчувствовал, значит? Видимо, не такой уж я плохой художник». Невесело усмехнулся: «Я как та ворона, что успевает три раза крикнуть, завидев опасность издалека».

Он решительно снял холст с мольберта. Засунул его в дальний угол, лицом к стене. Достал новый. Выдавил краски на палитру и начал писать, уверенно и легко. Под ударами кисти начали проступать тяжелые яркие гроздья сирени. Солнце играло на маленьких лиловых цветках, переливалось радугой на каплях, оставленных ливнем на темно-зеленых листьях.

Каждый борется с бедой как умеет. Мрачным февральским днем пожилой художник Алексей Петрович пишет пронизанный солнцем куст

сирени. Чтобы мир не рухнул. Прекрасный привычный мир, где снова и снова сажают сирень в маленьких палисадниках и больших дворах, ждут месяц май, чтобы надышаться ее ароматом, дарят букеты возлюбленным. Мир, где между страниц старой книги вдруг найдешь маленькую, все еще благоухающую засушенную веточку, и нахлынут воспоминания о бабушке, туевой аллейке с хрустящим под ногами песком из ракушечника и огромных – казалось, достающих до неба – кустах цветущей сирени.

Чтобы красота спасла мир, кто-то должен ее создавать. Долго, очень долго горит свет в мастерской художника, отбрасывая теплый отблеск на почерневший снег уснувшего двора.

ФРИДА ШУТМАН

Дети войны. Рассказы

Поцелуй

*Из военных воспоминаний моего отца,
Литвака Арона Шлёмовича (1923–2011),
инвалида Вовоины*

Чего я сейчас больше всего хочу, так это не опозориться, собрать все свои силы и поймать летящую цепь. Конечно, не она манит меня, а чудо-девушка, сидящая на карусели. Сиденье парит в воздухе. Я не вижу никого и ничего вокруг, только эту черноволосую фею, смущённо и одновременно призывно мне улыбающуюся.

Ни война, ни страх, ни бегство в горы не смогли потушить озорной блеск огромных карих глаз. Тревога за близких не расправила лукавые ямочки на нежных щёчках. Вынужденный голод не испортил красивую фигурку. Зверства фашистов не убили веру в счастливое будущее и оптимизм чувствовался во всём её девичьем облике.

* * *

Глядя на неё, я забывал, что сейчас весна 1944 года и война ещё не окончена. А я нахожусь вдали от родины в Клуже, столице Трансильвании, принадлежащей Венгрии. Только недавно я вышел из госпиталя, где лечился после контузии. Теперь я учусь на курсах младших лейтенантов 2-го Украинского фронта. Параллельно с учёбой я с другими бойцами проверяю квартиры в поисках мадьяр, прислуживающих немцам. Вот во время одного из таких рейдов я и встретил эту 17-ти летнюю еврейскую девушку.

Когда мы вошли в очередной дом и стали искать мадьяр и компрометирующие документы, я вдруг увидел несколько надписей на языке идиш. В большой комнате с добротной мебелью стояла сильно перепуганная хозяйка. Услышав, что я свободно прочёл вслух несколько фраз, она немного успокоилась и с надеждой спросила: «Ди бист аид?»^{*18} На что я ей ответил тоже на языке идиш, что я еврей с Украины, до войны

¹⁸ Ты – еврей? (идиш).

окончил еврейскую школу. Женщина вся посветлела, рассказала, что её муж – профессор, известный в Клузе врач. Из-за преследований фашистами евреям приходилось скрываться. Их семья ушла из дома, практически всё бросив на произвол судьбы. Но, благодаря скорому приходу Красной Армии, местное население не успело вдоволь пожить в оставленных наспех квартирах. Еврейские семьи возвращались в свои дома и потихоньку налаживали быт. Вскоре я познакомился с профессором и его чудесной внучкой. За время моего пребывания в Клузе я стал в этой семье своим человеком, крепко подружившись с девушкой.

Рисунок Фриды Шутман

* * *

Почему я так горю желанием поймать цепь и остановить карусель? Потому что, по правилам молодёжной игры, меня ждёт сладкая награда – поцелуй.

Вот, снова на пределе своих физических возможностей я останавливаю этого многорукого крутящегося монстра и, как принц из волшебной сказки, спасаю мою принцессу, выхватывая её из цепного плена.

И она меня благодарно и стыдливо целует, а я её – пылко и восхищенно. В эти минуты весь мир принадлежит только нам двоим. Мир, где нет войны и горьких потерь, а есть весна, молодость и вечная любовь.

* * *

После армейского приказа оставить Клуж я даже не успел попрощаться с профессорской семьёй. Больше мы не виделись. А в моей памяти навечно осталась юная красавица с развевающимися чёрными волосами.

Девушка моей мечты, имени которой я не могу сейчас даже вспомнить.

2006 год.

Тёмная ночь

Посвящается детям войны

«Всё уже хорошо, Аллочка! Ты можешь выходить. Всё спокойно. Не бойся, никто тебя не тронет... Тебя никто не обидит...». Любовь Петровна ещё минут десять успокаивает и увещевает Аллочку. И наконец дверца открывается и Аллочка медленно, боязливо оглядываясь, выходит из шкафа.

Так повторяется изо дня в день уже двадцать лет!

Двадцать лет подряд Аллочка, Алла Михайловна, приходя на работу в конструкторское бюро, сначала заходит в подсобное помещение и прячется в полупустом техническом шкафу. Её не смущает старое ведро с дырявой тряпкой, насквозь пропахшей хлоркой, пыльный веник, ножки от старых стульев... Двадцать лет подряд Любовь Петровна, архитектор КБ, а ныне его начальник, приходя на работу и ставя свою знававшие виды сумку, задаёт своим коллегам традиционный вопрос: «Алла в шкафу?» И, не дожидаясь ответа, идёт в подсобку.

Все в КБ знают об этом. Но, никто уже давно не смеётся. А, может быть, никто и не смеялся. Уже второе поколение конструкторов сидит за кульманами. По молчаливому согласию все сидят и ждут. Даже балагур и весельчак Боря ещё не начал остричь.

Наконец дверь открывается, входят Аллочка и Любовь Петровна. Аллочка тихо здоровается и занимает своё место. Вздох облегчения тихим шелестом крыльев проносится по бюро. У кого-то падает карандаш. Кто-то громко чихает. Балагур Боря делает Аллочке дежурный комплимент: «Сегодня Вы просто обалденно выглядите!» Любовь Петровна формулирует задание. Рабочий день начался....

Аллочка всегда была трусихой. Но как-то избирательно проявлялся её страх. Отвечать громко вслух в школе она не боялась. И на мальчишек кричала не меньше других девчонок. И в институте её проекты были самыми смелыми. А вот ночи всегда оставались тёмными-тёмными...

Это всё началось после первой гитлеровской бомбёжки. Аллочкина мама дико закричала: «Прячься в шкафу и не выходи, пока я не скажу!» Бомбили их город довольно часто. Не всегда мать могла её брать на работу, пока ещё завод не эвакуировали. Вот Аллочка и бежала каждый раз в шкаф, как только слышала вой вражеских бомбардировщиков. Порой она часами сидела в тёмном душном, пропахшем нафталином шкафу, затаив дыхание, будто боялась, что фашисты её услышат и убьют. С

собой она брала любимую куклу. Когда за окном всё стихало, Аллочка начинала рассказывать кукле Соне сказку. Это для того, как вы уже догадались, чтобы кукла не боялась... Сказка была длинная и очень-очень интересная, для куклы, конечно. Она слушала Аллочку с широко раскрытыми немигающими глазами, так ей было интересно. Но Аллочка иногда не могла рассказывать свою сказку до конца. Очень есть хотелось, да и мама долго не приходила... Так и заставляла мама Аллочку с куклой на руках в закрытом шкафу...

Даже когда окончилась война, подросшая Аллочка любила прятаться в этом шкафу. Ей пришлось освободить все нижние полки и снять их. Она садилась и начинала мечтать. А вокруг неё снова была тёмная ночь... Но, теперь всё было очень тихо. Слышны были часы-ходики да иногда открытая форточка стучала при порывах ветра.

А Аллочка чего-то ждала. Может, хотела услышать снова, как мама ей скажет: «Аллочка, всё хорошо, можно выходить...»

«...Алла Михайловна! Посмотрите пожалуйста, у меня здесь что-то не получается. Алла Михайловна!» Стажёрка Катя смотрит с благоговением на опытную коллегу и ждёт совета.

А Аллочка, Алла Михайловна, наверно, на мгновение снова погрузилась в тёмную ночь своих воспоминаний...

А где-то там идут бои...
И ночь, как день, огнём пылает.
Дрожим за души мы свои.
А почему, никто не знает...¹⁹
25.03.10.

¹⁹ Стихотворение Фриды Шутман

Два стихотворения на английском языке

All We Want

I look out of my window and I see
Our planet that's of wars, disasters free,
Merry children who play, draw, learn and sing,
The huge fields that grain to everybody bring.
I look out of my window and I see
The green leaves which are growing on a tree.
And the birds that started making their nests,
Searching eagerly for seeds, worms and insects.
And the peaceful nations want a better world
Where the main thing is the joyful life, not gold.
Where the human rights won't be violated
And the happy being is anticipated.
All we want...

17/03/23.

One Hot Summer Day

The afternoon sunlight is burning the day.
The daisies are eagerly drinking some water.
Nice butterflies flew from the dense almond quarter
And started to dance in the bright yellow ray.
In search of the flower buds which are full
Of sweet sticky nectar and thus are attractive,
The small hummingbirds are especially active
And hurry to play near the city park's pool.
Stray cats do not like an exhausting hot weather:
They usually hide in the dusty thick bushes.
It's touching to see as a mother cat pushes
Her kittens inside the small basket together.

5.06.22.

*Фрида Шутман в День Победы 9.05.2019 г. в Ашдоде
с портретом отца*

ПАУЛИНА ЧЕЧЕЛЬНИЦКАЯ

Главы из романа «Дети Сиона»

Милий Гетман

Первым потрясением в его жизни стал урок в школе в далёком башкирском селе, когда широкая, как шкаф, учительница в нелепом коричневом платье громко и выразительно прочла его имя. Оказалось, что он никакой не Мишка и даже не Михаил, а Миля Янкелевич Гутман. Ольга Гавриловна так и сказала на потеху всему классу: «Ян-ке-ле-вич».

С толпой беженцев они с мамой поселились в селе Бурангулово, оставив в замерзающем и наполовину мёртвом Ленинграде папу и его родителей. Дедушка и бабушка выезжать из обречённого города отказались, сказав невестке: «Спасай Мишу!» Старики умерли от голода в конце сорок третьего, за полгода до прорыва блокады. Отец, учёный-физик, ушёл в ополчение и вернулся инвалидом. На его гимнастёрке сияла медаль «За победу над Германией».

Своё открытие Мишка пережил тяжело. Он не хотел быть Милей и не хотел быть евреем. Семилетний мальчик часами лежал в постели и тихо плакал.

– Я больше не буду ходить в школу! – шептал он матери. – Меня ученики называют Янкелем.

– Ничего тут не поделаешь, – пыталась утешить его мама. – Евреи не такие уж плохие люди, а многими даже можно гордиться. Когда ты вырастешь, всё будет по-другому, и никто не посмеет обидеть человека другой национальности.

Мама свято верила в светлое будущее человечества.

В это же время его отец, наслушавшись и насмотревшись всякого, сделал одно важное дело: по дороге в госпиталь он уничтожил свои документы, заявив, что они сгорели, а когда получал новые, записался Яковом Гетманом. Всего одна буква – и он обладатель хорошей фамилии, которая ни у кого не вызовет подозрений. Единственное, что ему не удалось исправить – это имя сына. Да и то, когда шестнадцатилетний Миша получал паспорт, отец за коробку дефицитных шоколадных конфет упросил женщину записать сына Милием.

Но, как говорится, бьют по лицу, а не по паспорту. На факультет журналистики документы Миля не приняли. Женщина из приёмной комиссии вздохнула:

– Ты же не дурак, сам должен понимать...

Милик всё понял.

– Поступать буду в Юридический, – сообщил он родителям. – Мне Юлик Вербель сказал, что туда принимают евреев.

Так он стал студентом Юридического института.

В марте пятьдесят третьего умер Сталин. Умер как-то странно и таинственно. Его оплакали и почти сразу же забыли. Ещё всю по стране гулял антисемитизм, но Берия, которого боялись и ненавидели, прекратил дело врачей и реабилитировал их. В первый раз реабилитировали «врагов народа», да ещё при жизни! И вдруг арестовали самого Берия, объявили его британским агентом и очень быстро, не дав народу возможности переварить эту новость, «шлёпнули». Вероятно, прятали концы в воду.

В аудиториях института, казалось, ничего не изменилось: преподаватели, как и прежде, продолжали читать свои лекции, аспиранты проводили семинарские занятия, студенты штудировали уголовное и гражданское право. Но стоило всем выйти на перемену, как тут же начинали звучать фамилии Берии, Молотова, Хрущёва. Ребята собирались на площадке между третьим и четвёртым этажом, курили, спорили. Однажды Миля услышал, как Стас, стройный, синеглазый красавчик, любимец преподавательниц и девушек всего третьего курса, сказал стоящему рядом парню:

– Зря Берия евреев выпустил! У себя в Мукачево мы им спуска не даём! Совсем не стало от них проходу! Обнаглели!

– И что же вы там, в Мукачево, с ними делаете? – спросил Миля звенящим от сдерживаемого гнева голосом.

Не подозревая подвоха, Стас ухмыльнулся:

– Как что? Вооружаемся и идём их бить.

– Вооружаетесь? Ты же юрист! Это противозаконно! – недоверчиво сказал товарищ Стаса.

– Ну, не вооружаемся, но бить их бьём! До крови!

Миля умел драться, ему не раз приходилось лупить обидчиков. Он сжал в карманах кулаки:

– Говоришь, бьёшь евреев? Вот я еврей. Хочешь, ударь меня здесь. Но я предлагаю другое: встретиться и на равных побороться. Докажи, что ты сильнее меня. А может так случится, что я окажусь сильнее и сам накастыляю тебе по шее. У меня это хорошо получается. Что же ты молчишь, вояка? Или онемел от страха?

Стас оторопел:

– Да я вовсе не то имел в виду! К чему нам драка? Мы же студенты! Я не собираюсь вылетать из института.

– А бить слабых можешь? – Миля схватил Стаса за лацканы пиджака.
– До крови! Врёшь ты всё! Ты же трус! Скотина! Дать бы тебе как следует!

Стас молчал. Стоящие рядом студенты были потрясены: впервые на их глазах еврей давал отпор негодяю. Миля перевёл дух. Только что он сделал для себя маленькое открытие: на подлость нужно отвечать силой. Терпение и покорность порождают Гитлеров.

В пятьдесят восьмом Милий Гетман получил диплом и вместе с однокурсником Додиком Любарским, таким же «инвалидом пятой группы», был отправлен на работу в Куйбышевскую область, в отчаянно провинциальный Нефтегорск. Майор, оформлявший их дела, не заглядывая в документы, спросил:

– Во, мля, армяне понаехали! Вам что, Еревана мало?

– Мы не армяне, – сдерживая себя, сказал Миля.

– Ибаржанцы?

– Да нет, хуже! – встрял Додик.

– Хуже кавказцев не бывает. Во как! Это я хорошо знаю.

– А вы в документы гляньте, кто мы! – нагло сказал Миля.

Майор открыл паспорта и громко засвистел.

– Знаете, ребята, вы мне это не показывали, а я это не видел. Как вы только Юридический окончили? За деньги, наверное. У вас это хорошо получается. Хотя... быть милиционером... Есть должности и пожирней.

– Так что нам делать? – весело спросил Миля. Появилась перспектива вернуться в Ленинград со щитом.

– Езжайте-ка вы, ребятки, взад, а я напишу, что вакантных мест в области не оказалось.

Устроиться на работу в Ленинграде ребятам не удалось. У всех кадровиков был стандартный ответ: «В данный момент не требуются». Помог случай. Гуляли как-то они с Додиком Любарским по 1-ой стрелке Васильевского острова. Темно уже было. Вдруг смотрят: два балбеса нагло пристают к девушке. Сначала ребята прошли мимо: мало ли почему пристают? Может, она им нравится. И тут они услышали крик: «Помогите!» Выпускникам Юридического института второй раз эти слова повторять было не нужно. Они подлетели к тройце.

– Оставьте девушку, парни! – спокойно сказал Миля.

– Чего? – один из хулиганов оглянулся, оскалил зубы. – Валите, жиды отсюда, пока мы из вас не сделали то, что Адик не успел с вами сделать.

– Ишь ты, ретивый какой! – насмешливо бросил Любарский. – Про Гитлера вспомнил... Я сейчас тебе тоже кое-что напомним. Из истории. А ты знаешь, что еврей Давид сделал с Голиафом?

– Во, жидяра, сам на перо напрашивается! – Второй хулиган сунул руку в карман.

Не успели молодчики опомниться, как были уложены на тротуар двумя ударами в челюсть.

– Ну что, – нагнулся к ним Миля, – рассказать вам, чем окончилась история с Давидом и Голиафом?

– Не надо, – поморщился обладатель «пера», – всё и так понятно.

Когда к месту происшествия приехал милицейский газик, хулиганы были не опасней, чем дети, играющие в песочнице. Капитан долго жал руки молодым людям, скрутившим вооружённых бандитов, а узнав, что Миля и Додик к тому же ещё дипломированные юристы, правда, ныне безработные, обещал переговорить с главным комиссаром Ленинградской краснознамённой милиции товарищем Никаноровым на предмет устройства их на работу.

– Нам такие храбрые парни во как нужны!

Так Милий Гетман и Давид Любарский попали в уголовный розыск. Но и здесь не обошлось без курьёзов. Суровый кадровик глянул одним глазом на их документы и, бросив паспорта на столешницу, прихлопнул сверху пухлой ладонью:

– Извините, вы какой национальности? Это я для порядка спрашиваю. Это вам не у Пронькиных, министерство внутренних дел, как никак.

– Там всё написано.

– А без этой официальщины можете мне сказать? Вот имя у вас какое-то странное: Милий. Литовец, что ли?

– Нет, не литовец. А имя – обыкновенное. Был такой композитор, Милий Балакирев. Слышали?

– Да уж не дурнее вас буду! Так он разве еврей?

– Кто?

– Милий этот ваш.

– Вот видите, – вздохнул Додик, – а говорите, без официальщины.

– Ладно, парни, не обижайтесь, работа у меня такая. Сволочная, по сути... Ну, а по традиции, не мешало бы отметить начало вашей службы. Как молодёжь на это смотрит?

Новоявленные сотрудники УГРО смотрели на это положительно.

Владимир Луцкер

Луцкера-младшего назвали Владимиром случайно. Родители его были родом из Белоруссии. Дедушка Хаим-Зеев считался святым человеком, цади́ком, праздновал все праздники, соблюдал субботу и, как мог, помогал нуждающимся. Дедушку убили во время петлюровского погрома. Осталась вдова с пятью детьми – мал мала меньше. Среднему, Ошеру, или, как его называли в семье, Оське, едва исполнилось тринадцать. По еврейским понятиям, уже мужчина, жениться может. Но Оська не стал дожидаться невесты – сбежал из дома. Сначала он работал в какой-то мастерской, потом поступил учиться в Политехникум, а так как от природы был толковым парнем, быстро пошёл в гору, устроился на завод в Ленинграде и дослужился до главного инженера. За эти годы он успел жениться, забрал из местечка маму с братьями и родил сына. Когда пришло время дать имя новорождённому, возникли споры. Отец желал назвать первенца Отто – в честь знаменитого полярника Шмидта. Бабушка Рейзл смертным боем билась за то, чтобы малышу дали имя её покойного мужа:

– Я не прошу Хаим, но Зеев вы же можете записать в метрике!

– Мама! – возмущался новоявленный отец. – Ну, кто сейчас даёт такие имена? Мы же не в местечке!

– Что ты понимаешь! Такое красивое имя! У нас в роду все первенцы были Зеевы.

Молоденькая Соня, мама новорождённого, предложила компромисс:

– Зеев – это на древнееврейском. А на идише Вольф. Пусть будет Волик, Володя.

Бабушка поразмыслила и согласилась. Отец остался доволен: сын будет носить имя вождя революции.

Во время войны Луцкер-старший, считавшийся самым грамотным в роте, был назначен политруком. Можно было только себе представить, что могло бы произойти с бойцом Красной Армии – коммунистом, замполитом и евреем, если бы он оказался в плену! К счастью, Ошер Хаимович, к тому времени ставший Осипом Ефимовичем, к немцам не попал, а наоборот, бил их так, что, в конце концов, получил орден Красной Звезды.

Волик Луцкер рос, как все еврейские дети: в меру битым, в меру оскорбляемым.

– А Петька сказал, что мы боженьку мучили, – жаловался он родителям.

– Дурак твой Петька, боженька их тоже из евреев будет! Только этого Петьке не говори. Ещё не так поймёт.

– А почему говорят, что евреи Ленина убили?

– Да, Фанни Каплан была еврейка. Но вот кто её послал – ещё вопрос. Среди эсеров было много русских. Так что...

Со временем Волик научился давать сдачи, и если случалась драка, он старался до прихода мамы привести в божеский вид свою физиономию.

По выходным к ним в гости приходили младшая папина сестра Дора с мужем Монеи. Монея вернулся с войны без руки, носил тяжёлый протез с чёрной перчаткой – Волик в детстве даже боялся его. На стол ставилась бутылочка молдавского вина «Лидия», мама подавала свой знаменитый холодец, сваренный из телячьей ноги, селёдочку с нарезанным кольцами луком и *кнышики* с картошкой. Все ели и нахваливали мамину стряпню. Потом начинались разговоры. Времена были непростые, еврейские врачи обвинялись в государственной измене.

– Ой, что я вам расскажу! – Раскрасневшаяся от вина Дора всплёскивала полными руками. – Пошли мы с Монеи в кино...

– Да, – подхватывал Монея, – на «Заставу в горах», в «Баррикаду» на Невском.

– Да подожди ты, – обрывала мужа Дора. – Дай мне дорассказать, ты не умеешь. В общем, какой-то тип начал приставать к двум несчастным еврейкам, мол, это вы, жида, хотите нашего Сталина отравить и всех нас тоже свести в могилу. Эти дамы, такие порядочные, видно, что культурные, в шляпках, чуть не плачут. А мой тут и говорит мне: «Нет, я так этого не оставлю! Я не позволю этому хаму обижать бедных женщин!» Я говорю Моне: «Ну куда ты лезешь со своим протезом? Посмотри на этого жлоба! Он же тебя в бараний рог скрутит!» А Моне мне: «Скрутит? Хочешь посмотреть, как он у меня запляшет?» Подходит к нахалу и просит его прекратить безобразия! А тот говорит: «Да пошёл ты, жидяра...» И посылает Монею, даже стыдно сказать куда...

Моне, наконец-то удалось вставить:

– Вот тут я не выдержал и как дал протезом ему по груди...

– Ой, родственники, если бы вы видели эту картину! – снова вмешалась Дора. – Тот хулиган упал, стал орать, все вокруг столпились. Какое там кино, тут своё кино намечается! Пока этих несчастных евреек оскорбляли, милиция в носу ковырялась. А как только этот алкаш получил в лоб, сразу

же двое нарисовались! И что вы думаете, нас всех загребли в отделение... Я Моне говорю: «Вот к чему приводит твоё упрямство! Сейчас срок припаяют!»

– И что, – спрашивала мама, – припаяли?

– Нет! – гордо кричал Мونها, стуча кулаком по столу. – В милиции тоже порядочные люди работают! Отпустили нас, а того гада оставили! Я так думаю – суток десять ему дадут.

В пятьдесят шестом, в год Синайской компании, Володе исполнилось шестнадцать. Обсуждения за родительским столом стали жарче. Мونها с Дорой восхищались армией Израиля, спорили с папой, который приводил какие-то дурацкие доводы из «Правды».

– Соня, ну объясни своему мужу, что сейчас другие времена. Сталина вот уже три года как нет, а он всё боится! Да и потом, Израиль воюет против египтян, а египтян поддерживают англичане. Значит, это в интересах Советского Союза – натянуть британцам нос!

– Откуда вы всё это знаете? – удивлялся Луцкер-старший. – Политзанятия посещаете?

– Ну и наивный ты, Осенька! Правильные газеты читать нужно. А ты вот без своей «Правды» жить не можешь! – возмущалась Дора.

– Сходи-ка лучше в Публичку, Оська! – гудел Мونها.

Разузнав у дядюшки, что речь идёт об английской «Таймс», Володя явился в библиотеку на Фонтанке и часа два рассматривал, не умея толком читать по-английски, фотографии бородатых израильских солдат, рисующих что-то прутиками на песке Синайской пустыни. Его сердце распирала гордость. «Откуда, откуда это во мне? – пытался разобраться в себе Володя. – Почему я люблю этих парней, словно они мои братья?»

– Чудак! – сказал ему приятель Сенька Крейн. – Ты такой же еврей, как и они. И я такой же.

– Да, по документам это так. Но я ничего не знаю об евреях. Ни истории, ни культуры, ни языка.

– А кто тебе мешает? Можно найти книги, статьи...

– Это не я чудак, а ты! Где в нашей стране я смогу это найти?

– Есть люди, у которых всё можно достать. Просто ты не интересовался.

– Ну, хорошо, а язык?

– Вот с языком хуже. Нужно искать преподавателей.

Так они попали к Вере Ильиничне. Она оказалась симпатичной толстушкой с ямочками на щеках. Нашли её ребята на кафедре семитологии Института восточных языков, где Вера заканчивала аспирантуру и писала диссертацию по арамейскому языку. Казалось удивительным, что такая молодая, не лишённая приятности и обаяния девушка, к тому же русская, взялась изучать семитские языки. Потом она им рассказала, как рыдала, когда её не взяли на отделение Африки, как хотела бросить институт. Слава богу, не бросила, а теперь не просто привыкла... «Полюбила, да-да, полюбила этот ваш иврит. Он такой образный, метафоричный. Я просто в восторге!» Вера Ильинична не стала расспрашивать ребят, для чего им иврит, и сразу же предложила заниматься.

– Только учтите, молодые люди, учебник у меня один, он мне самой нужен. Так что придумайте, как вы будете размножать материалы.

Эта женщина поистине оказалась кладом. Мало того, что она прекрасно знала несколько семитских языков, не боялась начальства и не расспрашивала лишнего, она оказалась удивительно бескорыстной. Услышав вопрос, сколько они должны платить ей за уроки, Вера возмутилась:

– Что вы, мальчики! Чтобы я брала деньги у евреев за изучение собственного языка?

ТАТЬЯНА КОРЕНЕВА

Антоновка

Рассказ

Мама умирала долго, мучительно. Варина кровать стояла в углу комнаты. Уткнувшись в подушку, она слышала приглушенные стоны и невыносимый скрежет зубов. Днем мама отправляла Варю то погулять, то в магазин, то к соседке за солью. Варя громко хлопала дверью, чтобы мама слышала, а сама закрывалась в ванной, давая волю слезам. Умирать маму отвезли в глухую деревню новгородской области в отчий дом. В доме жила её старенькая мать с невесткой Анной, женой маминого брата, погибшего в первые дни войны. Варе она приходилась крестной матерью. Статная, гордая, вдовой прожила всю жизнь в семье мужа.

Был конец июля. За домом в саду, под развесистой яблоней, осенней антоновкой, поставили железную кровать, постелили матрас, набитый свежим пахучим сеном, взбили подушки, с терпким запахом гусяного пера, покрыли разноцветным лоскутным одеялом, сшитым бабушкой в молодости себе в приданое. Рядом топчан с водой и медный таз у кровати. Мама, худенькая, истощенная, похожая на седую девочку, неподвижно лежала с открытыми глазами. Варя не знала, что мама всегда красила волосы, что она рано поседела. Её каштановые, волнистые, густые волосы всегда были подняты гребешком за ухом с одной стороны и спадали волной на лицо с другой стороны. Когда радовалась, то рукой откидывала назад спадающие пряди, заразительно смеялась. Когда сердилась, то склоняла голову, прикрывая взгляд завитушками. Маму звали Александрой в городе, Шуркой в деревне.

– Гляньте, Шурка наша, красавица городская, приехала, – громко кричала соседская баба Фекла, когда мама, хоть и редко, но появлялась в деревне.

Мама не разговаривала. Иногда, преодолевая страх, Варя садилась на краешек кровати, ждала её взгляда, но она оставалась неподвижной. Смотрела ли она ввысь, в проблески неба, мелькающие между веток яблони, или просто впадала в оцепенение, Варя понять не могла. Ближе к вечеру начинался приступ удушающего кашля, стихающего после первых петухов.

В конце августа мама умерла. Тихо, во сне. Не поговорили.

Накануне ей исполнилось сорок лет.

Варя пошла в шестой класс, брат в первый. До школы Варя жила в деревне у бездетной маминой сестры. Родилась слабенькой, из болячек не вылезала. Врачи советовали свежий воздух и парное молоко. Тетку Любу полюбить не смогла. Вечно недовольная, замотанная тяжелой крестьянской работой, она не знала, как быть с маленькой девочкой, покрытой коростой. От зуда и расчесанных болячек Варя капризничала, плохо спала. А вот Василия, её мужа, Варя полюбила сразу. Весельчак с кудрявой головой принял Варю как родную. Баловал, оберегал, поил травяными настоями, обтирал барсучьим жиром Варину зудящую кожу, до крови расчесанную. Ночами качал на руках, когда поднималась температура, тихо пел ей песни, военные, других не знал. Рассказывал сказки. Маленькая Варя верила, что малину из леса для неё приносит знакомый зайчик, что орехи белочка из своего дупла насыпала Василию в карманы, а ежик на колючках носил грибы в корзину, пока Василий собирал хворост в лесу. Зимой Василий возил Варю в лес. Закутывал в лохматый, овчинный тулуп, сажал на ворох сосновых веток и шел рубить сухие деревья. Варя играла в куклы, умело сплетенные из соломы и мешковины руками Василия. Запах смолы и хвойных веток для Вари навсегда остался запахом детства. Летом катал на телеге, ездили то на сенокос, то на дальние пастбища, пасти скот. Варя была под присмотром Индуса, огромного рыже-черного кавказского пса. В полуденную жару на пастбище она часто засыпала под сенью деревьев в обнимку с Индусом, пока пес осторожно зализывал её ушибы и ссадины.

Василий был единственным гармонистом во всей округе. Его звали на свадьбы, похороны, деревенские праздники. Песен знал много, все про войну. Выпивал чарку самогона, смачно ругался и, во всю ширь растягивая гармошку, пел густым хриплым голосом. А когда пел: «Давай закурим, товарищ, по одной», – то непременно плакал. По его бугристым скулам текли слезы. Толстые линзы запотевали. На войне Василий потерял зрение, врачи частично смогли вернуть, но без очков почти не видел. Смахивал слезы, шел в погреб за бражкой. Тетка бранилась. Василий уходил в запой.

Варю забрали в город, когда родился брат. Нужна была нянька. Отец все чаще лежал в больнице. Военная контузия давала о себе знать. Возвращался молчаливым, отстраненным, недоступным для Вари. Ей

было неловко рядом с отцом. Сравниться с Василием он не мог. Мама крутилась как могла между семьёй и работой. Руководила бухгалтерией в порту, иногда сутками не бывала дома, если баланс не сходился, а время поджимало.

Варя пошла в школу, одну из лучших в городе. Дни заполнились английским, танцами, спортивной гимнастикой. С мамой Варя так и не сблизилась. Веселой, громкой мама была на людях, а дома больше молчала. Для Вари она была недоступна. Отец часто устраивал ссоры, упрекая маму за новое платье, яркую помаду и восхищенные взгляды мужчин, смотрящих ей вслед.

Однажды приехала бабушка из деревни, мамина мама. Варя возвращалась из школы. Подойдя к двери, услышала крики и ругань. Бабушка и мама так кричали, что Варе стало страшно.

– Лучше бы ты меня убила тогда. Я помню каждую минуту с ним рядом, я засыпаю с мыслями о нем. Не терзай мою душу своим непощением и нелюбовью, – чеканя каждое слово, кричала мама.

Варя убежала. Сначала металась по двору, потом забилась в дальний угол. Ночью отец нашел Варю, спящую под кустом жасмина. Бережно прижал к себе её заплаканное личико, что-то стал бормотать, расплакался. Варя ладошкой стирала слезы с его лица.

– Прости меня, прости. Теперь я знаю, ты моя, родная.

Утром бабушка уехала.

Вскоре мама попала в больницу. Из тогда подслушанной ссоры Варя поняла, что мама смертельно больна.

Прошли годы. Варя приехала в деревню прощаться с умирающей Анной, своей крестной. Перед смертью Анна исповедовалась, причастилась у местного батюшки и велела Варе приехать. Рассказ она начала с тех времен, как выходила замуж семнадцатилетней девчонкой за родного брата Вариной мамы. Первого июня сыграли свадьбу, а в конце июня он ушел на фронт. Погиб в сорок первом. В девяносто лет умирающая крестная, оставаясь в разуме и памяти, рассказывала так, будто все случилось недавно.

– Не сердись детка, на свою мать. Знаю, как несладко сложилась твоя судьба, знаю, как мало досталось тебе материнского тепла. Прости её за все.

Анна начала свой рассказ.

– Под образами клялась я твоей бабушке молчать, никогда и никому не рассказывать эту историю. Теперь пришел срок. Господь дал мне знак, что освобождает меня от зарока. Да уж теперь-то что. Все давно на кладбище.

В сорок третьем году немцы окружили Старую Руссу и до нас дошли. Только бабы с детьми, да старики остались. Кто мог, в леса ушли партизанить. Мамке твоей шел семнадцатый год. Немцы в нашей избе штаб устроили. Мы с бабушкой твоей, да Александра – мамка твоя, да сестра Любка жить стали в бане, что за садом у колодца стояла. Ну, ты помнишь нашу старую баню. Трое самых главных в доме устроились, а молоденький солдатик, щупленький такой, белобрысый, улыбочивый, на побегушках у них, в сенях поселился. Бабка твоя прислуживала им, печку топила, кормила, избу убирала. Немцы были хоть и в форме, но вели себя как-то не по-военному. Фронт был за Русой, ближе к Новгороду. А эти немцы остались охранять захваченные земли. Пили самогон, пели песни, в соседской бане парились. Вроде как уставшие уже были от войны, почитай три года как воевали. У них же и семьи свои остались, дети – поди, скучали по дому-то. От нечего делать дрова кололи, на двух оставшихся в деревне лошадях скачки устраивали. Стреляли только в кур да свиней, ели досыта. Месяца два, а может, и три, уже забывать стала, они в деревне простояли.

Так вот, веду я как-то козу с поля и слышу в бане нашей крики. Испугалась. В окошко заглядываю, а там на полу мамка твоя корчится.

– Мама, он хороший, он никого не убивал, он не хотел на войну идти. Мама, он спас меня, когда лодка перевернулась, меня течением унесло. Он меня любит, мама...

А свекровь хлещет её поленом куда попадая.

– Как посмела, тварь гуляющая, под немца лечь. Эти гады брата твоего убили, нас пришли убивать. Ишь чего захотела. Не дам тебе родить вражину на свет белый, не дам род опозорить, сама тебя убью.

Я козу бросила, вскочила в баню. Кровь у мамки хлещет по ногам, по всей бане разливается. Я еле успела полено перехватить над самой её головой. Ведь убила бы. Смотрю, не шевелится Александра, обмякла, без чувств лежит. Оттащила свекруху, за дверь вытолкала, велела бежать за бабкой отшельницей, что на горе живет. Она-то и выходила мамку отварами да молитвами. Через неделю наши стали наступать. Немцы

ночью спохватились, в исподнем из домов выбежали, на мотоциклы прыгнули, помчались прочь. Да где уж им было бежать, всех и порешили.

Свекровь тогда мне пригрозила:

– Проклян, если кому расскажешь.

Обещала. Молчала. А теперь чего уж. Все на том свете. Скоро с ними свижусь.

Анна замолчала, вроде как устала. Прикрыла глаза. И тихо так произнесла:

– Видела я их. Этот немец тщедушный залез на яблоню, что в саду самая раскидистая, антоновка наша. Яблоки срывает, вниз кидает. Александра, совсем еще девчонка, косы поправляет, яблоки ловит, надкусывает, да так звонко смеется, что вроде и войны нет, а только спас яблочный, да сок сладкий на устах.

26.06.2025

АННА РЕМЕЗ

Кто я теперь?

Рассказ

Мамин телефон опять заиграл. Ника насупилась. Зачем звонить, когда мама читает ей книжку? Неужели кто-то там, в телефоне, не может подождать? Мама убежала на кухню, а Ника перевернула страницу. На картинке был нарисован рыжий кот с удочкой.

– Мамаааа! – крикнула Ника, – иди почитааай!

– Сейчас, подожди, – крикнула в ответ мама и не пришла.

Тогда Ника слезла с кресла и сама понеслась к маме со всех четырех лап. Она выглянула из-за угла и спросила:

– Мама, кто я теперь?

Но мама стояла спиной к двери и не могла видеть, в кого превратилась ее дочка.

– Ты только не волнуйся, – говорила мама кому-то в телефоне, – шерсть облезет и отвалится... Подожди пару дней. Ну что делать, такой возраст!

– Я кто теперь? – крикнула Ника погромче.

– Лечучая мышь? – оговорила мама, не оборачиваясь, и продолжила в телефон, – ну и пусть воет. Выть – это же так здорово! Вспомни себя в детстве...

– Мама, – засмеялась Ника, – не лечучая, а летучая! Не угадала, не угадала!

Но маме было почему-то совсем не до Ники.

Ника сбегала обратно в комнату, схватила в зубы меховую мышь, которую ей подарили на день рождения, и вернулась.

– Хо я фефе? – крикнула она очень громко, не выпуская изо рта добычу.

Мама обернулась.

– Ой! Откуда он, Ника?

– Мама, это я, – ответил рыжий пушистый кот Никиным голосом.

– Ах это ты... Опять я попалась. Ну что ты меня пугаешь, Ника! Иди, превратись обратно. Когда я была маленькой, я никогда так не пугала свою маму.

– Но ты же превращалась в лягушку?

– Только когда бабушка Ася не видела.

– А я превращусь в рыбу!

– Нельзя. Рыбы не могут жить без воды.

– А я в ванне буду.

– Ника, ну ты ведь уже большая девочка, сколько можно говорить, что нельзя превращаться в рыб, в мошек, в жуков! Это опасно. Помнишь, как ты упала в ящик с игрушками и не могла вылезти?

– Я тогда буду кроликом.

– Ладно. Вот тебе капустный лист, похрусти, это полезно. Но сначала лапы вымой!

ЕФИМ ЗАЙДМАН, АНЖЕЛА БЕЛЕНКО

В тени Рауля Валленберга

Наследница по прямой (вместо предисловия)

Вторая мировая война. Холокост, истребление евреев, спасение евреев, Праведники народов мира... Я не историк и не журналист, а воспитатель детского сада на пенсии. Но при этом — наполовину еврейка, а ещё — жена своего мужа, вернее, вдова, хотя не могу в это поверить до сих пор.

В 18 часов 35 минут 22 декабря 2017 года моя жизнь повернула резко на девяносто градусов и пошла новым путём. И я приняла все незавершённые дела своего мужа, Ефима Зайдмана, ставшего жертвой ДТП. Среди всего прочего были материалы для задуманной им книги об эсперантистах прошлого века, Праведниках народов мира супругов Вальдемаре и Нине Ланглет, шведских подданных.

А. Беленко

Часть 1

Архивы, документы, воспоминания...

Интернет-аукцион штат Нью-Гэмпшир, США²⁰

Информация об аукционе / Название аукциона:

Изысканные автографы и артефакты

Даты: #661 – Окончание 12 апреля 2023 г.

Лот 121

Продано за: 7499 долларов США

Включает премию покупателя

Buy a third-party letter authenticity for (inquire for price)

Оценка: \$6000+

²⁰ [This item is Pre-Certified by PSA/DNA](#)

Описание:

Чрезвычайно редкое «защитное письмо» Шведского Красного Креста 1944 года от Вальдемара Ланглета, который вдохновил Рауля Валленберга.

Вальдемар Ланглет – шведский издатель, переводчик, полиглот, журналист и один из первых эсперантистов (1872–1960). Вместе со своей женой Ниной Боровко-Ланглет в Будапеште он спас многих евреев от Холокоста, предоставив шведские документы, в которых говорилось, что люди ожидают шведского гражданства. Рауль Валленберг был вдохновлен Ланглетом и использовал тот же метод для спасения евреев, когда приехал в Будапешт.

Удивительная датированная Второй мировой войной «Защитная грамота», или «Пропуск Шутца», паспортная книжка, выпущенная Шведским Красным Крестом и подписанная Вальдемаром Ланглетом²¹. Паспорт в твердом переплете, 4,25 x 6, восемь страниц, пронумерованный

²¹ <https://www.rrauction.com/auctions/lot-detail/346877406610121-wallenbergs-inspiration-valdemar-langlet-signed-document/>

«КМ 107/944», был выдан Арпаду Роттеру и его жене Илоне из Будапешта 8 августа 1944 года. Документ с текстом на венгерском и немецком языках, в частности, гласит: «Мы подтверждаем, что Арпад Роттер и его жена имеют шведские интересы. Мы обращаем внимание, что вышеназванные находятся под защитой Шведского Красного Креста». Подписано в конце перьевой ручкой: Ланглет. На второй странице размещены две фотографии Роттеров, поставленные рядом, которые были проштампованы и оттиснуты Красным Крестом. На четвертой странице также указаны личные данные пары, такие как даты рождения, место жительства, рост, цвет волос и глаз. Срок действия защитного письма истекает 8 апреля 1945 года. В хорошем состоянии, с потертостями на обложке и трещинами на корешке, внутренние страницы не повреждены.

(машинный перевод с англ.)

Музей Холокоста Яд ва-Шем

В архиве библиотеки израильского музея Холокоста Яд ва-Шем хранятся документы Праведников Народов Мира. Среди них с 1966 года – Дело №101, 160 страниц светокопированных документов супругов Вальдемара Ланглета и Нины Боровко-Ланглет²². Все документы (справки, вырезки из газет, рукописи, письма) – на шведском, иврите, английском языках. Последний документ – электронная переписка на русском языке:

*«Дорогая Катя ... я сейчас “раскручую” историю жизни **первой** (по моим данным) **русской ПНМ**²³ Нины Лянле (Швеция, присвоено в 1966 г.) Буду благодарен за информацию о точной дате присвоения (в этом году – 40 лет) и точной дате и месте её рождения. Она уехала из СССР (из Москвы) к жениху в 23 или 24 и, м. б., сохранила советское гражданство.*

Если можно выслать нам копии основных документов дела – буду благодарен...»

*«...Привет, Илья, я нашла интересующее тебя дело, у нас оно называется *Valdemar and Nina Langlet*. Посылаю краткое описание истории спасения. Кроме того могу сообщить, что Нина родилась 29.8.1896. Девичья её фамилия Боровкова. Но где конкретно родилась, не написано. 23.5.66 в Яд Вашеме прошла церемония в её честь, и Нина посадила дерево.*

²² <https://drive.google.com/file/d/1O3g6J6yNK4ptaysbH9MprH-rxglyPmdw/view?usp=sharing> – ссылка на Дело № 101

²³ ПНМ (сокр.) – праведница народов мира.

Материала в Деле очень много, все на иврите и на шведском. Я бы посоветовала тебе сначала посмотреть её книгу (название в прилагаемом описании. Может, там написано всё, что ты ищешь. Надеюсь, она переведена хотя бы на английский. В деле книги нет. В нашей библиотеке я не проверяла. Если надо – проверю...»

Page 1 of 1

גוסארוב קטיה

101
Langlet

מאת: גוסארוב קטיה

תאריך: 14:56 2006 ספטמבר 25 שני '06

אל: 'Holocaust Foundation'

נושא: RE: Langlet

Привет Илья,

Я нашла интересное тебя дело, у нас оно называется Voldemar and Nina Langlet. Посылаю краткое описание истории спасения. Кроме того могу сообщить, что Нина родилась 29.8.1896. Девичья ее фамилия Боровкова. Но где конкретно родилась не написано. 23.5.1966 в Яд Вашеме прошла церемония в ее честь, и Нина посадила дерево. Материала в деле очень много, все на иврите и на шведском. Я бы посоветовала тебе сначала посмотреть ее книгу (название в прилагаемом описании). Может там написано все, что ты ищешь. Надеюсь, она переведена хотя бы на английский. В деле книги нет. В нашей библиотеке я не проверяла. Если надо - проверю.

привет Терушкину и его супруге.

Катя

-----Original Message-----

From: Holocaust Foundation [mailto:center@holofond.ru]

Sent: Friday, September 22, 2006 10:26 AM

To: אִילְיָהוּבָּא דֵּעֵיל

Subject: Re: Shana tova

Дорогая Катя! Взаимно! ты - настоящая Праведница, так держать.

А это поздравление победило в нашей номинации "Лучшая шутка нового года".
Твой Илья

P.S. Я сейчас "раскручую" историю жизни первой (по моим данным) русской ПНМ Нины Лянле (Швеция, присвоено в 1966г.). Буду благодарен за информацию о точной дате присвоения (в этом го ду - 40 лет!) и точной дате и месте ее рождения. Она уехала из СССР(из Москвы...) к жениху в 23 или 24 г. и м.б. сохранила советское гражданство.

Если можно выслать нам копии основных документов дела - буду благодарен.

Russian Research and Educational "Holocaust" Center

Ul. Sadovnicheskaya 52/45

115035 Moscow, Russia

Tel: +7-495-953 33 62

Tel/Fax: +7-495-951 58 76

e-mail: center@holofond.ru

homepage: www.holofond.ru

Праведники народов мира №101 (историческая справка):

Будапешт, 1944 год

Весной 1944 года Германия оккупировала Венгрию. Началась массовая депортация евреев в лагеря смерти. Из примерно 800 тысяч венгерских евреев около 565 тысяч были уничтожены. В этой обстановке в Будапеште разворачивалась деятельность немногих дипломатов, гуманитарных

работников и частных лиц, которые старались спасти людей, обречённых на гибель.

Среди этих немногих были Вальдемар Ланглет и его жена Нина.

Кто такие Вальдемар и Нина Ланглет?

Вальдемар Ланглет (1872–1960 гг.) — шведский журналист, преподаватель и филолог. С 1932 года он работал в Будапеште как преподаватель шведского языка в Университете, корреспондентом шведских газет, а в годы Второй мировой войны возглавлял венгерское отделение шведского Красного Креста.

Нина Ланглет (урождённая Боровко, 1896–1980) – русская эмигрантка, о биографии которой известно немного. Основной источник информации – воспоминания Вальдемара и архивы Яд ва-Шем. Она была его женой и активной помощницей в спасательных операциях.

Спасательная деятельность

С весны 1944 года супруги Ланглет начали использовать связи с дипломатами, Красным Крестом и нейтральными государствами для организации помощи евреям. Их действия включали:

— выдачу защитных писем (schutzbrief) от имени Красного Креста или от имени Швеции, которые помогали евреям избежать ареста или депортации;

— организацию убежищ: квартир и домов, где скрывались преследуемые;

— раздачу продовольствия и медикаментов;

— письменные и устные обращения к властям с требованием прекратить преследование тех, кто находился под защитой международных организаций.

Вальдемар имел официальный статус представителя шведского Красного Креста и использовал его для легитимации деятельности, однако именно Нина Ланглет, как свидетельствуют мемуары, часто осуществляла доставку помощи и лично сопровождала беженцев.

Масштаб помощи

По оценкам историков и по данным Яд Вашем, супруги Ланглет спасли сотни, а возможно, и тысячи человек. Их деятельность происходила параллельно с миссиями других праведников – Рауля Валленберга,

швейцарца Карла Лутца, итальянца Джорджо Перласки, испанца Анхеля Сан-Брица.

Ланглеты работали в условиях постоянной угрозы. Они находились под наблюдением гестапо и венгерской фашистской партии «Скрещённые стрелы». Тем не менее, они не прекратили свою миссию до самого освобождения Будапешта в феврале 1945 года.

После войны

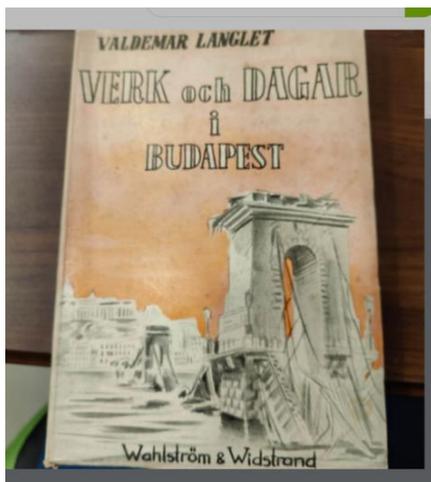
В мае 1945 года супруги вернулись в Швецию. Вальдемар Ланглет опубликовал воспоминания «Jag såg Budapest dö» (в пер. со шведского — «Я видел смерть Будапешта»), в которых описал ужасы Холокоста и усилия по спасению жизней.

После смерти мужа Нина написала и издала на шведском языке книгу «Хаос в Будапеште», которая переведена на несколько языков, в т. ч. на эсперанто.

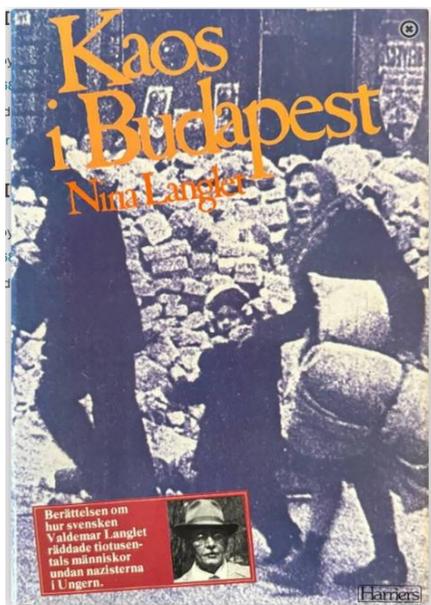
В 1965 году израильский мемориал Яд Вашем присвоил Вальдемару и Нине Ланглет почётное звание Праведников народов мира. Их имена выгравированы на Стене Чести в Аллее Праведников в Иерусалиме, во время церемонии Нина посадила дерево.

Праведники народов мира Нина и Вальдемар Ланглет

Waldemar Langlet. Verk och Dagar i Budapest
Wahlström & Widstrand
Стокгольм ,1946

Langlet Nina «Kaos i Budapest»
Harrier, 1982

Значение

Супруги Ланглет оставили после себя наследие не громких политических лозунгов, а тихого героизма, основанного на совести, милосердии и глубоком уважении к человеческой жизни. Их история — часть общего морального сопротивления, которое стало яркой страницей в мрачной хронике Второй мировой войны.

Источники:

1. Архив Яд ва-Шем: Вальдемар и Нина Ланглет (Waldemar and Nina Langlet)
2. Langlet, Waldemar. Jag såg Budapest dö, 1946 (Впервые опубликовано под названием Verk och Dagar i Budapest издательством Wahlström & Widstrand, Стокгольм, в 1946 году)
3. Paul A. Levine, Raoul Wallenberg in Budapest: Myth, History and Holocaust
4. David Kranzler, The Man Who Stopped the Trains to Auschwitz
5. Исторический отдел Шведского Красного Креста
https://hu.wikipedia.org/wiki/Valdemar_Langlet
<https://skbl.se/en/article/NinaLanglet>
<https://divany.hu/offline/haboru-ember-mentes/>

Наследница по прямой (продолжение)

Когда я приступила к разбору материалов, которые Ефим Зайдман собирал много лет для будущей книги, меня не удивила тема, и герои были хорошо знакомы. Часто, очень часто я слышала историю супругов Ланглет от своего мужа. Поэтому, подготавливая к изданию книгу о нем самом, я включила в неё главу и о Вальдемаре с Ниной, и о некоторых других эсперантистах прошлого века, благодаря которым Ефим с гордостью называл себя «эсперанто-историком» и «изыскателем».

Я ещё не знала тогда, что эти герои прошлого меня так просто не отпустят, что, переехав в Израиль, я начну свои собственные изыскания, дополняя фактами и документами уже существующие материалы.

Продолжение статьи о Праведниках народов мира, супругах Вальдемаре и Нине Боровко-Ланглет, ожидается в 19-ом номере журнала «Сонар». Вас ждут так называемый приквел, который возвращается назад, чтобы раскрыть предысторию персонажей и событий, и сиквел, который продолжит уже существующий сюжет.

ЮРИЙ РОЗИН, ЛЕОНИД ШТЕРНБЕРГ

Как сионисты Палестину спасли, или с чего начинается Родина

*Ничтожный островок в сухой пустыне
Евреи превратить сумели в сад,
И чудо это всажено отныне
В арабский гордый ум, как шило – в зад.*

Игорь Губерман «Гарики»

Известная экоактивистка Грета Тунберг обвинила Израиль в уничтожении окружающей среды, повлекшим за собой ухудшение климата Земли, не указала, в чём это выражается, но заявила, что это связано с геноцидом палестинцев в Газе. В общем, без победы над Израилем борьба за климат невозможна.

Фактически она умудрилась возложить вину за изменение климата Земли на страну, занимающую менее 0,015% площади суши, с населением около 0,12% населения Земли и практически не имеющую тяжёлой и химической промышленности. Интересно, как может быть связано изменение климата с Израилем и с палестино-израильским конфликтом? Известно, что Тунберг психически больна, но ведь никто из мировой экологической тусовки не возразил.

Проблемы экологии есть везде, в Израиле в частности. И разные страны и народы подходят к проблемам по-разному. Есть разница и между еврейским и арабским подходом к экологии Израиля. И эта разница явно показывает, кому эта земля родная. И независимо от бреда Тунберг, здесь есть, что сравнить, ибо подход диаметрально противоположный.

С чего начинается Родина

Каждый из двух народов – евреи и палестинские арабы (назовем их «палестинцами») – называет эту землю своей родиной и дает свою версию истории своего проживания в районе, называемом Палестина, она же «Земля обетованная» или «Святая земля». Невозможно измерить любовь к родине в каких-либо единицах, но ее можно оценить по отношению народа к природе родной земли. Слово «родина» предполагает родство с какой-то территорией, с которой связана жизнь конкретного человека. Практически любой человек любит свою родину, ее природа кажется ему красивой, на родину хочется вернуться.

«Земля, текущая молоком и медом»

В древние времена Эрец-Исраэль была покрыта густыми лесами, цвели сады с финиками величиной с куриное яйцо, оливковые рощи и ячменные поля давали фантастические урожаи – «земля текла молоком и медом». Об этом есть свидетельства древних историков и множество описаний из Торы (и ее перевода – Библии).

Археологи подтверждают, что «террасное земледелие» издревле использовалось сынами Израиля, оно включало строительство террас на склонах гор, цистерн для хранения дождевой воды и тоннелей для добычи подземных вод. Еврейский народ создал **гидрологическую культуру**, которая позволила развить сложное сельское хозяйство, орошаемые летом посевы. В римский и византийский период также строилось множество гидротехнических сооружений: развалины цистерн, террас, акведуков и оросительных каналов, следы других древних работ по сохранению почвы встречаются по всей территории Израиля.

Но арабов тогда здесь не было – они появились здесь только в 7-м веке. **Неизвестно ни одного гидротехнического сооружения, построенного арабами.** Арабы превратили «землю, текущую молоком и медом», в мертвую пустыню. Уже в начале XX в. Палестина представляла из себя каменистые пустыни и малярийные болота. Когда-то холмы Палестины были покрыты плодородными красноземами, защищены лесами, подлеском и террасами. Затем деревья были срублены, террасы заброшены, плодородная почва смыта дождем, и на полях остались только камни. Часть земли, смытой со склонов, осела в долинах, где ее обрабатывали до тех пор, пока она не была постепенно смыта и оттуда в эрозийные каналы; большая часть земли смыта в Средиземное море. Там мелкие частицы грунта уносились дальше в море, а более тяжелые пески накапливались у побережья и превращались в дюны. Они запрудили водные каналы, сделав прибрежные равнины смертоносными заболоченными землями, жителей которых постепенно искоренила малярия.

Сельское хозяйство в Палестине стало нерентабельным. Эта земля не в состоянии прокормить сотни тысяч дополнительных жителей – таков был в конце 1930-х и начале 1940-х гг. один из главных аргументов за ограничение еврейской иммиграции в Палестину и против создания здесь еврейского государства. Но 75 лет назад, в 1944-м, известный ученый в области сельского и лесного хозяйства У. К. Лоудермилк опубликовал книгу «Палестина, Земля обетованная», где развеял это предубеждение.

Увиденное им он назвал печальным свидетельством хищнической эксплуатации природы, которая еще более ускорила в XIX в.

Когда появились палестинские беженцы

Массовое бегство арабов со своих обжитых мест в Палестине произошло задолго до создания в 1948 году государства Израиль и до массового приезда еврейских поселенцев. Палестинские арабы смогли так угробить природу Палестины, вплоть до превращения ее в пустыню, что здесь стало невозможно жить. За всю историю Земли такого смогли достигнуть только несколько народов, и палестинцы в этом «достижении» далеко не последние. Это единственное «мировое достижение» палестинцев. Земли превращались в пустыню именно в процессе их варварского использования на уровне технологий каменного века.

Крупные города древности могли существовать только там, где производилось достаточно продовольствия для обеспечения их населения. Лоудермилк видит свидетельства лучшего прошлого: ***«Одним из ... свидетельств высокой плотности населения в прошлом является количество заброшенных деревень... Руины террас и следы других древних работ по сохранению почвы свидетельствуют о том, что нынешнее опустошение Палестины связано с ее разграблением, ненадлежащей эксплуатацией и пренебрежением, имевшими место в прошлых веках».***

Его вердикт в отношении сельского хозяйства арабских феллахов безжалостен: «...Замечательные красноземы смываются с холмов на прибрежную равнину и в Средиземное море, которое они окрашивают в коричневый цвет на всем видимом глазу пространстве. ... Подобная эрозия веками растранивала впустую заброшенные земли. По оценкам, после краха террасного земледелия с высокогорных районов Палестины было эродировано более трех футов (91 см) почвенного покрова».

Такою застали свою историческую родину евреи, когда в XX веке начали сюда возвращаться.

Когда в 1898 году кайзер посетил Палестину, он окинул взором бесплодный ландшафт и, по преданию, спросил: «Почему нет тени?» Евреи объяснили ему, что ***они не имеют права сажать деревья, поскольку земля принадлежит арабам.*** На что кайзер ответил: ***«Земля будет принадлежать тому, кто сажает на ней деревья».***

В приходе евреев в Палестину многие видели ее спасение.

Именно отвратительное состояние земель в Палестине помогло еврейским поселенцам выкупить у турок и арабов значительную часть земли для создания еврейского государства. Арабы с удовольствием, несмотря на неприязнь к евреям, продавали им земли малярийных болот, участки без воды, лишенные деревьев и плодородного слоя почвы, превращенные арабами в пустыню. Земля в этом виде арабам была уже не нужна, о чем говорят брошенные деревни.

В 1919 году на Парижской мирной конференции руководители делегаций арабов Фейсал I и сионистов Хаим Вейцман заключили соглашение о политическом будущем Палестины. Фейсал говорил: «Разумеется, нам надо, чтобы евреи приехали. Они приедут с большими капиталами из США и других стран, они привезут лучших ученых мира, ведь все выдающиеся ученые – евреи. И эта земля, которая сейчас в основном пустынна, превратится в цветущий сад. Мы попросим у них специалистов, будем работать вместе, и так все земли, которые мы, арабы, превратили в пустыни, вновь зацветут, как это было в прошлом».

Черчилль не был сторонником евреев и создания Израиля. И хотя Британский мандат напрямую обязывал Великобританию способствовать созданию еврейского государства в Палестине, при его правлении Великобритания перекрыла пути спасения евреям не только «в национальный дом» Палестину, но и в любую точку своей империи, над которой не заходило солнце.

Но даже он признавал огромную пользу, приносимую Палестине деятельностью евреев: **«У арабов нет причин быть противниками евреев. Евреи обеспечили развитие Палестины. ... Арабы живут теперь гораздо лучше, чем до прибытия евреев. ... Арабы обязаны всем, что они имеют, еврейской инициативе. Насилие со стороны арабов вызвано фанатизмом и завистью».**

На вопрос о грубой несправедливости по отношению к арабам Черчилль ответил: *«В чем заключается грубая несправедливость, если люди приходят и создают в пустыне пальмовые и апельсиновые рощи? В чем несправедливость, если создается все больше рабочих мест и богатств для каждого? ... Несправедливо, когда живущие в этой стране оставляют ее пустыней в течение целых тысячелетий».*

Как еврейские поселенцы возвращали Эрец-Израиль к жизни

Сегодня «Земля обетованная» – это горы в хвойных лесах, это утопающие в зелени города и множество цветущих парков. Израиль является единственной страной в мире, где количество лесов за XX век не уменьшилось, а выросло. Причем 95% из этих лесов посажено вручную. На одной из экскурсий экскурсовод показал, где проходит «зеленая черта» – черта была зеленой в прямом смысле этого слова: на израильской стороне была зелень лесов, а на арабской – голые камни.

120 лет назад, в 1901 году был создан «Керен кайемент ле-Израэль» (KKL – «фонд существования Израиля»). С его помощью евреи всего мира собирали деньги для выкупа земель для их освоения. Именно на этих землях появлялись первые поселения, кибуцы и мошавы. Эти земли не могут быть частной собственностью, а являются народным достоянием.

Поскольку выкупленные территории представляли собой безжизненные пустыни и малярийные болота, главной задачей KKL стало землеустройство: окультуривание почв для сельского хозяйства, озеленение, освоение пустынь, прокладка дорог, осушение болот. Фонд посадил более 250 миллионов деревьев, освоил 120 тысяч гектаров сельхозугодий, построил 200 водохранилищ и предприятия по очистке воды, возвращающие более 200 млн кубометров воды в год сельскому хозяйству. KKL обеспечивает уход за 160 000 га лесов, охраняет окружающую среду по всей стране. И все это делается на добровольные пожертвования.

Усилия сионистских фермеров по сохранению почвы Лоудермилк оценивает как сенсационные.

К началу XX века лес был практически «сведен под ноль»: его осталось всего 1,4 тыс. гектаров (!) на весь Израиль, что привело к губительной эрозии почвы – плодородный слой смыли дожди и сдули ветра. В итоге холмы превратились в пустыню, а долины – в гнилые, малярийные болота.

До 1948 года в лесах Израиля росло 4,5 млн деревьев, а в 1990-х годах их более 200 млн. Сейчас леса занимают 8% территории Израиля – рекорд среди ближневосточных стран. В Египте, где схожий климат, лесов всего 0,7%. Площадь лесов за 100 лет выросла с 1,4 тыс. га до почти 90 тыс.

Плодородие земли

До глобализации ценность земли определялась ее плодородием. Нефтью, сталью и интернетом сыт не будешь – нужно сельское хозяйство, которое даст и молоко, и мед. Но арабы постарались довести ценность

земли до нуля. И сионистам пришлось ее восстанавливать. Противники создания Израиля утверждали, что земля Палестины не в состоянии прокормить всех еврейских переселенцев.

Со стремительным ростом населения в Израиле возник острый дефицит продуктов питания, и в 1949 году были введены карточки, отмененные в 1952 году. К 1955 году страна вышла на уровень полного самообеспечения продуктами питания. В сельском хозяйстве Израиля занято 70 тыс. человек, каждый из которых кормит 100 человек (в России – всего 14,7).

Во многих странах, где проживали евреи, евреям запрещали владеть землей и обрабатывать ее. Поэтому среди еврейских поселенцев почти не было специалистов по сельскому хозяйству, животноводству, озеленению, агрономов, мелиораторов, экологов. Но они справились!

Зерно

Весь крестьянский опыт из Европы в этих условиях не годился – надо было найти, что будет расти тут, причем срочно. Революцию на земле сделал ботаник Аарон Ааронсон, первый дипломированный агроном из поселенцев. Он нашел в Верхней Галилее злак, в котором опознали древний сорт дикой пшеницы. Ученый мир ахнул: раз здесь когда-то что-то росло, значит, может расти. Евреи Америки собрали деньги, а ККЛ купил землю для опытной станции в Атлите, где Ааронсон определял, что где и как сажать. Сегодня твердые сорта пшеницы итальянцы отрывают с руками – они отлично подходят для пасты твердых сортов. В Израиле самые высокие урожаи кукурузы в мире – 311 ц с гектара. На 2-м месте Чили: 126 ц/га – в 2,5 раза меньше. Потери зерна не превышают 0,5 процента (в России до 20–30% – это «штатные потери»).

Овощи и фрукты

В Израиле урожай с одного гектара в 30 раз выше среднемирового. Компьютеризированные теплицы дают урожайность 500 тонн с га в условиях жаркого и засушливого климата. А в открытом грунте – 60–80 тонн. Израиль занимает одну из ведущих позиций в мире по производству семян и выведению новых сортов фруктов и овощей.

Молоко

Арабские стада черных коз стали настоящим экологическим бедствием. Они паслись где хотели, выедали траву до корней, и ничем не удерживаемый верхний плодородный слой почвы подвергался эрозии. Так страна превратилась в пыльную пустыню.

Коров было мало, и толку с них было, как от козы, – полтора литра в день. Сейчас в Израиле обычная корова дает 13 тыс. литров молока в год (35 л в день). Американская дает 9 тыс. Лучшие европейские – знаменитые голландские – 7,5 тыс.

Сирийские коровы давали аж три литра в день – мало. Европейские на этой жаре доились плохо, быстро дохли. Скрестили сириек с северянками – полукровки получились злыми, как собаки, унаследовав дурной нрав у сирийских родителей, а доились плохо. Стали улучшать гибрид за счет голландских коров. Но как приспособить их к жаре? Революционной стала идея, которая могла прийти в голову только неофитам от животноводства: а нечего коров пасти! Пусть стоят в стойлах, в тенечке хлебов – и получают корма с доставкой на дом. Коровы всю жизнь проводят без привязи, но под крышей. Травяной навес защищает от солнца. Стен нет – животных обдувает ветер, ну, еще и душ несколько раз в день ради прохлады.

В 1950 году в Израиль приехали 6527 коров из Канады и США. От них и пошла элитная израильская порода. Когда в 70-х начали составлять мировые рейтинги продуктивности коров, выяснилось, что еврейские – лучшие. Первенство сохраняется до сих пор. «Племенной материал» и коровьи эмбрионы – важный сегмент экспорта страны.

Мед

Есть версия, что под медом понимается силан – финиковый сироп. Финик являлся символом благополучия Иудеи. Праматерь иудеев носила имя Фамарь (Тамар) – Финиковая пальма. Согласно традиции, плоды «семи видов», подаренные Богом, могут расти в Земле Израиля сами, без усилий со стороны людей. В древней Иудее финиковые пальмы были одним из самых распространенных растений. Но начиная с XVI века финиковые плантации полностью исчезли на Святой земле. Традиция выращивания этой важной и полезной культуры была утрачена.

Одной из первых целей стало вернуть утраченный «финиковый рай». А для восстановления «финиковой популяции» нужны были не косточки плодов, а саженцы. Но привезти их надо было из соседних стран, для которых экспорт фиников был важной составляющей экономики, а потому вывоз саженцев финиковых пальм считался там преступлением.

Одним из отважных «добытчиков» оказался Бен-Цион Исраэли. В итоге сложных и опасных действий было закуплено несколько тысячи отростков, они были завернуты в ковры (покупка ковров была прикрытием),

значительная их часть «задохнулась» в коврах, но вернулись в Иорданскую долину и финиковые пальмы.

За последние 30 лет объем сельскохозяйственного производства увеличился более чем в 5 раз, а расход воды остался практически на том же уровне. Таких потрясающих результатов удалось добиться в первую очередь за счет применения новых технологий орошения, основанных на капельном и малообъемном спринклерном орошении.

Кроме капельного полива, в Израиле применяется также полив водой под давлением и подпочвенное орошение (препятствующее всасыванию воды поверхностными корнями). Все эти системы используют компьютерные технологии, позволяющие учитывать такие показатели, как уровень влажности почвы, ежедневное увеличение диаметра стебля или плода и т. п. Разработан целый ряд специальных методов орошения, рассчитанных на предельно малый расход воды.

Благодаря разработке специальных методик израильские ученые смогли вывести сорта фруктовых деревьев, дающие плодородный урожай вне зависимости от сезона. А также картофель, способный произрастать в пустыне, помидоры черри и многие другие сорта овощей и фруктов. Израиль занимает четвертое место в мире в сфере научной деятельности в области сельского хозяйства.

Саванизация пустыни – израильский метод

Почти во всех странах, где есть пустыни, они продолжают расширяться дальше. Израиль – единственная страна, где пустынь становится меньше. Одна из методик – саванизация пустыни. Отдельные участки искусственно увлажняют, и на них выращивают деревья, немного – не более 100 саженцев на гектар. Но благодаря этому почва укрепляется, увеличивается плодородие, и пустыня отступает.

Чтобы в засушливой пустыне из саженца вырастить дерево, саженец помещают в пластиковую трубку, разлагающуюся спустя 3 года. На стенках этой трубки по ночам оседает роса, которая стекает вниз, к корням, и растение получает небольшую, но регулярную порцию воды.

Уничтожение малярии

В 20-е годы на земле Палестины главным врагом были именно комары, потому что они переносили малярию. От нее гибли тысячи людей, с

комарами надо было что-то делать. Болота были страшнее пустыни. Кроме того, болота занимали центральные земли Израиля.

До Первой мировой войны Палестина была настолько заражена малярией, что многие ее районы были либо необитаемы, либо просто мало населены. Проходящие через эту местность армии несли от малярии значительные потери. Целые регионы были заброшены из-за малярии. Некоторые члены сионистского движения полагали, что эта болезнь уничтожит еврейскую общину в Палестине.

В начале 1920-х годов палестинские евреи осушили болота. Осушение болот, которое сумели сделать вручную, под палящим солнцем, между войнами – подвиг. При этом от малярии погибла значительная часть первых еврейских поселенцев.

Поселенцами были завезены и высажены на месте болот десятки тысяч эвкалиптов. Главная роль в победе над малярией в Палестине принадлежит микробиологу и сионисту Исраэлю Джейкобу Клиглеру. В 1925 году Комиссия по малярии при Лиге Наций (эквивалент ВОЗ в то время) единодушно восхваляла эти противомалерийные работы и методы: **«уничтожили пессимизм, породили надежды»**, а те, кто участвовал в этой работе, были **«благодетелями не только палестинского населения, но и мира в целом» (Лига Наций, 1925)**.

Болота исчезли – и малярия исчезла. Израиль сейчас страна, свободная от малярии.

Регулирование уровня подземных вод

В 1951-м взялись за осушение болот долины Хула. За 6 лет болота осушили, на их месте раскинулись сады и поля. Но урожаем радовались недолго: почва высохла, ветер сносил плодородный слой, вместо мошкеры над болотами повисли тучи пыли, высохший торф горел каждое лето – пожары не могли потушить. Торф и органика стали просачиваться в Кинерет – главный резервуар питьевой воды Израиля, он стал цвести – в пылу битвы за урожай не учли, что болота были естественным фильтром.

Разрушивал ситуацию тот же ККЛ: дорожный проект «работу над собственными ошибками» закончили только к концу XX века. Надо было обеспечить постоянный уровень воды в почве, исключая эрозию, так и заболачивание. Мы не восстановили болота, а научились регулировать уровень подземных вод: по мере необходимости «подмачиваем» торфяники, а воды, в которых растворена органика, идут

не в водохранилище, а на полив. В итоге здесь самое доходное и экологически чистое сельское хозяйство в Израиле – удобрения-то не применяются. Птицы вернулись, а чтобы они не мешали фермерам, мы их подкармливаем.

Экосистема полностью восстановлена: заповедник Хула, куда ежегодно приезжают сотни тысяч туристов, в 2005-м внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Вода

В Израиле сухие периоды длятся иногда по 12 мес. В Израиле мало пресной воды. Ранее рассматривался проект покупки пресной воды в других странах. Но сегодня Израиль даже поставляет воду в Иорданию.

Опреснение

Сегодня Израиль – лидер по опреснению морской воды на основе израильских технологий. Построены пять опреснительных станций и строятся еще две. Сейчас 60% пресной воды Израиль получает опреснением морской воды (600 млн куб. м в год). Эти технологии внедрены во многих странах мира.

Израиль очищает 86% сточных вод, что делает его ведущей страной в мире по переработке воды. Находящаяся на 2-м месте мирового рейтинга Испания – 17%, а США – только 1%. Сегодня более 80% воды, используемой для полива полей и теплиц, – вторичного использования.

Капельный полив – израильское изобретение – используется для искусственного орошения 60% всех деревьев в Израиле.

Изменилось ли отношение палестинских арабов к экологии территорий?

Когда в конце 1-й мировой войны евреи стали прибывать в Палестину, Шариф Аль Хуссейн, глава рода Хашимитов и мэр Мекки заявил: «Мы наблюдаем то, что предсказано в Коране. Когда другие люди селились здесь, земля оставалась бесплодной. А теперь земля признала своих подлинных сыновей и приносит плоды».

Может, они просто не в курсе экологических проблем? С момента появления в Палестине еврейских поселенцев арабы имеют перед своими глазами пример. Но сами на своих территориях не посадили ни одного гектара леса, не наладили утилизацию мусора, очистку сточных вод, не построили ни одного значимого гидротехнического сооружения.

Зато они с энтузиазмом устраивают поджоги посаженных евреями лесов и загрязняют все источники воды, до которых могут дотянуться, причем иногда в ущерб себе.

Достаточно сравнить современные поселения арабов с еврейскими. В них нет деревьев, зелени, цветов. Зато возле них навалены горы мусора, а их сточные воды практически не подвергаются очистке.

Палестинский террор «огненных воздушных шаров»

Казалось бы, в восстановлении лесов заинтересованы абсолютно все. Но большинство лесных пожаров в Израиле возникает именно из-за поджогов. Чего стоит только знаменитый террор «огненных воздушных шаров», запускаемых из Газы. Всего в июне 2021 года палестинские поджигатели уничтожили леса и сельскохозяйственные угодья на площади в несколько тысяч дунамов (сотен гектаров).

Палестинский «террор сточных вод»

Этот вид террора известен гораздо меньше. По соглашениям Осло, палестинцы обязались поддерживать водохранилища, создать системы очистки сточных вод, и снизить потери воды. Эти проекты широко финансируются странами-спонсорами, но палестинцы систематически нарушают соглашения: здесь и несанкционированное бурение, и кража воды (несанкционированное подключение к сети), и неочищенные сточные воды.

Большинство поселений автономии сбрасывают свои сточные воды без базовой очистки, нанося значительный ущерб открытым пространствам и экологии рек из-за высокой гидрологической чувствительности региона.

Объем сточных вод Иудеи и Самарии – 90 млн кубометров в год. Из них 77% из населенных пунктов и предприятий Автономии, а 23% – из израильских. Из сточных вод автономии очищается только 13%. Остальные загрязняют уязвимую зону в горном районе. По сравнению с этим ситуация в израильских поселениях более чем удовлетворительная, хотя и требует улучшения.

Основные реки Иудеи и Самарии стали канализационными стоками, а не источниками питьевой воды.

Иногда для борьбы с загрязнением вод достаточно приложить совсем немного усилий, но даже этого палестинские арабы не делают. В сезон заготовки оливкового масла предприятия Автономии сливают в речку

вещества, окрашивающие воду в черный цвет. Поэтому пятно загрязнения отчетливо видно на фоне воды Средиземного моря. Это вещества, содержащиеся в косточках, и они ядовиты. Попадая в море, они отравляют прибрежную полосу на 400–600 метров от пляжей.

Израильские производители масла вывозят их на поля в качестве удобрений.

В июне 2022 благодаря международной помощи в Газе заработали очистные сооружения, и море стало чистым, чего не было долгие годы. До этого купание на пляжах было опасно для здоровья и жизни. Загрязнились и южные пляжи Израиля. В Ашкелоне закрывалась опреснительная установка, потому что воду из моря брать было нельзя. Полностью отгородиться от Газы невозможно.

После 7 октября 2023 Израиль отключил подачу воды и электричества в сектор Газа. И тут выяснилось, что ХАМАС рытьем тоннелей и сбросом неочищенных сточных вод настолько загрязнил подземные воды сектора, что без очистки их употреблять нельзя.

Отношение палестинцев к действиям евреев по восстановлению экологии

Продолжая активно уничтожать экологию и в наше время, палестинцы называют **«антипалестинским расизмом»** действия евреев по ее спасению. Расизмом они называли и слова президента Еврокомиссии фон дер Ляйен, что Израиль «заставил пустыню расцвести». Они также всерьез утверждают, что евреи вырубают оливковые и цитрусовые деревья, потому что считают эти породы деревьев «палестинскими» и поэтому ненавидят их.

Арабы превратили Палестину в пустыню – евреи вернули Палестине жизнь

Арабы не сумели воспользоваться наследием прошлого, а только разрушали его. Евреи до сих пор продолжают прикладывать усилия для спасения экологии, но уже от хищнических действий палестинцев в наши дни.

Этими усилиями были разработаны методы спасения экологии во многих странах мира. До сих пор эти достижения Израиля не смогла повторить ни одна страна мира. И уж тем более не смогли (да и как видно, не захотели) повторить палестинские арабы, которые только убивали и продолжают убивать экологию Эрец-Исраэль.

На самом юге Израиля в киббуце Йотвата есть Институт пустынного земледелия. Попробуйте произнести это словосочетание «пустынное земледелие», скажем, в России. Эта земля опять течет молоком и медом, из пустыни экспортируют в Россию морковь (обнаружилась в магазине в Самаре) и – из той же пустыни – черную икру.

По меньшей мере в двух местах в тех же пустынях приходилось слышать рассказы о том, как немецкие, американские и прочие специалисты выдавали однозначное заключение «здесь никогда ничего расти не будет». Рассказы заканчивались фразой «Ну, а теперь пошли посмотреть на это ничего».

Решите сами, для кого эта земля мать родная, а для кого – расходный материал

Есть известная притча «Суд царя Соломона»: две женщины спорили о том, чей ребенок. Соломон предложил им тянуть ребенка к себе и присудил ребенка той, которая отказалась это делать: ни мать не причинит ребенку вред, ни ребенок родной матери.

Слово «родина» нередко идет в сочетании «родина-мать». И настоящие дети не будут причинять ей вред.

ДОДО ЧИКВАШВИЛИ

Взаимодействие лекарственных средств

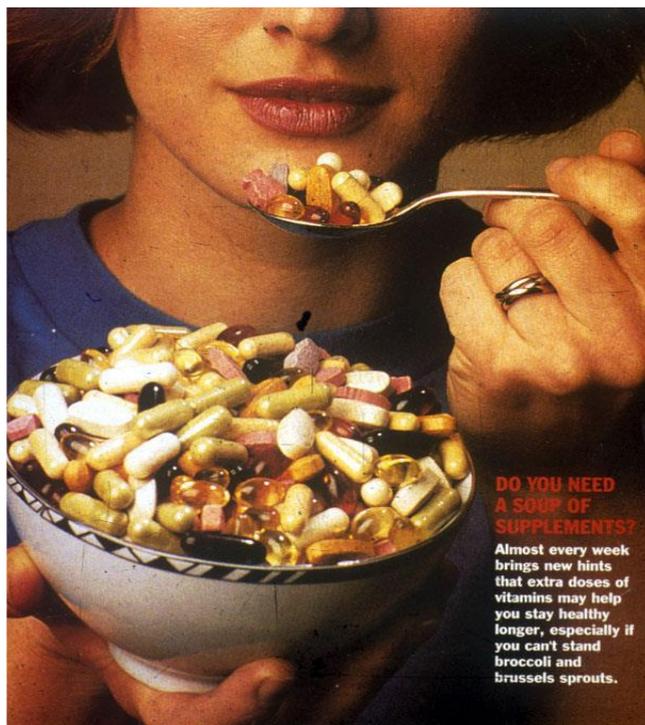

Рис. 1. Неужели это мне одной?

В современном мире каждый человек, практически с самого рождения, принимает какие-либо лекарственные препараты. К сожалению, в случае заболеваний, часто бывает так, что это не одно лекарство, и не два, а несколько или даже очень много. Поскольку для успешного лечения обязательно нужно знать и соблюдать правила приема лекарств, встает серьезный вопрос об их совместимости и взаимодействии между собой.

Наука фармакология дает нам следующую классификацию лекарственных средств

(<https://www.mic.by/spravochnaya-informatsiyap/klassifikatsiya-lekarstvennykh-sredstv/>):

1. Антибактериальные препараты.
2. Гормоны.
3. Диагностические средства.
4. Препараты, влияющие на иммунитет.
5. Препараты, влияющие на метаболизм.
6. Препараты, влияющие на психику.
7. Препараты, влияющие на свертываемость крови.
8. Препараты, влияющие на тонус сосудов.
9. Препараты, влияющие на функцию бронхов.
10. Препараты, влияющие на функции желудочно-кишечного тракта.
11. Препараты, влияющие на функции миокарда.
12. Препараты, влияющие на функцию почек.
13. Противовирусные препараты.
14. Противовоспалительные и обезболивающие препараты.
15. Противогрибковые препараты.
16. Противоопухолевые препараты.
17. Противопаразитарные и противоглистные препараты.

Фармацевтическое взаимодействие лекарственных средств – это явление, при котором применение какого-либо препарата одновременно с другим или несколькими другими дает эффект, отличный от эффекта того же препарата в отдельности. Однонаправленное взаимодействие разных препаратов называется синергизмом, а разнонаправленное – антагонизмом. Различают такие виды синергизма как суммация, аддитивное действие и сенситизация. При суммации эффект комбинации равен сумме эффектов каждого препарата в отдельности. Об аддитивном действии говорят в тех случаях, когда эффект комбинации больше действия каждого компонента, но меньше эффекта их суммы. А сенситизация наблюдается в тех случаях, когда один препарат индифферентен в отношении определенного эффекта, но усиливает действие другого препарата.

Таким образом, лекарственное взаимодействие может проявляться как количественное или качественное изменение желаемого терапевтического эффекта – усиление, ослабление или отсутствие действия одного или нескольких препаратов в комбинации. Это может происходить внутри организма (например, при недавнем или одновременном приеме нескольких лекарств), а также вне организма

(например, при приготовлении и хранении комбинированных лекарств или при смешивании разных лекарств в одном шприце). Межлекарственное взаимодействие может сделать препарат вовсе непригодным для использования, если в результате контакта активность его компонентов значительно снижается или исчезает, либо если появляются новые, иногда токсические, свойства. Но возможно и обратное явление – комбинированный эффект, при котором два препарата вместе дают более положительный терапевтический эффект. Также при одновременном приеме двух и более лекарственных средств с похожими свойствами возможно суммирование их эффектов.

Клинически значимые взаимодействия часто предсказуемы и обычно нежелательны. Сведения о препаратах, назначение которых сопряжено с высоким риском потенциально серьезных межлекарственных взаимодействий, можно найти на сайте Drug.com. Реже для достижения желаемого терапевтического эффекта клиницисты могут использовать предсказуемые межлекарственные взаимодействия (ShaliniS. Lynch, PharmD, University of California San Francisco School of Pharmacy).

Взаимодействие лекарств с пищей или с биологически активными добавками также может изменять их терапевтическое действие и приводить к побочным эффектам.

Многие препараты, в зависимости от их физических и химических свойств, обладают кумулятивным действием. Его сущность заключается в том, что вызванная препаратом реакция остается и вызывает в организме необратимые изменения, а последующий эффект суммируется с предыдущим.

Фармацевтическая несовместимость может быть: химической, физической и физико-химической.

Попадая в организм, каждое лекарство проходит в нем определенный фармакокинетический процесс усвоения, состоящий из четырех стадий: всасывание, биотрансформация, связывание с белками крови и выведение. На первом этапе лекарственное вещество из просвета кишечника всасывается в кровь. Эффективность этого процесса зависит от pH среды и перистальтики кишечника пациента. Влияние одного и того же препарата при различных pH и перистальтике может отличаться.

На второй стадии, в основном в печени, происходит двухфазный метаболизм лекарственного вещества. В первой фазе происходит окисление, опосредуемое системой цитохромов P450, а во второй фазе увеличивается гидрофильность метаболитов, что облегчает их

дальнейшее выведение почками. На третьей стадии происходит связывание с белками крови. В этом случае одно вещество может вытеснять другое из комплекса с белками плазмы крови. Заключительная стадия – выведение – происходит через выделительные системы организма.

Ни одно лекарство не может официально выйти на потребительский рынок и попасть к пациенту без одобрения службы FDA – Food and Drug Administration (http://ru.wikipedia.org/wiki/food_and_drug_administration). Это управление контролирует качество пищевых продуктов, лекарственных препаратов, косметических средств, табачных изделий и некоторых других категорий товаров, а также осуществляет санитарный надзор за качеством пищевых продуктов и медикаментов и контроль за соблюдением законодательства и стандартов в этой области. Управление было создано в 1906 году в соответствии с Законом о пищевых продуктах и лекарствах. Вначале оно называлось Bureau of Chemistry. Под настоящим названием работает с 1931 года.

Глава FDA предлагается президентом США и утверждается сенатом. Он подчиняется министру здравоохранения и социальных служб США. FDA – агентство Министерства здравоохранения и социальных служб США, один из федеральных исполнительных департаментов.

FDA – это всемирно признанная научно-исследовательская организация и самая строгая в мире инстанция по оценке эффективности и безопасности лекарственных средств. Чтобы получить сертификат FDA, лекарственный препарат и все его компоненты должны успешно пройти десятки тестов (технологические, химические, микробиологические, токсикологические и другие), а также клинические испытания. При сертификации проверяется и утверждается также упаковка. Она должна обеспечить пользователя максимально полной и понятной информацией о производителе, составе препарата, дате его производства и сроке годности, а также содержать рекомендации по применению и хранению. Наличие сертификата FDA гарантирует безопасность продукта для потребителя и позволяет препарату выйти не только на американский рынок, но и открывает мировой. В десятках стран сертификация FDA считается обязательной.

Из таблицы 1 следует, что несовместимые лекарства встречаются достаточно часто, и прием такой пары представляет определенный риск для здоровья. Поэтому для того чтобы уберечь себя от негативных побочных реакций при приеме сразу нескольких препаратов, нужно соблюдать простые правила.

Во-первых, нужно всегда сообщать лечащему врачу о том, какие препараты принимаете. Не только о лекарствах, но и о биологически активных добавках и даже о простых витаминах. Специалист определит, совместимы ли препараты между собой, можно ли их принимать вместе или нужно разнести во времени, или даже лучше вообще отменить один из них либо заменить его другим. При необходимости врач обратится за консультацией к клиническому фармакологу, который проведет контроль совместимости по принципу не только «лекарство-лекарство», но и «пациент-лекарство».

Во-вторых, существуют интернет-ресурсы для проверки лекарственных взаимодействий. Наиболее крупный из них это – druginteractions.org. Он был разработан в 2000 году фармакологической группой Ливерпульского университета (University of Liverpool) и предназначен как для специалистов и исследователей, так и для пациентов.

В-третьих, взаимодействие лекарственных препаратов можно проверить онлайн на сайтах: Drugs.com (Drug Interaction Checker), Medscape, Checkmed или в справочнике лекарственных препаратов «Видаль».

В связи с тем, что сейчас многие пользуются пищевыми добавками (БАДы), а это – биологически активные вещества, остро стоит вопрос об их совместимости с лекарственными препаратами. Принимать пищевые добавки есть смысл при доказанном дефиците определенного микроэлемента, высоком риске дефицита и при особых потребностях. Так, например, при планировании беременности и ее наступлении важно принимать фолиевую кислоту, чтобы плод нормально развивался. Часто прием фолиевой кислоты рекомендуют женщинам после пятидесяти лет, а особенно после шестидесяти, для улучшения общего самочувствия.

Чтобы получить максимальную пользу от пищевых добавок, важно придерживаться ряда правил. При назначении нового лекарства очень важно сообщить врачу какие витаминные или минеральные добавки вы принимаете. Некоторые витамины и минералы стоит всегда принимать отдельно, потому что они влияют на усвоение друг друга организмом.

Табл. 2. Совместимость витаминов между собой

Как совмещать витамины

Нутриент *Можно принимать вместе* *Разделить прием по времени**

Витамин D	Витамин K, кальций, магний, селен, фосфор	Витамин A, E
Витамин B9		B6, B12, цинк
Витамин B12		B9, C
Кальций	Витамин D, калий	Магний, фосфор, натрий, железо, марганец, цинк
Йод	Витамин A, селен	
Магний	B1, B6, D, калий	Кальций, фосфор, цинк
Цинк	Витамин A, B3	Кальций, магний, медь, железо
Хром		Железо
Железо	Витамин A, витамин C	Витамин E, кальций, медь, марганец, цинк, хром

По данным нутрициолога Ирины Бывшевой

NGS24.RU

Например, не стоит принимать вместе витамины С и В12, кальций и железо, кальций, цинк и магний. При этом витамин С и железо хорошо совместимы друг с другом, поэтому препараты железа можно запивать цитрусовым соком. Важно обратить внимание на препараты железа. Очень часто они имеют низкую усвояемость, поэтому рекомендуется принимать железо во время обеда или после еды. Запивать водой, но не чаем, кофе или соками. Не совмещать с молочными продуктами. Кальций и магний нужно принимать в разное время. Кальций лучше утром с витамином D, а магний можно вечером за полчаса до сна. Цинк – во время дневного перекуса. Для сердечников очень важно знать, как принимать калий.

С детства нас учили, что витамины – это полезно. Однако реальная польза во многом зависит от того, правильно ли мы их принимаем.

Так, например, жирорастворимые витамины А, D, Е и К нужно принимать утром и обязательно вместе с продуктами, богатыми жирами, например, авокадо или орехами. Прием водорастворимых витаминов можно не привязывать по времени к еде. Жирорастворимые витамины способны накапливаться в организме – в печени, жировой ткани и в мышцах. Их прием в больших дозах токсичен.

Водорастворимые – это С, все витамины группы В и фолиевая кислота. Их важно употреблять регулярно, так как они не сохраняются в организме и быстро выводятся, поэтому запастись ими впрок не получится. Однако это не означает, что можно принимать их в любых дозах. Так тоже можно нанести вред здоровью.

Очень многие принимают витамин D, в том числе по назначению врача. Витамин D способствует усвоению кальция и фосфора, и тем самым укрепляет кости. Но не всегда при этом известен его уровень в крови. Принимать витамин D просто так, постоянно и без контроля, тоже неоправданно.

Кроме того, нужно учитывать совместимость различных витаминов между собой, а также время их приема и сопутствующую пищу. Рекомендации врача-диетолога Марии Швабауэр представлены на сайте <https://www.fontanka.ru/2024/08/28/74009567/> в статье Полины Бородкиной. Данные нутрициолога Ирины Бывшевой, приведенные в настоящей статье в таблицах 2 и 3, взяты с того же сайта.

Выявлены целые группы лекарств, представителей которых нельзя принимать в одно и то же время (<https://www.apteka-byrdenko.ru/stati/kakie-lekarstva-nelzya-prinimat-vmeste-spisok-protivopokazaniy.php>). Так, нельзя принимать вместе аспирин и антикоагулянты, антибиотики и оральные контрацептивы, гипотензивные и нестероидные противовоспалительные

(НПВС), противогрибковые и макролидные антибиотики и статины, тиреоидные гормоны (эутирокс, левотироксин) и статины, препараты железа, кальция, магния и эстрогена, диуретики и препараты от сахарного диабета, верапамил и бета-блокаторы, противопростудные чаи и антигистамины.

Мы говорим, что несовместимые препараты нужно принимать отдельно. А что это значит? Какой минимальный промежуток времени должен пройти между приемами двух несовместимых лекарств? Так вот, исследования показали, что отдельный прием препаратов означает перерыв между двумя приемами не менее 20 минут. Этого времени достаточно для того, чтобы первый препарат прошел ферментативную обработку в желудке и началось всасывание в кровь. Тогда можно принимать следующий препарат.

Для того, чтобы успешно минимизировать нежелательный эффект межлекарственного взаимодействия, необходимо осознанное партнерство пациента с врачом. Пациент должен точно и детально проинформировать лечащего врача обо всех лекарственных средствах и пищевых добавках, которые он принимает, в том числе о назначенных другими специалистами и отпускаемых без рецепта. Даже характер питания и употребление алкоголя может иметь большое значение. Так, например, грейпфрут тормозит действие статинов. А есть препараты, которые совершенно несовместимы с алкоголем, и в таком контакте дают страшные последствия. Врачу, со своей стороны, следует назначать минимальное количество препарата в минимальной эффективной дозе на кратчайший период времени. При любых непредвиденных осложнениях нужно проверить вопрос негативного лекарственного взаимодействия.

Существуют препараты, назначение которых связано с особо высоким риском потенциально серьезных осложнений. Даже при отдельном приеме такие лекарства могут иметь серьезные побочные эффекты. При их совместном использовании с другим препаратом, который увеличивает действие этих препаратов, еще больше увеличивается риск побочных эффектов. Дополнительную информацию о таких потенциальных рисках можно найти в достоверных источниках, например, на Drug.com (Drug Interaction Checker – проверка взаимодействия лекарств).

Для примера и практической пользы разберем несколько наиболее часто встречающихся ситуаций.

Табл. 3. Правила приема витаминов

Как пить витамины

Нутрицевтик

Когда и как принимать

Жирорастворимые витамины (А, D, Е, К)	Утром во время еды — с жирной пищей, можно принимать всю дозировку за один раз
Водорастворимые витамины (витамины С, витамины группы В, кроме В12)	После еды, пить дробно 2–4 раза в день
Железо	В обед, во время или после еды, разделить на 2 приема
Кальций, калий	Вечером во время еды, но при приеме кальция нужно принимать магний в соотношении 2:1 — чтобы избежать отложения кальция в сосудах
Магний	Во второй половине дня (после 17:00) во время еды, также перед сном за 1–2 часа, зависит от формы магния
Цинк	Только во время еды, натощак вызывает тошноту
Хром	Утром после завтрака
Омега-3, лецитин	Утром во время еды
Йод	Во второй половине дня после еды

По данным нутрициолога Ирины Бывшеров

NGS24.RU

Многие принимают статины для снижения уровня холестерина в крови. Статины входят в число наиболее часто и длительно применяемых препаратов, особенно у лиц с сердечно-сосудистыми заболеваниями и риском их развития ([opasnye-i-nezhelatelnye-mezhlekarsvennye-vzaimodeystviya-statinov-u-bolnyh-kardiovaskulyarnoy-patologii.pdf](#)). Их метаболизм осуществляется теми же ферментами, которые

одновременно обеспечивают химические модификации других лекарственных средств. В ряде исследовательских работ доказан конкурентный метаболизм статинов с препаратами других фармакологических групп. На практике это может означать резкое повышение концентрации статинов в крови после их одновременного или близкого по времени приема с другими препаратами, например с антибиотиками и антигипертензивными средствами (понижающими давление). Нередко бывает, что антибиотик назначает один специалист, а антигиперхолестериновую и антигипертензивную терапию проводит другой. При их недостаточной осведомленности возникает проблема. Прием статинов также требует некоторых ограничений в пище, например, полного отказа от грейпфрутов и грейпфрутового сока.

Антибиотики применяются очень широко, особенно в пульмонологии, и для того, чтобы они принесли пользу, а не вред, требуется обоюдное внимание – и со стороны врача, и со стороны пациента. Врач должен быть хорошо осведомлен о взаимодействии назначаемых им антибиотиков с препаратами других лекарственных групп, а также с тем, какие препараты данный пациент уже принимает, как давно и насколько регулярно. Пациент должен строго соблюдать определенные правила приема – брать лекарство только по назначению врача, строго соблюдать дозировку, время и кратность приема, а также продолжительность курса, установленного врачом. Запивать только обычной водой. Ни в коем случае нельзя прерывать курс или делать перерывы в лечении, если почувствовали облегчение. Некоторые виды антибиотиков требуют соблюдения определенной диеты, например, исключения или откладывания во времени потребления молочных продуктов. Некоторые препараты раздражают желудок и их нужно принимать после еды. Все это необходимо выяснить у врача или у фармацевта в аптеке до начала приема. Для выбора «лучшего» антибиотика, наиболее подходящего к данному виду инфекции, желательно сдать анализ на бактериальный посев. И еще очень важно наблюдать за собой, обращать внимание на действие препарата, фиксировать появление или отсутствие побочных эффектов, записывать всю информацию и вовремя сообщать об этом врачу. И уж, разумеется, никогда самостоятельно не назначать себе антибиотики или выпрашивать их у врача. Это может быть очень опасно.

Лекарственные взаимодействия антибиотиков, особенно принимаемых внутрь, в частности применяющихся в пульмонологии, могут происходить

на разных уровнях – фармацевтическом, фармакодинамическом, фармакокинетическом (vzaimodeystvie-antibiotikov-s-preparatami-drugih-lekarstvennyh-grupp.pdf). Эти взаимодействия могут оказывать непосредственное влияние на исход фармакотерапии как в отношении эффективности применяющихся одновременно лекарств, так и в отношении безопасности лечения. Учет этих особенностей позволяет врачу повысить эффективность лечения пациентов и избежать нежелательных побочных действий фармакотерапии.

Вопрос совместимости препаратов остро стоит также в психиатрической практике, где применяется широкий спектр средств: антипсихотики, транквилизаторы, антидепрессанты, нормотимики (стабилизаторы настроения), препараты нейрометаболического действия и психостимуляторы, а также антипаркинсонические корректоры, противосудорожные средства, лекарства для лечения деменции, алкогольной и наркотической зависимости. Фармакокинетическое взаимодействие этих препаратов связано с нарушениями всасывания, распределения, связывания с белками плазмы крови и тканями, биотрансформации и выделения, возникающими у одного препарата под воздействием другого. Кроме того, необходимо учитывать, что никотин усиливает биотрансформацию большинства лекарственных препаратов, в том числе и психотропных средств, что приводит к снижению их концентрации в плазме крови.

Наиболее опасным является одновременный прием алкоголя и психотропных средств – нейролептиков, антидепрессантов, транквилизаторов и гипнотиков. Алкоголь усиливает угнетающее воздействие психотропных средств на центральную нервную систему, вызывая развитие тяжелых побочных эффектов и осложнений с нарушением сознания, расстройством дыхания и кровообращения, вплоть до летальных исходов.

Из всего вышеизложенного следует, что задача совместимости или несовместимости даже двух по отдельности полезных лекарств, а тем паче трех и более, настолько серьезна и сложна своими последствиями, что, по меткому замечанию Эдварда Ковалерчука, может быть сравнима с бинарным оружием и задачей Пуанкаре (<https://www.kruginteresov.com/tablette.html>):

«Результат соединения трёх и более таблеток, да ещё и с учётом индивидуальных особенностей пациента, это же хуже, чем задача

Пуанкаре! Не то что ни один доктор, ни один компьютер рассчитать не в состоянии! Понимаем ли мы это, когда дневная порция таблеток едва помещается в нашей горсти?» – пишет автор. И с ним трудно не согласиться.

Рис. 2. Дневная горсть – на пользу или во вред?

Однако некоторое решение все же просматривается. Оно пришло со стороны наукоемких технологий, т.е. таких, где, по остроумному выражению академика Жореса Алферова, требуется сырьё на рубль, а интеллекта на миллион. Похоже, что завтрашний день фармацевтической промышленности – это так называемые «умные таблетки». Суть идеи состоит в том, чтобы на 3D-принтере печатать таблетки с уникальным составом, компоненты которого заранее проверены на совместимость (<https://radiovan.FM/station/article/39088>).

Рис. 3. Таблетки, напечатанные на 3D-принтере

Таким образом, новая технология позволяет печатать несколько лекарств в одной таблетке в соответствии с потребностью конкретного пациента. Над этим уже очень серьезно работают (<https://interestingengineering.com/health/3d-printing-medication-technique>).

Так, ученые из Ноттингемского университета создали новую технологию 3D-печати таблеток, позволяющую создавать персонализированные лекарства. В напечатанных таблетках может содержаться сразу несколько препаратов, запрограммированных на высвобождение в определенное время. Секрет кроется в специально разработанных чернилах, содержащих светочувствительные молекулы, которые затвердевают под действием ультрафиолетового света и во время печати образуют внутри таблетки водорастворимую основу. Тщательно проектируя эти внутренние структуры, исследователи могут контролировать скорость высвобождения лекарств.

Внедрение такой технологии даст сразу несколько преимуществ. Во-первых, упростит пациенту схему приема лекарств, т. к. избавит его от заботы следить за тем, что именно и когда он принимает. При этом он будет гарантировано получать именно то и именно тогда, что ему назначил врач, поскольку препараты будут контролируемо высвобождаться через определенные промежутки времени в течение дня. Как следствие, это сделает лечение более эффективным. Во-вторых, эта технология особенно перспективна для состояний, при которых время приема и точность дозировки имеют решающее значение. В-третьих, такая «умная таблетка» может стать настоящим спасением для тех, кто уже не в состоянии помнить, что и когда он должен принять, или не может это сделать.

И в заключение вот несколько практических советов, как помочь себе быть здоровым. Во-первых, всегда точно информируйте каждого врача о том, какие препараты и добавки вы принимали раньше или принимаете сейчас, включая все назначенные вам другими врачами. Во-вторых, внимательно читайте инструкции к препаратам, даже если их назначил врач. Он – тоже человек, может что-то не знать, не учесть и ошибиться. А в инструкции всегда указаны нежелательные комбинации препаратов. Ее пишут фармацевты на основании результатов специальных исследований.

В-третьих, никогда не занимайтесь самолечением. Даже если вам раньше или вашим близким в подобных случаях назначали какие-то препараты, и они помогли. И в-четвертых, будьте заняты. Как говорил мудрый Дейл Карнеги, это самое дешевое лекарство на Земле и одно из самых эффективных.

БУДЬТЕ ВСЕГДА ЗДОРОВЫ!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

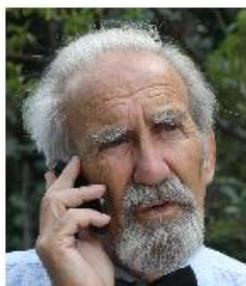

Анжела Беленко. Родилась в Одессе в 1955 году. По профессии – воспитатель детского сада, педагог дополнительного образования. Организатор, руководитель детских мультипликационных студий в Крыму и Фестиваля детского анимационного творчества «Чудо-остров». Писать стихи и сказки начала в 45 лет, публиковалась в ялтинском литературном альманахе, в сборнике крымских авторов, участвовала в литературных конкурсах.

Автор нескольких книг. Член редколлегии журнала СОНАР.

Татьяна Белобородько. Родилась в 1954 году в Порт-Артуре в семье военного летчика. Живет в Москве. По профессии – архитектор. Занимается живописью и градозащитной деятельностью.

Ефим Зайдман [08.07.1937–22.12.2017]

Родился в Симферополе (Крым). После возвращения из эвакуации переехал с семьёй в Ялту. Закончил Харьковский ГУ им.А. М. Горького, математик. Работал инженером-конструктором в г. Коломна, куда попал по распределению. Там всерьёз начал заниматься международным языком эсперанто, с которым познакомился в Харькове во время учёбы. После возвращения в Ялту работал

некоторое время учителем математики, а потом инженером-программистом в Вычислительном центре крымских санаториев.

Эсперанто занимал в жизни Ефима центральное место. Он организовал ялтинский эсперанто-клуб и руководил им сорок лет, проводил фестивали

языков, бардовские фестивали, туристические лагеря, сделал более ста переводов бардовских песен на эсперанто, возил большие группы эсперантистов за границу. Его дом всегда был открыт для путешественников-эсперантистов. Он собирал минералы и обрабатывал камни – это было ещё одно его любимое дело.

Увлекался историей эсперанто-движения в Ялте и Крыму, изучал архивы библиотек и фонд Музея эсперанто в Вене. Пионеры эсперанто – это была тема его изысканий. Была задумана книга, собраны материалы, написаны статьи...

...Несчастный случай унёс жизнь этого неординарного человека, но его дело продолжает жена, друг и соратник, Анжела Беленко.

Татьяна Корнева. Экзистенциальный психолог. Частная практика. Психолог образования. Работа в школе, в детском кризисном центре. Училась в Полиграфическом институте (Москва), SPPI – Международном институте практической психологии (Рига), NEPI – институте экзистенциальной гуманистической психологии (Литва). Магистр социальной психологии (г. Даугавпилс, Латвия).

Ирина Лир-Лави, член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор рассказов, мемуаров, романа «Тетраэдр». Соавтор четырехязычного словаря «Растения Израиля», победитель лит. конкурса «Книга судеб». Публиковалась (в т.ч. как Ирина Лир и Ирина Л. Лир) в сборниках «Мое открытие Израиля», «Эффект песочных часов» из серии «Израильская современная литература – XXI век», «Книга судеб», «Когда бы страной управляла наука», на литературном сайте «dimus.me» и в электронных журналах «Kstati» (США) и «СОНАР» (Израиль). Химик-технолог, д.т.н. Выпускница МХТИ им. Менделеева. Репатриировалась в Израиль в 1991 г. из Москвы. В Москве работала в Институте медицинской техники, в Израиле – в Технионе, в хайтеке и в химической промышленности. Живёт в Хайфе.

Юлия Могилевэр. Родилась в Ленинграде в 1948 году. Репатриировалась с семьей в Израиль в 1974, после того, как ее муж был освобожден из лагеря, куда был заключен за сионистскую деятельность и преподавание иврита. Больше 50 лет живет в Хайфе. По специальности программист. В 2016 году в издательстве «Библиотека Иерусалимского журнала» вышла книга ее воспоминаний «Мир болит у меня под ложечкой». Пишет стихи на русском и иврите, публиковалась на обоих языках в литературных журналах и антологиях.

Григорий Певзнер, Марбург (Германия). Родился в Харькове в 1956 г. и жил там же (с перерывом на учёбу в Ленинграде) – до отъезда в 1992 г. в Германию. Педиатр, в Германии – физиотерапевт. В Москве вышли три сборника стихов, в Гейдельберге – в его переводе на русский язык – классические немецкие детские книги «Der Struwwelpeter» Генриха Гофмана («Стёпа-растрёпа») и «Max und Moritz» Вильгельма Буша. Публиковался в «Иерусалимском журнале», журналах

«Интерпоэзия», «Партнёр» и «Зарубежные записки» и других сетевых и бумажных изданиях.

Борис Полищук. Прозаик и драматург. Окончил Электротехнический институт в Санкт-Петербурге. Кандидат технических наук, работал в конструкторских бюро, на заводах, преподавал в школе. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева», в альманахах и сборниках рассказов и пьес в России и США. Живет в Хайфе.

Анна Ремез. Родилась и живёт в Санкт-Петербурге. Образование: СПГУ (факультет журналистики, специалист) и РГПУ им. Герцена, (институт детства, магистр). Прозаик, член Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат премии «Новая детская книга», финалист премий «Дебют», «Книгуру», премии имени Владислава Крапивина. Автор 14 книг для детей и подростков, среди которых: «Маяк в клеточку», «Приключения

Пелёныша», «На коньках по Неве или мышь в рукаве», «Волны ходят по четыре», «Пятнадцать», «Как устроить праздник», «Стражи белых ночей», «Прогулка по прямой» и др. Переводчик с английского языка.

Юрий Розин. 65 лет. В 2018 г. репатрировался из Новосибирска, в Израиль. Инженер-электронщик. Последние 15 лет в России специализировался на анализе и решении сложных проблем нестандартными интеллектуальными методами.

Гелена Степура. Родилась в Кишиневе в 1980 г. Репатрировалась в Израиль в 1990 г. Доктор технических наук. Училась в Технионе на факультете авиации. Работает по профессии. В свободное время пишет прозу и играет в театральную студию.

Паулина Чечельницкая. Родилась в 1946-м году в Молдавии. По профессии – преподаватель французского и немецкого языков. В настоящее время живёт в Израиле, в Тверии. Автор 11-ти книг поэзии и прозы, руководитель ЛитО «Волны Кинерета».

Додо Чиквашвили. Родилась в 1952 году в Тбилиси. В 1992 году с семьёй репатрировалась в Израиль. Доктор биологических наук, профессор медицинского факультета Тель-Авивского Университета.

Леонид Штернберг. Кандидат физ-мат. наук, математик и программист. Родился в Харькове. Закончил 27-ю физ-мат. школу. Выпускник факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ. Доцент Куйбышевского авиационного института. Автор ряда книг и учебных пособий. В 1992 году репатриировался в Израиль. Работал в крупных компаниях, включая «Рафаэль», преподавал на факультете «Компьютерные науки» Техниона и в ряде колледжей. В настоящее время активно выступает как аналитик политической и экономической жизни Израиля. Его статьи и выступления отличаются новаторским подходом, использующим математику и физику в публицистике. Член редколлегии журнала «СОНАР».

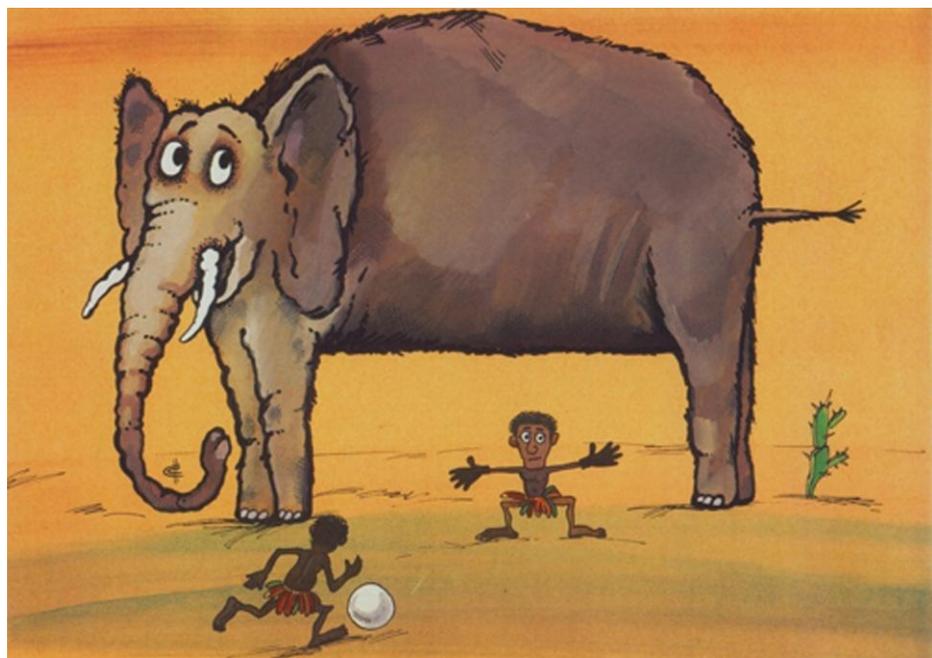
Фрида Шутман. Репатриировалась в Израиль из Киева в 1991 г. Прозаик, поэт, художник. По образованию преподаватель биологии и англ. языка. Член СРПИ. Участник ЛитО «Паруса» (Ашдод) и «АНАХНУ» (Хайфа). Переводчик стихов и прозы (русский, английский, украинский, белорусский языки, иврит и идиш). Автор, редактор и иллюстратор нескольких сборников СРПИ и трех своих книг: «Домик в деревне» (2012 год, Ашдод), «Не нужно нам других миров» (2017 г., Тель-Авив) и «Семь цветов радуги» (2020 г., Ашдод). Две книги номинированы на премии «Книга 2017 года» и «Книга 2020 года». Публикуется на литературных интернет-сайтах, в газетах и журналах Израиля, Украины, России, Германии, Канады и Новой Зеландии. Лауреат международных интернетовских конкурсов по литературе и живописи. Принимает участие в ежегодных художественных выставках. Проживает с семьей в Ашдоде.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

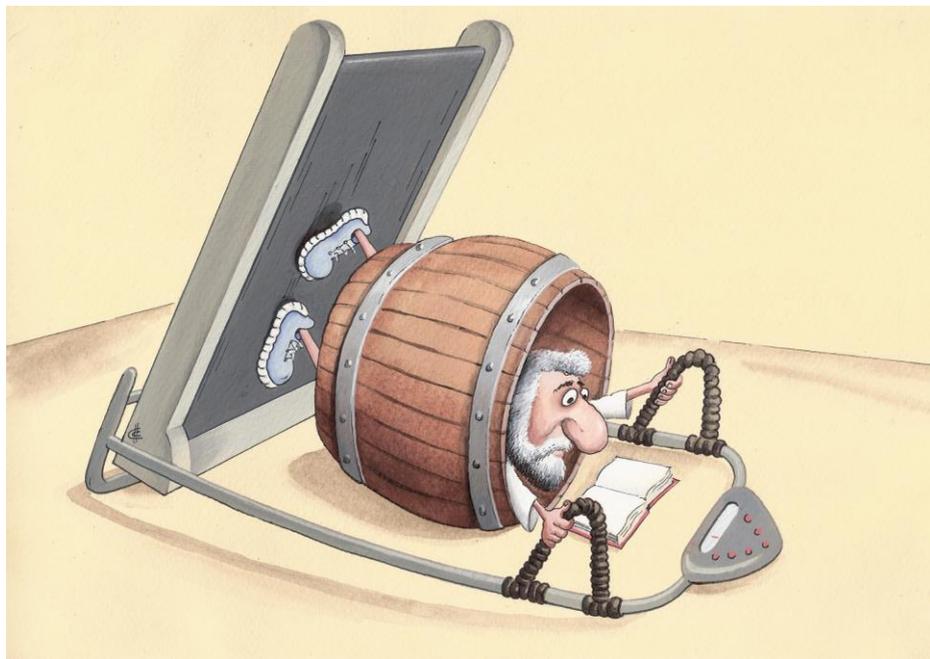

Сергей Сыченко родился в Харькове (Украина) в 1958 году. Окончил московскую Строгановку. Преподавал в Харьковском художественно-промышленном институте. С 1996 года проживает в Израиле. Иронической графикой и карикатурой (от веселой жизни) стал заниматься уже в Израиле. Под жарким солнцем провел 12 персональных выставок иронической графики и живописи, стал победителем и призером 120 международных конкурсов карикатуры. Был членом Союзов художников Украины и Израиля. Добровольно покинув эти организации, стал кошкой, гуляющей самой по себе. На жизнь смотрит с легким прищуром и улыбкой. Иногда смеется, иногда сквозь слезы.

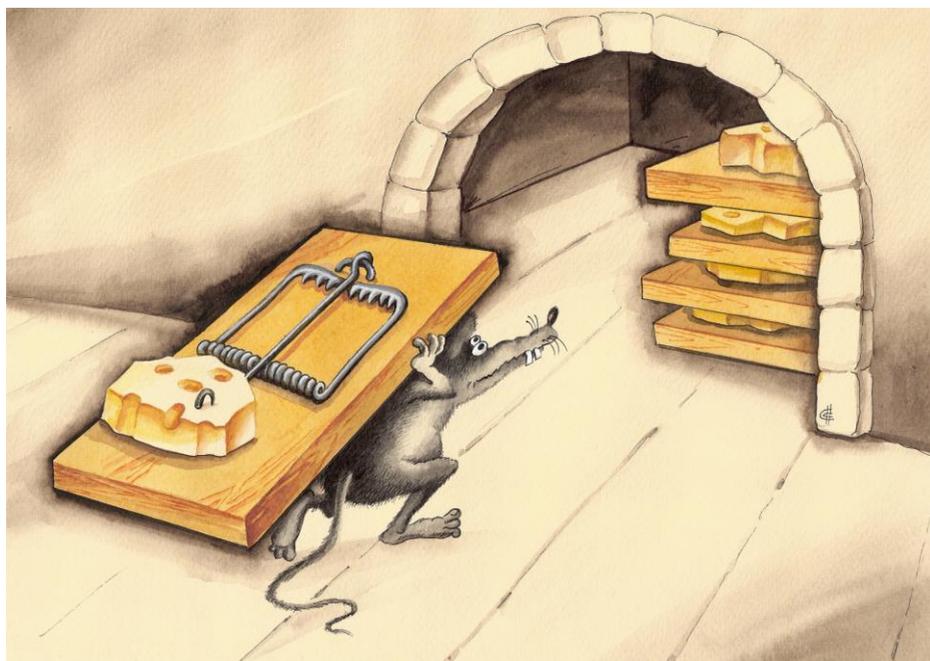
В галерее представлены рисунки автора, выполненные в технике акварель и акрил, бумага А4.

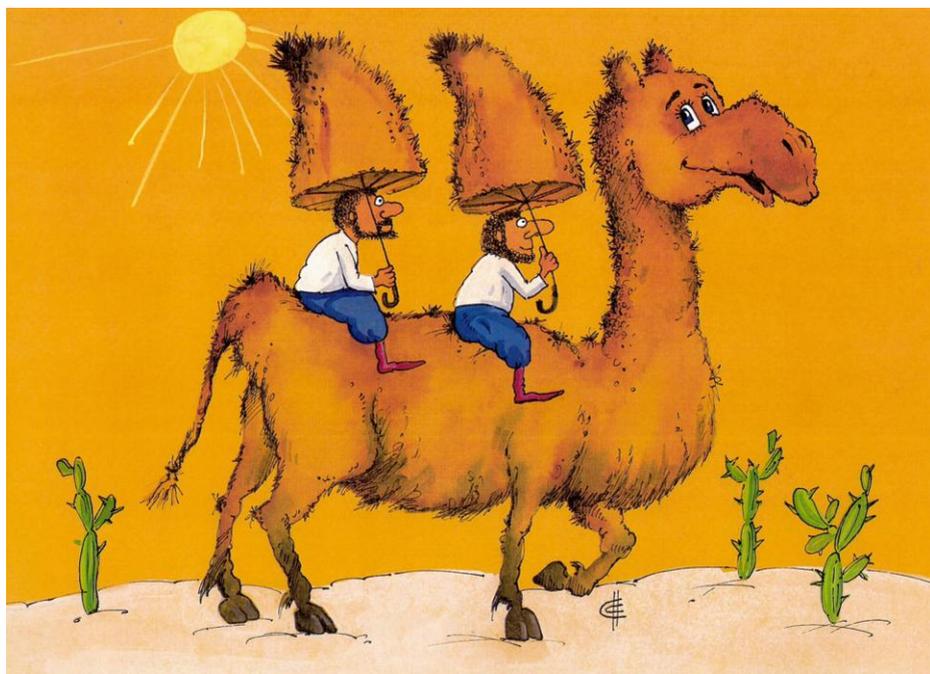
Ворота

Диоген

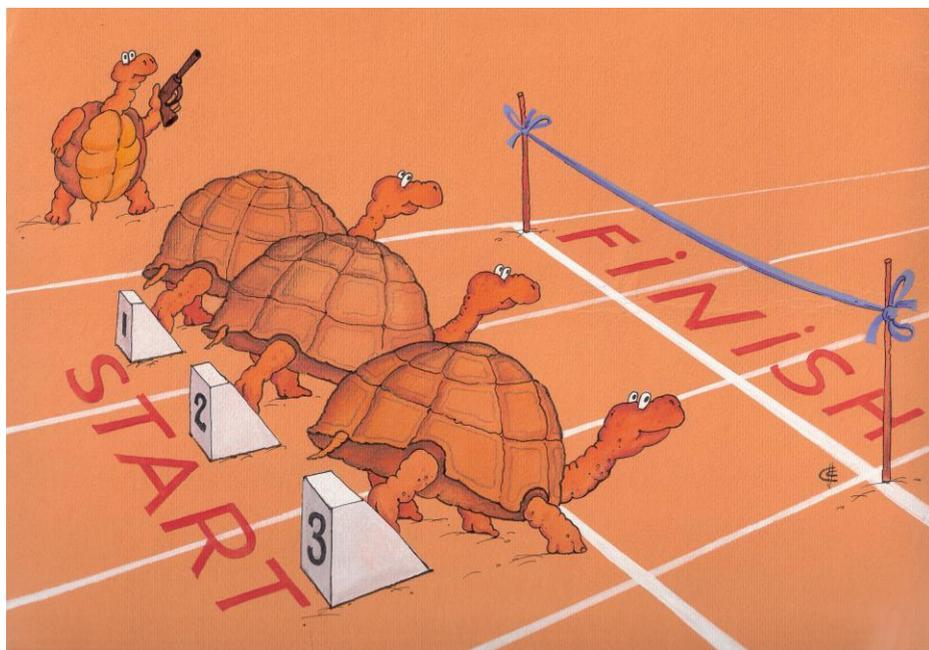
Жадина

Жаркий день

За жизнь

Забег

Завтрак

Король и шут

Крик

Нептун

Полет

Ποτόν

Радуга

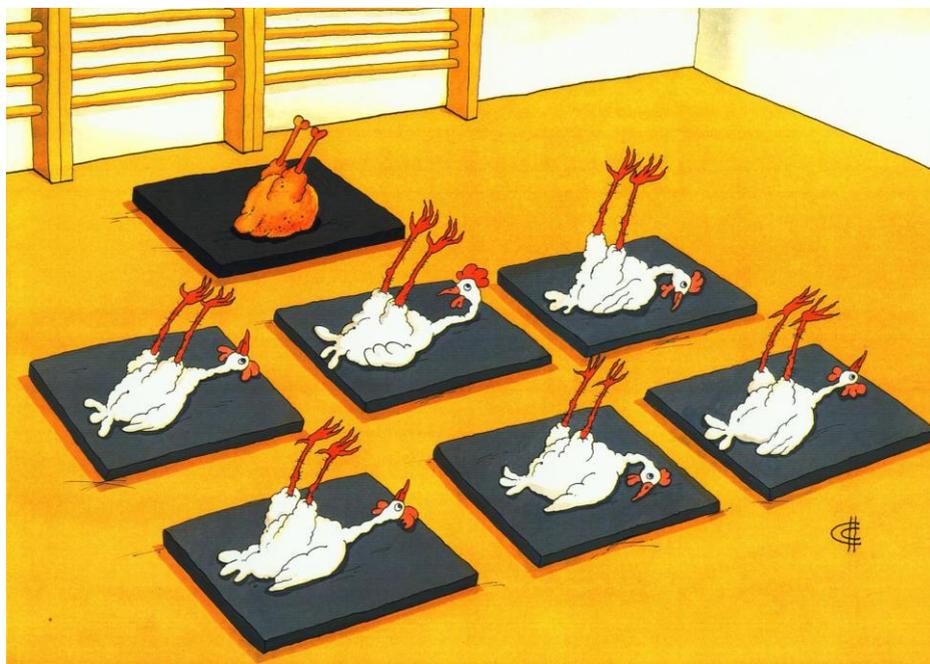
Распродажа

Сибирский загар

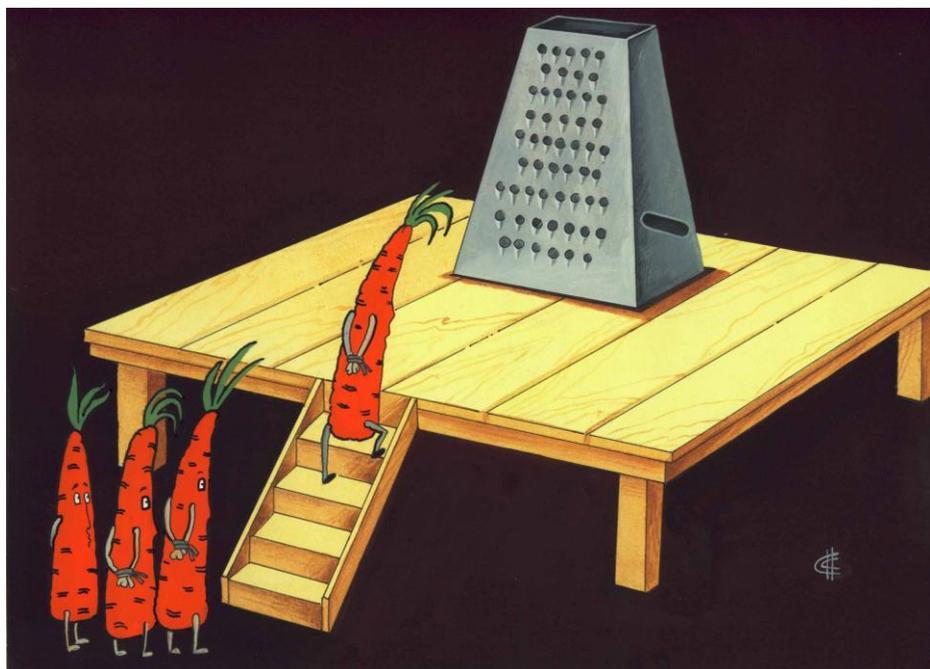
Танго

Утренняя гимнастика

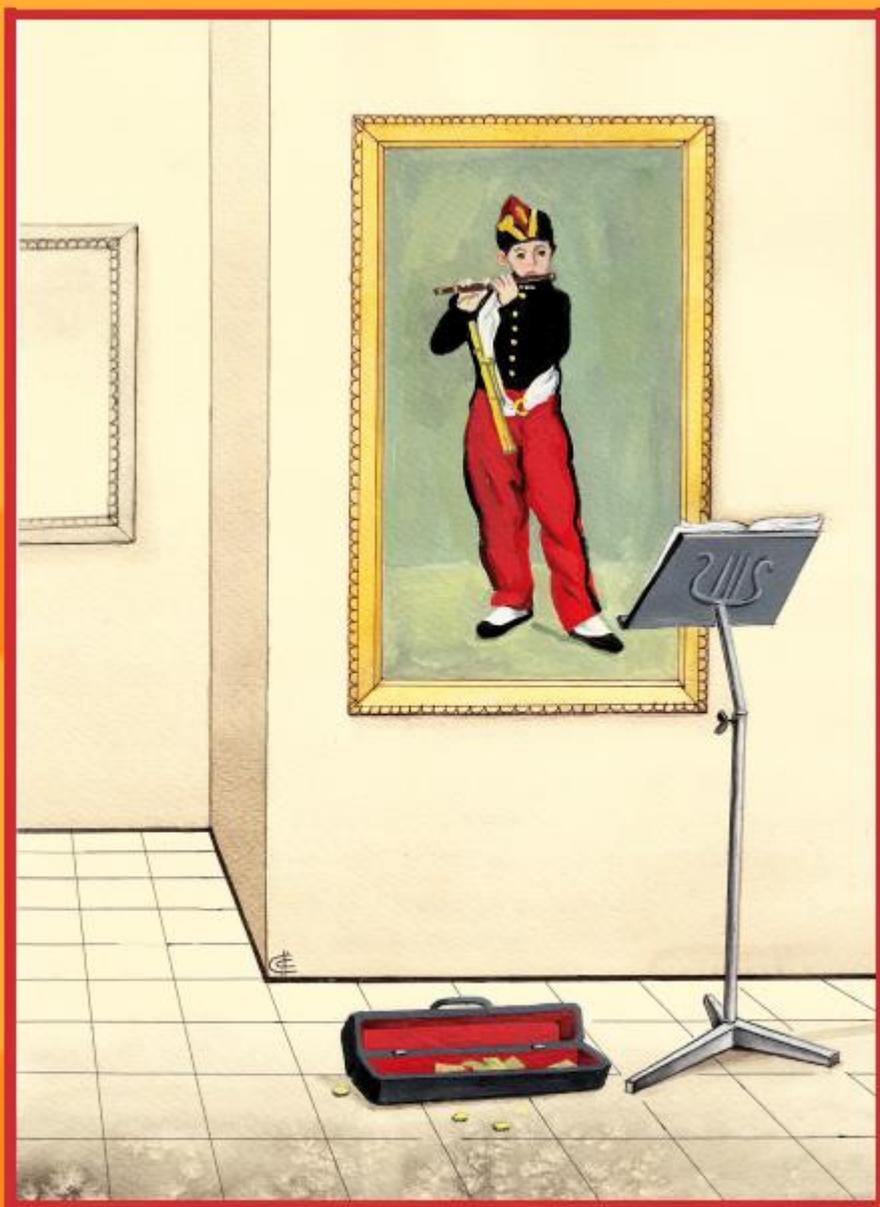
Хамелеон

Эшафот

Художник Сергей Сыченко
Автопортрет с котом

Литературно-публицистический журнал (((СОНАР)))
№ 18, 2025 г. Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль